

Александр Александрович Бушков Чингисхан: Неизвестная Азия

Александр Александрович Бушков Чингисхан. Неизвестная Азия

Поскреби русского – и найдешь татарина.
А.С. Пушкин

В наши дни не остается никакого сомнения в том, что всемирную историю время от времени придется переписывать. Подобная необходимость проистекает не вследствие того, что со временем выявляются все новые и новые события, а оттого, что появляются новые взгляды, побуждающие передового человека нового времени занять такую точку зрения, с которой он мог бы совершенно по-новому видеть и оценивать прошлое.

И. В. Гёте

Что есть будущее? Что – прошлое? Что такое мы сами? Какой магический флюид окружает нас и мешает нам видеть то, что нам важнее всего было бы узнать?

Наполеон Бонапарт

Пролог. Гроза над степью

Эта книга не о человеке, а о *континенте*. Огромном, таинственном континенте под названием «Азия», до сих пор остающемся во многом загадочным, потому что населявшие его в былые времена могучие народы были вполне умышленно оклеветаны, оболганы, провозглашены примитивными дикарями, на которых «цивилизованная», «высококультурная» Европа просто-таки обязана взирать сверху вниз с нескрываемым превосходством и вполне объяснимой (для самих заносчивых европейцев, понятно) брезгливостью. Меж тем азиатская действительность старых времен, как выясняется даже при довольно-таки поверхностном изучении, была весьма далека от сфабрикованного европейцами убогого лубка.

Писать подробную биографию Чингисхана мне, откровенно признаться, было бы скучно. Во-первых, оттого, что подобных биографий на полках магазинов красуется уже немало. Во-вторых, что гораздо более важно, все эти «биографии» большей своей частью – результат домыслов, допущений, собственной фантазии и откровенного вымысла. Поскольку базируются на данных так называемой «традиционной истории» – то есть того самого оккультнистского течения в науке, с которым, вопреки расхожим штампам, чуть ли не пятьсот лет боролись не самые тупые и шизофреничные ученые люди: и иезуит д'Арсила, и Исаак Ньютон, и вольнодумцы века восемнадцатого, и немецкие рискованные ученые века девятнадцатого, и современник Пушкина, основатель «скептической школы», профессор Каченовский, с которым при его жизни дискутировать попросту не осмеливались – очень уж серьезная и крупная была фигура в ученом мире! – но после кончины радостно упрятали его еретические труды подальше, и десятилетия, а потом и столетия добросовестного умолчания привели к тому, что Каченовский совершенно забыт... Одним словом, господа историки откровенно передергивают, заявляя, будто в исторической науке последние лет триста царил тишь, гладь да Божья благодать – и лишь в двадцатом столетии якобы толпой повалили недоучки и шизофреники, как-то: Морозов, Фоменко, Валянский-Калужный, и

прочая, и прочая. В том числе и автор этих строк, которому за десятилетие, прошедшее со дня выхода «России, которой не было», предъявили ни много ни мало *две* серьезные претензии. Первая: Бушков в корне не прав, утверждая, что татаро-монгольское нашествие было не таким уж жутким, поскольку существуют... былины об Авдотье Рязаночке и Ставре Годиновиче. Вторая: Бушков прочитал «слишком много» исторических трудов, а потому у него в голове все перепуталось.

Честное слово, я не шучу. Претензий именно две, и именно так они сформулированы печатно...

Но говорить мы будем не о битве меж «длинной» и «короткой» хронологиями (разве что изредка станем обращаться к этой теме). Разговор пойдет... ну конечно, не о *самом* Чингисхане. Меня в первую очередь интересовали те условия, та историческая среда, те предшествующие «монгольской империи» государства, которые и сформировали Чингисхана.

Иногда среди моих читателей попадают чрезвычайно наивные субъекты, которые с детской невинностью во взоре вопрошают: «Но послушайте, десять лет назад вы писали одно, а теперь совершенно другое, как это может быть?»

Именно что может, господа мои... Десять лет – достаточно долгий срок, за который мало-мальски думающий человек может поменять взгляды – главным образом оттого, что знакомится с новыми материалами, и в немалом количестве. Так что сегодня о Золотой Орде у меня совсем не то мнение, которое было десять лет назад, и это, по-моему, нормально.

Сегодня можно с уверенностью говорить, что все-таки существовали в реальности и Чингисхан-Темучин, и внук его Батый, и государство по имени Золотая Орда. Что вторжение степной конницы на Русь все-таки произошло. Слишком много серьезных свидетельств, проистекающих из самых разных источников, с разных сторон Ойкумены, эту теорему подтверждают.

Поскольку автор этих строк в среде «профессиональных историков» (то бишь оккультистов, которую сотню лет старательно водящих хоровод вокруг трухлявого истукана по имени Скалигер) и без того имеет репутацию чудовища, грызущего по ночам в подвале человеческие кости и летучей мышью реющего в полночь у форточек молодых защитников «подлинной науки» а-ля Володихин, очередная порция насквозь еретических высказываний уже нисколько означенной репутации не повредит. А посему позвольте уж без церемоний: в Чингисхана я верю. В его военные походы – тоже. Верю и в его потомков, в их свершения. Не верю и ни за что не поверю только в одно: в то, что все эти охватившие чуть ли не полмира битвы и потрясения устроил кочевой народ под названием *монголы*, пустившийся «к последнему морю» с территории *Монголии*. Чтобы обосновать эти нехитрые истины, данная книга и написана.

«Традиционная» версия проста как две копейки и шизофренична, как девственная политическая дама по имени Валерия: в монгольских степях обитал некогда одноименный кочевой народ, донельзя примитивный и дикий, живший практически в первобытнообщинном строе. А потом произошло чудо – по мнению оккультистов от истории, старинная жизнь была прямо-таки напичкана чудесами... Это примитивное, дикое племя, выдвинув вождем означенного Чингисхана, за какую-то пару десятков лет волшебным образом, неведомо какими путями освоило военное искусство, да так, что в крошево разнесло не менее дюжины старых, сильных *государств*. Вчерашние невежественные степняки прямо-таки стахановскими темпами обучились штурмовать укрепленные города и разбивать регулярные армии – вплоть до того, что в том же XIII столетии поплыли завоевывать Японию на кораблях собственной постройки, вооруженных... боевыми ракетами. И так далее. Вчерашние кочевники, опять-таки за считанные годы, обучились составлять сложнейшие законодательные кодексы, организовывать самую передовую для своего времени армию (с гвардией!), покровительствовать наукам, искусствам и ремеслам, налаживать дипломатическую переписку с европейскими королями и играть роль в большой европейской политике...

Именно эти дурные фантазии, именно их идиотизм, не имеющий ничего общего с реальной жизнью, и вызвал «альтернативные» теории. Таковых на сегодняшний день можно насчитать три.

1. Версия Фоменко и сподвижников. «Чингисханом» и «Батыем» был кто-то из русских князей (тут возможны варианты касаясь персоналий), «монголы» были русскими витязями... ну, вы знаете, что там дальше.

Десять лет назад я эту точку зрения разделял. Увы, с тех пор слишком много воды утекло. *Сегодня* верить в подобное категорически невозможно. Фоменко и его сподвижники были, признаем откровенно, хороши, пока они, не претендуя на глобальные отношения, *расшатывали* старую, обветшавшую языческую кумирню, пышно именуемую «исторической наукой».

Потом, надо полагать, закружилась голова – от некоторых несомненных успехов. И эти боевые ребята, увы, принялись на место одной глупой придумки (о «монгольском» иге) *вколачивать* свою – о «Великой славянской империи» от Тибета до американских прерий. Вот тут уже резко поплохело: как многие до него, как справедливо презираемые им «окультисты», Фоменко откровенно принялся *загонять* факты (интереснейшие! всерьез подрывающие прежнюю картину!) в теорию «Империи». Если факты упирались, тем хуже для фактов – их в теорию в последнее время уже форменным образом забивают коленом, а то и поленом, как они ни упираются... А посему Фоменко *выдохся* – как только стал с детским простодушием двоечника-третьеклассника подгонять решение под ответ в конце задачника...

2. Версия Н. А. Морозова и его последователей в лице Валянского-Калюжного и их группы. Вторжение на Русь состоялось не с Востока, а с Запада, и «татары» на самом деле – «татранцы», то бишь европейские крестоносцы, ну а Золотая Орда, соответственно – Золотой Орден в подчинении папы Римского.

Вот к *этим* ребятам я чувствую прямо-таки патологическое уважение: во-первых, оттого, что их работы славятся железной логикой и огромным фактическим материалом, а во-вторых, за то, что их, в отличие от Фоменко, за последнее десятилетие ни один окультист не смог ни на чем *подловить*. И критика в их адрес – исключительно нецензурная, что, согласитесь, несерьезно и показывает лишь слабость «правильной науки».

И все же... На мой взгляд, «крестоносная» теория, увы, тоже неверна. Поскольку не подтверждается ни единым западноевропейским источником – а я не верю в некую грандиозную «спецоперацию», в результате которой были уничтожены *все* компрометирующие рыцарей материалы. Так попросту не бывает. *Все* уничтожить было бы невозможно. «Теория заговора» имеет право на существование лишь до тех пор, пока не скатывается к дурному глобализму...

3. Версия Жабинского. Золотая Орда была основана византийскими императорами, отступившими в Малую Азию после захвата Константинополя крестоносцами. Опять-таки проработана не в пример лучше, нежели чисто умозрительные изыски Фоменко (которого только ленивый не ловил на массе ляпсусов). И тем не менее...

Версии номер два и номер три при всей их логической непротиворечивости и остроумно подобранных доказательствах все же страдают одним серьезнейшим недостатком по имени европоцентризм. Плохи они исключительно тем, что их создатели неосознанно для себя оказались в плену обычного европейского заблуждения: лишь в Европе могли существовать сильные государства и большая политика, лишь Европа способна была творить Большую Историю. Ну а Азия, соответственно, была слишком отстала, примитивна и слаба, чтобы всерьез претендовать на роль весомого фактора мировой истории...

Они не виноваты. Их так учили. И не только их...

Эта книга для того и написана, чтобы познакомить читателя с *настоящей* Азией – не дурацкими необозримыми степями, по которым носятся примитивные кочевники, а великим континентом, на просторах которого существовали могучие империи, в иные времена опережавшие Европу по всем параметрам. Чингисхану все его свершения удались как раз

потому, что он был не вождем полудикого племени, а наследником тысячелетних культур, существовавших на великом континенте Азия в те времена, когда будущие «просвещенные» европейцы еще разгуливали в звериных шкурах и дубасили друг друга каменными топорами. Эту точку зрения я постараюсь прилежно и обстоятельно обосновать, по своему циничному обыкновению – с помощью фактов, почерпнутых из той самой исторической науки, каковая страшно обижается на свое сравнение с оккультной сектой. Такова уж карма у господ «традиционных» историков: собрать сущие Гималаи прелюбопытнейших фактов, но впоследствии дать им самое идиотское толкование, а то и не дать никакого...

По своей привычке я буду заходить издалека, от седой древности. Как сплошь и рядом водится, выводы и умозаключения, что греха таить, способны будут кого-то удивить, ошеломить, ввергнуть в растерянность, а то и ярость. Ну, что поделать... Я никогда не ставил сверхзадачей простой эпатаж. Мне просто-напросто становилась интересна та или иная загадка, и я пытался ее решить. На истину в последней инстанции категорически не претендую. Кто желает, пусть сделает лучше...

Глава первая. Шаманские пляски

Труднейшая задача встала передо мной: то и дело поминать так называемых «профессиональных историков» и при этом не употреблять терминов вроде «мошенники», «прохвосты», «жулики». Тяжелая задача. Неподъемная. Особенно если учесть, что при вдумчивом изучении данного подвида фауны вышеозначенные словечки поневоле просятся на язык...

Ну что же, будем сохранять некую академичность, за отсутствие коей меня попрекают иные эстеты, о которых так метко и смачно дискутировали как-то бравый солдат Швейк со знакомым трактирщиком. И все же я оставляю за собой право на употребление словечка «окультисты», которое, как постараюсь дальше доказать, к нынешним историкам подходит как нельзя более. И это еще самое мягкое определение...

Что, собственно говоря, есть наука и чего она вообще добивается? Ответ несложен: наука – средство познания мира и его законов. Вот со вторым чуточку посложнее. Только особенно уж чистые душой люди свято верят, будто учеными руководит в первую очередь желание отыскать и явить человечеству некие окончательные истины. Будто, оказавшись лицом к лицу с истиной, ученый муж в самоотверженном порыве объявит всенародно, что прежде по недостатку знаний провозглашал не истину, а нечто совершенно ошибочное – по каковой причине он сейчас на глазах общественности истребит свои прежние труды, откажется от ученых званий и отправится отшельничать в пустыню, дабы питаться кузнечиками и каяться до скончания дней, что столько лет пропагандировал сугубо ошибочные теории...

Держите карман шире! Подобных примеров за последнюю сотню лет что-то не отмечено. Ежели ученый историк и расстается со своими насквозь ошибочными теориями, то исключительно под давлением настолько уж неопровержимых фактов, настолько уж широкого распространения новооткрытой истины, что сопротивляться становится совершенно неудобно (правда, и при этом варианте нет речи о добровольном отказе от научных званий, должностей и денежных подарков, полученных за старательную многолетнюю разработку тупикового направления или откровенной лжи). И никаких вам классических выкриков: «Вяжите меня, православные!». И выстрелов в висок не дождетесь – ученый кончает с собой, как правило, в одном-единственном случае: когда настолько убойно уличен в фальсификации, что прекрасно понимает – репутация его погублена безвозвратно, и больше ему в этом ремесле по гроб жизни ничегошеньки не светит...

Но не будем отвлекаться. Рассмотрим прежде всего *методы* научного познания, применяемые в разных дисциплинах.

Есть науки *точные*, а есть, скажем, история. Как работает, возьмем для примера, ядерный физик? С помощью соответствующей аппаратуры он прodelывает некие

манипуляции с атомами, протонами-электронами и прочими элементарными частицами. В случае, если он открывает нечто новое, публикует полученные результаты. И, что самое важное, его эксперименты непременно должны повторить *другие* ученые, и, если и они придут к тем же результатам, открытие будет принято научным сообществом – и никак не раньше.

Как работает химик? Грубо говоря, он, обложившись колбами, змеевиками и прочей посудой, старательно смешивает-фильтрует-разбавляет разнообразнейшие жидкости, разноцветные и бесцветные, вонючие и не очень. Если он открывает нечто новое... см. предыдущий пример.

За подобный подход к делу эти науки и именуются вполне справедливо точными. Немыслимо представить себе физика, который, взойдя на трибуну, не моргнув глазом доложит научному сообществу следующее:

– Когда я нажал пятый тумблер слева, в правом нижнем углу экрана замельтешило этакое зеленое с просинью пятнышко, мелькнуло – и пропало. Что это была за хреновина, я так и не успел понять. *Вероятнее всего*, это был лямбда-мезон. Доказать это нельзя, *но мне представляется*, что это был именно лямбда-мезон – ведь давно уже ходили слухи, что он именно такой, зелененький с просинью. *Нельзя исключать*, что это лямбда-мезон! Давайте договоримся считать, что это лямбда-мезон, а? Какой-то он такой... лямбдистый...

Ситуация дикая, невозможная, нереальная. Точные науки требуют точных доказательств. Меж тем в исторической науке подобная речь с применением тех самых, выделенных заглавными буквами оборотов, – дело прямо-таки житейское, насквозь привычное...

Одно немаловажное дополнение: помянутые физики и химики не делают секрета из своих методов и не ссылаются со значительным видом на некое «высшее знание», которым не в состоянии овладеть «профан». Даже человек без соответствующего образования все же в принципе способен, проявив усидчивость и потратив изрядное количество нервных клеток, хотя бы *приблизительно* понять, что именно и каким образом вытворял физик со своими подопытными электронами – или химик с вонючими кислотами.

В истории дела обстоят совершенно иначе. Историки обожают с загадочным видом ссылаться на некий волшебный, загадочный, полумистический «научный метод», которым якобы владеют только они одни, «профессиональные историки».

А человек со стороны, наподобие презренного еретика Фоменко или «шахматисъта» Каспарова, постичь этот таинственный «метод» решительно неспособен – и, следовательно, не имеет права проводить самостоятельные исследования и вообще задавать неудобные вопросы.

Меж тем полезно будет вспомнить: Энрико Ферми, мягко скажем, не самый бездарный физик, требовал от своих сотрудников, чтобы они были в состоянии, если понадобится, кратенько объяснить любой уборщице в их же собственной лаборатории смысл проводимых экспериментов. Объяснить так, чтобы уборщица поняла...

Ничего похожего на *жреческую* закрытость «профессиональных историков», кстати и некстати ссылающихся на свой пресловутый «научный метод», который человек со стороны постичь решительно не способен.

Меж тем господа историки упускают из виду, что существуют и другие весьма полезные научные дисциплины, как-то: логика, психология и психиатрия, накопившие немалый опыт изучения как отдельных индивидуумов, так и целых коллективов (к каковым, безусловно, относятся и научные школы). Метод изучения не обязательно сводится к примитивному уколу в задницу. Есть более тонкие: например, так называемые «звездные тесты». Это – хитро составленные списки из десятков умело подобранных вопросов. Каждый по отдельности совершенно безобиден, но, вместе взятые, сведенные в продуманную конструкцию, они непременно заставят отвечающего на анкету человека выложить помимо своего желания то, что он собирался скрыть. Выявить, ну скажем, душевную болезнь, или педофилические наклонности, или конкретные фобии – или, наоборот, разоблачить

симулянта, по каким-то своим шкурным причинам косящего под психа...

И есть еще не столь уж сложная вещь под названием логический анализ. Логическое мышление – это умение, которым можно при некоторых усилиях овладеть точно так же, как ездой на велосипеде или чистописанием.

Так вот, логический анализ нашей «профессиональной науки» вкупе с применением некоторых методик из психиатрии и психологии открывает интереснейшие вещи...

Прежде всего то, что деятельность историков, во-первых, вопиюще нелогична, во-вторых, основана не на результатах конкретных исследований, а на некоем *договоре*. Когда речь идет о прекрасно документированных исторических периодах, историкам еще можно с грехом пополам доверять, но стоит им опуститься вглубь на несколько столетий, как начинаются сплошные домыслы, догадки, предположения и гипотезы. И все бы ничего, но сплошь и рядом господа ученые, доценты с кандидатами, просто-напросто *договариваются* считать, что одна из гипотез верна. Понимаете? Вовсе не обязательно, чтобы она и в самом деле была верна. Главное, так *договорились* считать. А потом версия, касаясь которой договорились, попадает в научные труды и школьные учебники уже в качестве *истины*...

Простой пример – напроць вымышленный, но как две капли воды схожий с реальными, с которым мы позже обратимся.

В Китае обнаружена старинная рукопись, века этак восемнадцатого, написанная, естественно, на китайском, но ВРОДЕ БЫ принадлежащая перу монгольского летописца XIII столетия – так, во всяком случае, китайский автор утверждает, клянясь честным словом, что сам держал в руках монгольский первоисточник, на его глазах окончательно доеденный зловредными мышами (портрет мышей, сделанный кисточкой на белой бумаге, прилагается). И имеется там среди прочих интересная фразочка: «В год Хромой Черепахи славный богатырь Шубуда со своим туменом вдребезги и пополам разбил войска князя Сунь-Вын».

К рукописи, засучив рукава и цинично перемигиваясь, тут же подступает орава тех самых «профессиональных историков», вооруженных единственно верным учением... тьфу ты, «научным методом». Первый, перелистав немало пыльных фолиантов своих учителей и предшественников, вскоре торжественно объявляет, что, по его прикидкам, год Хромой Черепахи – это 1237 год от Рождества Христова.¹ Второй тоже не сидел сложа блудливые рученьки. Он быстренько осчастливил ученый мир откровением: поминаемый Шубуда – это, *вероятнее всего*, полководец Субудай-багатур, очень уж многозначительное сходство имен. (Вы и вправду полагаете, что это Фоменко придумал «перестановки букв» и «сходство имен»? Хо-хо! Почитайте труды вполне ортодоксальных корифеев, вроде академика Янина, поймете, что Фоменко эти методы у ортодоксов и *позаимствовал*...)

Третьему, как можно догадаться, совсем легко: «все уже украдено до нас». Особого напряжения ума не требуется – достаточно, сняв с полки пару справочников и почесав тыковку, вспомнить: а кого это бил в 1237 г. по Р. Х. Субудай-багатур? Ну конечно же, князя Евлампия Урюпинского! Каковой *наверняка* и есть поминаемый китайцем Сунь-Вын.

Набегают новые «корифеи», занимаются уже третьестепенными деталями – один обнаруживает, что автором монгольского первоисточника (которого, напоминая, никто в глаза не видел), *предположительно*, является ученый бонза Мастур-батыр из монастыря Фули-Толку. Ну как же, пятая слева мышь как две капли воды похожа на тех, что в задумчивости любил рисовать на стенах означенного монастыря Мастур-батыр. Второй, глядя в потолок, вычитывает оттуда, что помянутая битва произошла, *скорее всего*, на речке Запьянцовке – коли уж 1237 год, коли уж Субудай, коли уж Евлампий Урюпинский...

Проходит не так уж много времени, и волшебным образом куда-то пропадают все «вероятно», «возможно», «представляется» и «скорее всего». В выступления, диссертации,

¹ Формулировки «до нашей эры» и «наша эра» автор не употребляет принципиально, предпочитая «до Рождества Христова» (до Р. Х.) и «после Рождества Христова» (по Р. Х.).

книги и учебники намертво впечатывается чеканная строка: «В 1237 г. Субудай-багатур разбил на речке Запьянцовке рать князя Евлампия Урюпинского». И отныне любой, кто посмеет усомниться – лжеученик, искатель дешевой популярности, или попросту шизофреник...

А меж тем, согласно теории «многовариантности», сформулированной омским математиком Гуцом, задача вполне может иметь *несколько* решений. Все началось с *датировки* – а она вполне может оказаться неправильной, потому что и Первый Историк, и его учителя руководствовались джунгарским двенадцатилетним циклом, в то время как существовал гораздо менее известный, полузабытый усуньский. И рукопись датирована именно что по усуньскому циклу. Так что «год Хромой Черепахи» – это не 1237-й, а 1604-й (опять-таки по Р. Х.) И «Шубуда» – не Субудай, а именно что Шубуда, третьестепенный степной князек, который и в самом деле некогда расколошматил столь же захолустного китайского губернатора по имени как раз Сунь-Вынь... Но поезд ушел, господа, билеты обратно не принимаются!

Я привел насквозь вымышленный пример – но чуть позже познакомлю читателя с другими, насквозь реальными, похожими на наш умозрительный эксперимент как две капли воды...

Короче говоря, чем глубже мы опускаемся в прошлое, тем менее точной становится историческая наука, тем больше появляется догадок, домыслов, всех этих «вероятно», «возможно» – которые по прошествии небольшого времени волшебным образом превращаются в *истины*.

Вот это и есть пресловутый «научный метод», коим историки так гордятся, чью тайну они профанам не открывают. И не более того...

Подведем кое-какие итоги. Рассуждая логически, история как наука сводится к трем описательным пунктам.

1. Основой служит не точное знание, а *некое учение*, распространяемое группой непререкаемых авторитетов и не подкрепленное осязаемыми доказательствами.

2. Только «посвященные» могут постичь суть учения, остальные же, «профаны», к тому неспособны.

3. Все, чему учат «авторитеты», следует принимать *на веру*, не высказывая сомнений и не вступая в дискуссии.

А вдобавок – жесткая система вертикальной иерархии, когда нижестоящие всецело зависят от вышестоящих, и отработанная система репрессий, которая применяется против тех, кто рискнул высказать сомнения или по крайней мере потребовать логичных и убедительных доказательств.

Узнаете? Перед нами классическое описание *тоталитарной секты* вроде «Белого братства» или «Ветви Давидовой». Характеристики совпадают по всем параметрам... А дополнительные пункты, то бишь вертикальная иерархия и репрессии против инакомыслящих, еще и сближают историческую науку с мафиозным «семейством». Как тоталитарная секта и мафиозная организация, историческая наука извлекает некие конкретные, осязаемые материальные блага из положения, которое занимают ее члены, из проповедуемого учения... Вот именно, а вы что подумали?

Отсюда проистекает и тот печальный факт, что история, как это ни прискорбно, пожалуй что самая протитуированная из научных дисциплин. Данные *точных* наук чертовски трудно использовать для ненаучных манипуляций. Один-единственный раз тупые хмыри при значках со свастикой попытались создать «истинно арийскую физику» – но не получилось ни черта. Я ж говорю, с точными науками такие манипуляции не проходят.

Зато историки... Ну, не будем размазывать манную кашу по чистому столу. Просвещенный читатель и без моих подсказок вспомнит все те головоломные кульбиты, которые выкидывала отечественная историческая наука: то из летописи революции и гражданской войны напрочь пропадет Троцкий – как не бывало, то Сталин обратится в безликую «Ставку Верховного Главнокомандующего», то Брежнев в одиночку выигрывает

Великую Отечественную, то вешатель и наркоман Колчак превратится в романтического рыцаря...

За рубежом, между прочим, в иные периоды обстояло не намного благоднее. Относительно недавно, когда Франция еще обладала заокеанскими колониями, школьный учебник истории был *один*, без поправок на этническое многообразие. И темнокожие курчавые детишки где-нибудь на Карибах старательно зубрили: «Наши предки галлы были светловолосыми и голубоглазыми...» А американские учебники, изучай их хоть под микроскопом, категорически обходили молчанием тот факт, что краснокожие индейцы не сами научились снимать скальпы со своих жертв, а пошли на это под мягким ненавязчивым влиянием господ бледнолицых. Которые нанимали индейцев для борьбы с соперниками (англичане против французов и наоборот) и скрупулезно платили с головы... а что может быть лучшим доказательством, чем свеженький скальп?

Но вернемся в современность. В вымышленном примере с богатырем Шубудой я не зря затронул вопрос хронологии. Современная история, как известно, базируется в первую очередь на хронологии, а с ней обстоит что-то уж очень скверно. Не буду распространяться подробно – после многочисленных работ по «новой хронологии» в этом нет особенной нужды...

Я о другом. О том самом нездоровом оккультизме, на котором (еще один страшный секрет) базируется современная историческая наука. Можно ли представить, чтобы физики *секретили* классические работы Ньютона? Математики – Декарта? Ботаники – Линнея? Химики – Лавуазье? Чтобы труды всех перечисленных корифеев так и оставались не то чтобы под запретом, но – исключительно на латыни, без перевода на *живые*, общеупотребительные языки и без широкого распространения?

Дико. Немыслимо. Меж тем именно так и обстоит дело с трудами «гуру» нынешних историков Скалигера (ну как же в тоталитарной секте да без гуру? Это уже и не приличная секта получается, а черт знает что, перед шамбалоидами и прочими рерихнувшимися неудобно). Ни на один употребительный ныне европейский язык (и на азиатский тоже) они почему-то не переведены. Нам вновь предлагают принять на *веру*, что отец современной хронологии был гигантом мысли – но без единой строчки из работ основоположника...

Объяснение этому предельно странному факту напрашивается само собой, когда читаешь изданную недавно на русском книгу современника Скалигера Жана Бодена «Метод легкого познания истории» – означенный мэтр тоже активнейшим образом занимался составлением хронологии...

Стоп, стоп! Не составлением, а *сочинением* – в лучших традициях так называемой математической магии, откровенно оккультной дисциплины, именовавшейся еще «нумерология» и «каббала». С точки зрения Скалигера и Бодена, каждая цифра, не говоря уж о числе, обладала магическими свойствами...

Я уже цитировал Бодена в одной из предыдущих книг, но все же не могу вновь удержаться от соблазна, хотя кое-кто у нас порой и склонен упрекать меня за то, что переношу иные куски из одной книги в другую. Но как тут удержаться? Это же песня!

Итак... «Квадрат 7, умноженный на 9, дает 441, и квадрат 9, умноженный на 7 – 567. Совершенное число – 496, 6 и 29 – меньшие части совершенного числа. Оставшееся от совершенного числа превышает 8100, и они слишком велики для того, чтобы использоваться в вопросе о государствах. Квадрат 12 -144, а куб -1728. Ни одна империя в своем существовании не превысила значение суммы этих чисел, поэтому большие числа должны быть отвергнуты. Сферических чисел, включенных в великое число, четыре – 125, 216, 625, 1296. Посредством этих нескольких чисел, во множестве которых имеются не совершенные, не квадраты, не кубы, а также числа, составленные из четных и нечетных разрядов, но не из семерок и девяток, которых в этой бесконечной последовательности относительно немного, нам позволено изучать чудесные изменения почти всех государств. Во-первых, начиная с куба 12, про который некоторые из академиков говорят, что это великое и фатальное число Платона, мы обнаружим, что монархия ассирийцев от царя Нина до Александра Великого

воплощает это число в точности, по мнению самого Платона... От потопа до разрушения храма и еврейского государства Филон насчитывает 1717 лет, Иосиф (Флавий. -А. Б.) дает на двадцать лет больше, другие – существенно меньше. Я склонен думать как из правды истории, так и из значимости самого великого числа, что 11 лет должно быть добавлено к срокам Филона, так как результат должен быть не больше и не меньше, чем куб 12... Хотя среди писателей существуют великие расхождения относительно времени рождения Христа, еще Филон, который считается наиболее точным из древних, относит это к 3993 г. Лукидий от этого года отнимает три, Иосиф прибавляет шесть, по многим причинам, которые я вполне одобряю, так как получается число 3999, результат квадрата 7 и 9, самым замечательным образом подходящий к изменениям в наиболее важных делах, которые затем последовали».

Каково? Вот так и сочиняли хронологию отцы-основатели – с помощью «сферических чисел», «фатальных чисел», делили, умножали магические кубы на магические квадраты – одним словом, корезили реальную историю так, чтобы она сочеталась с их оккультными вычислениями. Нет никакого сомнения, что и труды Скалигера набиты столь же махровым цифровым оккультизмом, иначе зачем держать их где-то в пыльных запасниках?!

Практически *все* науки, существовавшие в те времена, когда увлеченно сочиняли хронологию господина вроде Скалигера и Бодена, давным-давно избавились от «детских болезней»: физика – от «теплорода», биология – от «самозарождения мух из грязи», оптика – от «исходящих из глаза лучей, ощупывающих предмет и передающих впечатления в мозг». Все... за исключением истории. Там по-прежнему в употреблении то, от чего другие науки, окрепнув, поспешили все же отделаться. Здесь возникает головоломный парадокс, который лично я понять не в состоянии: современная наука жестоко (и совершенно справедливо!) высмеивает писанину мадам Блаватской и «труды» цифровых мистиков, строящих на основе размеров египетских пирамид длиннейшие вычисления с якобы «зашифрованной информацией». И в то же время современная история, не ощущая ни тени стыда, пользуется «хронологией», четыреста лет назад сочиненной несколькими оккультистами с помощью тех же самых методов, какими «пирамидологи» доказывают, что высота пирамиды, умноженная на корень квадратный из ширины грани, дает, изволите ли видеть, сведения об атмосфере Венеры...

Сюрреализм, конечно. Но с историков как с гуся вода – притерпелись. Я не знаю другой такой науки, которая была бы столь вопиюще алогична, не соблюдала элементарные правила логики.

Есть великолепный учебник логики, написанный ординарным профессором Московского Императорского университета М. Троицким, – по которому в царской России изучали логику в высших учебных заведениях, в том числе и в семинариях (после знакомства с этой книгой, кстати, понимаешь, почему Сталин, учившийся по ней, стал тем, кем он стал). Откроем второе издание 1883 г.:

«Истинность посылок, при правильности силлогизации, есть полное ручательство за истину следствия; но не наоборот. Не следует истинностью следствия доказывать истинность посылок, к чему так расположены в доказательствах, опирающихся на гипотезы; потому что, как доказал еще Аристотель, истинное следствие может быть иногда получено из ложных посылок, и не только из одной ложной, при одной истинной, но и из обеих ложных».

Эти слова прекрасно иллюстрируют положение дел, сложившееся в исторической науке, где истинность некоего следствия еще не означает истинности посылок. Скажем, смешно было бы отрицать, что существовали в свое время славные римские легионеры с прямоугольными щитами, шлемами в перьях, знаменами с орлами, центурионы в украшенных вычурными бляхами доспехах...

Вот только *когда* имело место быть это самое «свое время»? Две тысячи лет назад, как нам пытается внушить история, или все же в раннее Средневековье?

Великолепна в своей шизофреничности цитата из вышедшей недавно научно-популярной книги по археологии, принадлежащей перу матерого журналиста. Речь

идет об открытии современными археологами тайника на вилле римского императора Тиберия. «Место его виллы было хорошо известно археологам, ибо сохранились записки средневековых итальянских феодалов, похвалявшихся друг другу, как много ценного они захватили с виллы Тиберия – и скульптуры, и посуду, и мозаики, и хорошие строительные камни».

Для тех, кто не понял, где тут шизофрения и где тут черный юмор, объясняю подробно: *средневековые* итальянские феодалы, без зазрения совести ограбившие виллу Тиберия, жили самое раннее веке в десятом-одиннадцатом по Р. Х. *Раньше* они никак не могли обитать, раньше, твердит нам та же самая официальная история, в Европе царили Темные века, бесписьменные, и тогдашние феодалы (да и их короли, впрочем), были поголовно неграмотны. А вот императора Тиберия та же официальная история относит к *первому* столетию до Рождества Христова!

Как прикажете понимать этикие пассажи? Прикажете верить, что после смерти императора его вилла, набитая ценными вещами, несколько сотен лет простояла бесхозной, но нетронутой? И долгие века прошли, прежде чем те самые средневековые итальянские рыцари осмелились наконец сгрести в мешки посуду и выломать драгоценные мозаики?!

Зная человеческую природу, предполагать следует другое: что от смерти Тиберия до беззастенчивого разграбления его виллы прошли какие-то *дни*. Во все времена, на любом континенте, при любой власти оказавшиеся без присмотра ценности имеют свойство мгновенно улечиваться в роковую пропащность. Коли уж имеются письма средневековых итальянских феодалов, хвастающих друг перед другом долей в добыче с совместно разграбленной ими виллы Тиберия, следовательно, Тиберий был их *современником* и жил в то же самое Средневековье. Есть в этом утверждении логический изъян?

История, как булка с изюмом, полна подобными *прибамбаясами* – вопиюще нелогичными утверждениями, проистекающими исключительно оттого, что мозги пишущих настолько отравлены «традиционной» хронологией, что задуматься о смысле исходящего из-под их борзого пера им и в голову не приходит.

Очередной перл: «Хотя Киев был до основания разрушен татарами-монголами, европейские купцы продолжали туда ездить».

Откуда сие? А это очередной популяризатор оказался не в силах иначе совместить два противоречащих друг другу утверждения. С одной стороны, историки *договорились* считать, что стольный град Киев был «монголами» изничтожен начисто, с лица земли сметен, на долгие десятилетия обезлюдел совершенно. С другой – есть немало западноевропейских свидетельств с перечислением имен купцов, побывавших в Киеве заведомо *после* Батыева нашествия. И нам предлагают поверить, что купец, умеющий считать каждый грош, зачем-то ехал в полностью разрушенный город, и это в те времена, когда о туризме и речи не шло... Вывод? Вывод прост: уж если купцы в Киев ездили и после «разгрома» его Батыем, значит, город вовсе не был разрушен до основания, там продолжалась достаточно оживленная жизнь с торговлей и ярмарками – иначе с какого перепугу везли бы расчетливые купцы свои товары на безлюдную пустошь, где развалины заросли травой и волки воют?!

На стене «древнеримской» виллы в Помпеях, раскопанной не так давно, обнаружилась мозаика, а на ней – несомненное изображение южноамериканского фрукта ананаса. С позиций традиционной истории следует искать объяснение в том, что еще древние римляне-де совершали морские путешествия в Америку. Более логичен и убедителен другой вывод: что «древнеримская» вилла построена уже после плаваний Колумба, и все дело в неверной датировке... Если развлечения ради захотите как-нибудь довести до белого каления «профессионального историка», попытайтесь добиться от него прямого ответа на парочку немудрящих вопросов. Скажем, где и в каком году похоронен был Вещий Олег? Или: откуда родом была княгиня Ольга?

Пикантность тут в том, что Лаврентьевская летопись сообщает, что умер Олег Вещий в 912 году от Рождества Христова и погребен в Киеве. Новгородская – что произошло это

печальное событие в 922 году, а похоронен Олег в городе Ладоге. *Обе* летописи господами историками признаны подлинными, верными, неподдельными.

С княгиней Ольгой обстоит еще хлеще. Здесь имеются аж *четыре* различных летописных источника, признанных подлинными. По первому, родиной Ольги было село Выбутское под Псковом, по второму – город Изборск. Третий объявляет Ольгу болгарской княжной. Четвертый – опять-таки княжной, но уже половецкой, дочь «Гмутарахана, князя Половецкого»! За что я люблю историю, так это за ее безукоризненную точность...

(Между прочим, два последних утверждения могут означать всего-навсего и то, что болгары с половцами – один народ, вопреки «традиционной» точке зрения. Просто одна летопись именовала их этак, а другая иначе – как западноевропейский хронист мог бы назвать подданных Иоанна Грозного то «славянами», то «москвитами», и в обоих случаях это соответствовало бы истине.)

Пикантность ситуации, повторяю, усугубляется тем, что *все* летописи, набитые разночтениями, ученый мир признает. Он летописям верит свято, отчего-то полагая, что древний летописец был сущим ангелом во плоти, озабоченным исключительно тем, как бы донести до далеких потомков незамутненную, неискаженную истину. Совершенно не принимается в расчет, что летописец был живым человеком со своими слабостями и недостатками: о чем-то он мог и умолчать, убоясь своего крутого на расправу князя, что-то, наоборот, мог присочинить (к вящей славе того же князя, исправно снабжавшего летописца жареными гусями, жбанами с медовухой и сговорчивыми девками). А также по собственной инициативе – очернить нелюбимых им соседей, или, наоборот, умолчать о каких-то неприглядных поступках уважаемого им боярина... да, наконец, шутки ради (или из более благородных побуждений) попросту *выдумать* не только героев, но и исторические события.

Один из ярких тому примеров случился не далее как во второй половине двадцатого столетия. Эрнесто Че Гевара оставил подробнейшие записки о славном партизанском пути отряда Фиделя Кастро. Вот только сподвижник Фиделя был невероятным романтиком, поэтом в душе, а потому расцвечивал скучную, суровую действительность насквозь вымышленными сценами. Кастровцы сгоряча пристрелили некоего деревенского мужичка по имени Эутимио – исключительно за то, что нашли у него выписанный местными властями пропуск. Поэт Че сочинил прямо-таки роман о том, что оный Эутимио был завербован тайной полицией с целью убить Фиделя и даже спал с ним под одним одеялом, но нажать на курок так и не решился. А временами тайком сбегал из лагеря к батистовцам, те сажали его в кабину бомбардировщика, и предатель указывал сверху, где следует бомбить. (Между прочим, означенный Эутимио не раз приносил в лагерь продукты, так что охранке, сотрудничай он с ней, ничего бы не стоило их попросту отравить, это было бы гораздо проще и легче, чем тратить уйму горючего и бомб.)

Но Эутимио по крайней мере существовал в реальности. Зато насквозь вымышленными оказались две «девушки-связные», Клодомира и Лидия, якобы принявшие мученическую смерть в лапах палачей охраны. Их тоже выдумал Че. Без всяких, как легко догадаться, корыстных мотивов – он, повторяю, был романтик и поэт и, как мог, расцвечивал серые будни побасенками о «супершпионе Эутимио» и «умученных героических девушках». И все бы ничего, но многие авторы книг о Кастро, Геваре и их боевом пути уже *всерьез* повторяли поэтические выдумки Че, расцвечивая, как водится, собственными подробностями и дополнениями...

Порой диву даешься, узнав, *какими* методами творят историю ее корифеи! Крупный и почитаемый в свое время историк Льюис Морган (1818–1881) много лет изучал *современные* ему индейские племена Северной Америки и собрал огромный фактический материал. И все бы ничего, но в своем «Древнем обществе» он именно на основе этих изысканий «реконструировал» жизнь *европейских* первобытных людей! Логика проста: индейцы – дикари. Первобытные европейцы тоже были дикарями. Следовательно, они точно так же строили свою общественную жизнь, как индейцы...

Впрочем, существует еще более нелогичная, фантазийная и удивительная наука, нежели история – палеонтология. Ей я намерен посвятить следующую книгу, а пока что приведу один-единственный многозначительный пример, который настолько хорош, что пройти мимо него попросту невозможно. Мы снова сталкиваемся с тем же самым «научным методом», когда из собственного пальца можно высосать что угодно под рукоплескания собратьев по *секте*...

Наряду с членами общества, считающего Землю плоской, существуют еще столь же безобидные чудачки, верящие в «теорию Дарвина», о которой вы, может быть, слышали. Согласно этой теории, не подтвержденной ничем и никем, современный человек «произшел» от череды древних обезьянок, как-то: австралопитека, питекантропа, синантропа и т. д. Как водится, нашлись ученые, откопавшие то там, то сям жалкие кусочки скелетов этих обезьянок (ни одного полного!) и чисто умозрительно, из головы, сочинившие красивую теорию, которую, как легко догадаться, опять-таки следует принимать на *веру*: австралопитек родил питекантропа, питекантроп родил неандертальца, неандерталец... Ну, вы, наверное, слышали.

Реальные питекантропы были, насколько можно судить, самыми обыкновенными обезьянками, мирно жвавшими бананы двести тысяч лет назад: в меру тупые, в меру шустрые, в меру вонючие. Членораздельной речью они, конечно же, не владели, орудиями труда не пользовались, одежды не носили... и мемуаров, естественно, не оставили.

Но вот что недавно изрек об их привычках *настоящий*, с образованием и насиженным местом в науке немецкий археолог Мартин Кукенбург: по его глубокому убеждению, питекантропы всюду переправлялись через морские проливы «на связках тростника или надутых звериных шкурах»!

Тростник нужно *связывать* в плоты, а «надутые бурдюки» *зашивать*. Ни одна обезьяна в подобных ремесленных искусствах не замечена. О питекантропах, повторяю, не известно *ничего* – они не оставили мемуаров о своих мореплаваниях, равно как и наскальных изображений, где запечатлели бы своих корабельщиков. Точно так же их соседи (такие же обезьянки) не оставили ни писанных хроник, ни картинок с натуры. Машины времени в распоряжении Кукенбурга уж наверняка не имелось.

Почему же тогда, на каком основании ученый-археолог делает столь ошеломительные заявления?

А просто так. В голову взбрело. Сидел-сидел наш немец, тарасился в потолок, и вдруг его осенило: двести тысяч лет назад обезьянки по прозвищу питекантропы переплывали морские проливы на плотках и бурдюках. Доказательства? Какие могут быть доказательства, если, как выражался герой бессмертной комедии «Мимино», «я так вижу»?

Самое печальное: сподвижники герра Кукенбурга, как явствует из контекста, и не подумали кликнуть санитаров к явно перегревшемуся на солнце коллеге. Одобрительно покивали головами, похлопали по плечу – и продолжали прежние занятия, но уже с учетом «новых открытий» собрата. Через несколько лет, так уж водится, в научных трудах и учебниках то, что питекантропы обладали неплохим мореходным искусством, будет преподноситься на правах даже не версии, а железобетонной истины.

Скажите, невозможно? А как же великие «древние битвы» якобы происходившие там, где попросту невозможно маневрировать массами войск? А как же «древнеримские метательные машины», которые нарушают все законы баллистики и существовать не могли изначально? А как же «миллионные древние армии», ухитрившиеся как-то существовать неделями и месяцами без еды и питья? Потому что самый примитивный расчет показывает: на один-единственный день этой ораве требовалось бы такое количество провизии, какое *весь* античный мир обеспечить не в состоянии.

Этот список можно продолжать до бесконечности, а потому прервемся и перейдем от тех черт, которые роднят историю с тоталитарной сектой, к тем ее нравам, которые роднят сию почтенную науку уже с сицилийской или неаполитанской мафией...

Да-да, вот именно.

Сплошь и рядом господа ученые ради устранения собрата по науке, чьи взгляды их категорически не устраивают, пускают в ход приемчики, более свойственные хмурым сицилийским парням с обрезом под полой. Стрелять, правда, не стреляют. Как-то не зафиксировано случаев, когда профессор Икс, разъяренный теми взглядами, которые себе позволяет публично высказывать доцент Игрек, шарханул в последнего из автомата Калашникова. Есть другие средства...

Об этом мало кто дает себе труд задуматься, но в тех «сталинских репрессиях», которые, помимо прочего, «Карфагеном прошлись» и по ученому сообществу, виновато в первую очередь оно само. Поясню свою мысль. Уже стало привычным штампом сваливать все на злодейство «кровожадных следователей из НКВД», которые «фабриковали дела». На деле все обстоит гораздо сложнее...

Следователь НКВД, по самой сути своей профессии, не особенно силен в науках. Прямо скажем, вовсе не силен. Давайте задумаемся над нехитрым вроде бы вопросом: а *как*, с помощью каких методик означенный следователь может *выцепить* из множества работников той или иной конторы конкретного «врага народа», которому намерен «пришить дело»?

Гораздо проще, когда речь идет, скажем, о железной дороге – тут следователю необязательно быть семи пядей во лбу. Практически любого можно хватать за шкуру и обвинять в «подготовке крушения поезда». То же самое на каком-нибудь большом предприятии: злыдень хотел «устроить диверсию». На любом мало-мальски приличном заводе найдется масса агрегатов, которые следователю вовсе не обязательно знать по названиям. «Диверсант» – и все тут, остальное приложится в процессе...

А теперь представьте себе ситуацию, когда следователь, озабоченный спущенным «железным наркомом» Ежовым планом по выявлению определенного количества «врагов народа» и «вредителей», обратил тяжелый хмурый взор на какой-нибудь научный институт, где трудится над бумажками пара сотен индивидуумов с учеными степенями...

Кого хватать? *И за что?* С инженерами проще – им, как я уже говорил, в два счета можно пришить вредительство против «главного заводского агрегата». Практически любого партийца можно, не утруждая фантазию, уличить в симпатиях к троцкистам или в каком-нибудь уклоне. Ну а историка-то как прищучить? И какие, собственно, обвинения выдвигать? Ежели оный историк сочинил капитальный труд под названием, скажем: «Аграрные отношения в великом герцогстве Бургундском в XII столетии»? На который следователь смотрит как баран на новые ворота?

Еще не догадались? Ну это же просто...

К следователю, подняв воротник, проскальзывает *другой* дипломированный историк и, раскрывая «Аграрные отношения...» на отмеченных закладочками страницах, в два счета объясняет: вот эта фраза категорически противоречит высказываниям товарища Сталина в беседе с французскими товарищами. Эта – ставит под сомнение идеи, выдвинутые на Четырнадцатом съезде ВКП(б). А этот абзац, страшно вымолвить, категорически расходится с классической работой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»...

Вот *теперь* наш следователь совершенно точно знает, *что* предъявлять автору «Аграрных отношений...» и какое лыко ставить ему в строку. Самое время выписывать ордерок. И выписывает... А может быть, и нет. Потому что автор «Аграрных отношений...» еще вчера побывал в другом кабинетике в том же здании и выложил всю правдочку касавшего своего теперешнего обвинителя – с помощью той же нехитрой методики. И берут уже не его, а второго, опоздавшего...

Именно так в те годы и обстояло. Товарищи ученые, доценты с кандидатами, не страдая излишней стыдливостью, оставили массу мемуаров, где подробно описывали эти дьявольские забавы: как стучали друг на друга куда следует, и крутилось колесо смертельной лотереи – тут уж кому как повезет... Сколько оборотистого народа таким образом избавилось от оппонентов, чьи взгляды были им не по нутру, уже не сосчитать.

Когда времена настали более вегетарианские, эта система уже не работала. И тут на

помощь пришел старый безотказный метод «погружения в забытие». Когда некий еретик высказывает теории, идущие вразрез с устоявшимся мнением «ученого сообщества», а логично и убедительно возразить ему отчего-то не получается, идет в ход другая тактика: забыть о неудобном оппоненте (благо он только что отбыл в мир иной), не переиздавать его работ, не упоминать в научной печати. Пройдет не так уж много лет, и публика забудет, что возмутитель спокойствия существовал вообще...

Я уже писал в одной из своих книг, что чисто случайно, перелистывая энциклопедический словарь времен Александра II, обнаружил *вычеркнутого* из истории английского ученого Джеймса Грота. Деятель был не из второстепенных: авторитетнейший в свое время историк, почетный доктор Оксфорда и Кембриджа, вице-канцлер Лондонского университета, автор классического десятитомника «История Древней Греции» (1846–1856).

Одно немаловажное уточнение: англичанин занимался как раз тем, что ныне именуется «новой хронологией». В своих трудах он всячески сокращал и «ужимал» классическую древнегреческую историю, что ортодоксальные историки встретили скрежетом зубным. Мало того, у Грота появились ученики и последователи, которые развивали это «критическое направление» и в том числе, например, отрицали реальность Гомера.

Пока Грот был жив, спорить с ним было решительно невозможно: очень уж крупная фигура, категорически не сочетавшаяся с ярлыками вроде «невежды», «недоучки», «шизофреника». Но после его кончины книги Грота задвинули подальше в пыльные недра библиотек, а последователей, безусловно уступавших учителю в маститости, потихонечку *приглушили*...

В том же словаре, опять-таки чисто случайно, я наткнулся еще на одну фамилию, на сей раз немецкую – Бартольд Нибур, известнейший и авторитетный в свое время немецкий историк (1776–1831). Учился в Киле, Лондоне и Эдинбурге, читал на двадцати языках, был финансистом, дипломатом, преподавателем истории в новооткрытом Берлинском университете.

Так вот, Нибур считал *всю* «древнеримскую историю» легендой. И опять-таки основал «критическое направление». Именно его учеником считался наш профессор Каченовский, глава русской «скептической школы». Еще одна иллюстрация несложного тезиса о том, что критика «классической» хронологии и «классической» истории – не результат безответственных упражнений кучки невежд и шизофреников, а практически *непрерывный* процесс, длившийся столетиями, в котором, какое столетие ни возьми, принимали участие серьезнейшие и крупнейшие историки. Вот только судьба их была одинакова: злобные шепотки за спиной при жизни и забвение после смерти. Повторяю, я чисто случайно наткнулся на совершенно забытые имена Грота и Нибура. А сколько их может оказаться еще, насильственно вычеркнутых из истории?

1887 год. Ученый А. Н. Краснов на востоке Иссык-Кульской котловины, примыкающей к одноименному озеру, обнаруживает множество валунов со сделанными руками древних обитателей этих мест рисунками. На камнях высечены люди, безусловно обитавшие здесь в Средневековье: всадники в халатах, с копьями в руках и саблями на поясе, с луками и стрелами. Всадники окружены всевозможным зверьем: олени, архары, лисы, тигры, кабаны... и какие-то крупные животные с длинными клыками, по мнению Краснова, чрезвычайно похожие на *мамонтов*.

Вот тут ученые взвились, словно получив укол шилом в известное место... Они ведь *договорились* считать, что мамонты вымерли в каменном веке, когда человек ни лошади еще не приручил, ни копий с саблями делать не умел. Краснов, к сожалению, не зарисовал свои находки, а оставил только их описание, поэтому с его сообщением разделились просто: что он-де видел изображения всадников с саблями и мамонтов на *разных* камнях, а потом в голове у него все перепуталось...

С тех пор прошло много лет. Наскальные изображения Иссык-Кульской котловины изучали долго и старательно – вот только о «валунах Краснова» ни слуху ни духу. Их существование не то чтобы отрицают – ими просто не занимаются. Потому что мамонт не

может быть современником человека с саблей, не может, не может! Ученые договорились считать, что именно так и обстояло.

А меж тем китайский книжник Сыма Цянь (которого традиционная история относит ко второму веку после Р. Х.) писал в одном из своих трудов, что в Сибири обитает и превосходно себя чувствует... тот самый шерстистый носорог, что, по мнению «правильных» ученых, опять-таки вымер в каменном веке. Самое вразумительное объяснение по этому поводу, какое мне доводилось слышать от одного кандидата исторических наук, – это произнесенное сквозь зубы: «Наука этого не может объяснить». И точка. В самом деле, если начнешь искать объяснения, то как быть с кучей диссертаций и трудов корифеев, считающих, что данный носорог начисто вымер в первобытные времена?

Поэтому нет ничего удивительного в том, что двое отечественных ученых, Окладников и Рагожин, еще в 1961 году обнаружили в Сибири, под Горно-Алтайском, множество весьма совершенных каменных орудий труда первобытного человека, но о своем открытии объявили лишь... в 1984 году, двадцать три года спустя. Причина проста: возраст этих орудий составлял *полтора-два миллиона* лет (что нашло подтверждение в последующие годы, когда другие ученые обнаружили аналогичные изделия и определили их возраст с помощью калий-аргонного и магниевого способов анализа). На момент раскопок Окладникова-Рагожина предположения о столь древнем возрасте «человека умелого» считались жутчайшей ересью – и оба прекрасно понимали, что разгневанное ученое сообщество в два счета сотрет незадачливых исследователей в порошок, чтобы не открывали ничего «неправильного».

Я бы не хотел, чтобы кто-нибудь решил, будто подобные страсти-мордасти могли твориться исключительно в нашем богоспасаемом Отечестве. Увы... Как пелось в известном спектакле, Российская империя – тюрьма, но за границей та же кутерьма...

Достаточно вспомнить, что происходило в «Мекке демократии», сиречь США, в сороковых годах прошлого века, когда ученое сообщество ополчилось против «неправильных» книг известного возмутителя спокойствия Иммануила Великовского.

Еретик был – пробы ставить некуда. Мало того, что он сокращал уютную, привычную, устоявшуюся «длинную» хронологию, он еще и дерзнул, не имея специального образования, выдвигать шальные гипотезы по части астрономии и планетологии...

Свои взгляды он изложил в книге «Миры в столкновении», вышедшей в крупном издательстве «Макмиллан» – на что, как всякий гражданин демократической страны, имел полное право. Реакция ученого мира была специфической...

К владельцам издательства явились представители научного сообщества, крайне респектабельные господа самого приличного вида. Они не выражались матом, не стреляли в потолок, не обещали подкладывать бомбы или отрезать уши. Они просто-напросто с милой улыбкой заявили: если издательство не признает свою ошибку и не откажется от дальнейшего сотрудничества с Великовским, университеты и колледжи перестанут отныне заказывать *любую* продукцию «Макмиллана».

Дело в том, что основной доход издательство «Макмиллан» получало от научной литературы, которую закупали высшие учебные заведения и научные организации... По букве закона происходящее никак нельзя было назвать шантажом, но по сути это был именно грязный шантаж в лучших мафиозных традициях. По некоему странному совпадению аккуратно после выхода книги Великовского многие из помянутых заведений начали присылать письма, в которых отменяли прежние заказы...

И владельцы «Макмиллана» дрогнули. Был уволен ведущий сотрудник, подготовивший рукопись Великовского к печати, а научному сообществу дали понять, что новых книг «еретика» «Макмиллан» печатать ни за что не будет.

Ученый мир тоже не сидел сложа руки. Со своего поста мгновенно слетел директор астрономического отдела Музея истории естествознания и куратор Хейденского планетария Гордон Атуотер – за то, что посмел дать о книге Великовского положительный отзыв, пусть и с оговорками. Декан физико-математического факультета Чикагского университета

заставлял своих подчиненных отправлять в «Макмиллан» письма протеста против публикации «Мир в столкновении». Тем, кто заявлял, что Великовского не читал, а потому и судить не может, декан с простодушным цинизмом объяснял: читать ничего и не надо, у его секретарши на столе лежит готовый текст коллективного письма, остается только пойти и подписать...

Чем это отличается от иных «проработочных кампаний» в СССР? Да ничем, думается мне. Корифеи науки, разъяренные книгой Великовского, наперебой публиковали в американской прессе разгромные рецензии... в которых с тем же цинизмом признавались, что книгу они, собственно, не читали и читать не будут...

Кстати, прошло не так уж много времени, и ученый мир сконфуженно заткнулся – когда новейшие исследования показали, что прав как раз Великовский. Ученые тогда считали, что температура на Венере «лишь немногим выше земной» – а Великовский утверждал, что на Венере стоит жара в сотни градусов выше нуля. И оказался прав. Как и в том случае, когда утверждал, что Юпитер обладает мощным радиоизлучением. Десять месяцев ученый мир вышучивал его, как мог – а потом два американских астронома обнаружили мощные радиосигналы, излучаемые Юпитером. «Невежда» и «шизофреник» Великовский предсказал, что земной шар обладает магнитосферой, простирающейся до Луны – и «профессионалы» высмеивали его два года. Потом перестали – потому что магнитосфера была обнаружена...

У меня накопилась неплохая подборка фактов, показывающих, как ученая мафия гляциологии, археологии, палеонтологии расправлялась (к счастью, не физически) с теми «еретиками», кто дерзал отстаивать «неправильные» гипотезы. Но это будет темой следующей книги, а пока что позвольте представить читателю вовсе уж вопиющий пример, случившийся не в какой-нибудь «банановой республике» с ее военными диктаторами и тайной полицией, а в Новой Зеландии, стране вполне демократической, входящей в Британское Содружество.

Суть проста и невероятно цинична. В означенной стране на протяжении последнего двадцатилетия пышным цветом расцвела та самая пресловутая «политкорректность». «Коренное» население, маори, искусственным образом поставлено в положение этакой «священной коровы». Спору нет, английские колонизаторы в свое время творили над маорийцами немало зверств, но если бы дело было только в том, чтобы справедливо осудить прошлое...

Практически на официальном уровне объявлено, что «бледнолицая» часть населения, потомки английских поселенцев, обязаны еженощно и ежедневно, триста шестьдесят пять дней в году испытывать чувство вины перед народом маори, «страдающим от постколониальной травмы». При этом не имеет значения, идет ли речь о праправнуках колонизаторов или людях, чьи прадеды совершенно непричастны к бывшему геноциду. В Новой Зеландии язык маори объявлен «вторым государственным» наряду с английским – хотя среди самих маори на нем сейчас мало кто говорит. И вовсе уж запретная тема – любые упоминания о былом каннибализме древних маорийцев...

Так вот, в довершение всего началось переписывание *реальной* истории...

Принято считать, что история Новой Зеландии началась с приходом сюда маори, примерно в 1250–1350 гг. от Р. Х. До этого Новая Зеландия якобы была безлюдна и пуста, и даже дух Божий не носился над водами...

Одна загвоздка: слишком много свидетельств, что еще *до* прибытия маори в Новой Зеландии обитали люди какой-то другой расы, не имевшие с маорийцами ничего общего, никакого родства. Имелись кое-какие археологические находки, эту гипотезу подтверждавшие. А в середине восьмидесятых годов прошлого столетия произошло и вовсе уж скандальное событие... В лесу Вайпуа археологи обнаружили целый город, и немаленький: более чем две тысячи построек, сложенных из камня. Город занимал площадь в 250 гектаров. Анализы показали, что постройки были возведены за *пятьсот* лет до того, как маори появились в этих местах.

Скандал был страшный. Были свидетели, которые клялись и божились, что не кто иной, как мистер Нед Натан, глава Новозеландского Археологического Консультационного комитета, познакомившись с результатами анализов, не сдержался и возопил в совершеннейшей растерянности:

– Это же на пятьсот лет раньше, чем мы добрались сюда!

(Мистер Натан – маори по национальности.)

Тут же нашлись циники, вслух задавшие вопрос: в таком случае, чего стоят громогласные требования маори вернуть им их «исконные земли, отторгнутые белыми колонизаторами»? Ведь если маори здесь не первые, если сначала именно они истребили и вытеснили прежних жителей, а уж потом их разбойничью добычу перехватили британцы, то, воля ваша, получается как-то неудобно...

Скандал разгореться не успел. Вмешалось правительство, которое «в интересах политики»... засекретило результаты раскопок в лесу Вайпуа! Официальным образом. Специальным постановлением. Отчеты археологов запечатаны в спецхран и достоянием общественности смогут стать лишь... в 2063 году. Произошло это примечательное событие еще в 1988 году. Этаким вот образом на «цивилизованном Западе» идут научные дискуссии.

Право же, на фоне новозеландских инноваций вовсе уж вегетариански выглядят корифеи отечественной Академии наук, которые недавно шумно требовали от правительства ввести цензуру, то есть такой порядок, по которому именно «профессиональные историки» получают право оценивать любую рукопись, касающуюся исторической науки, – и, как легко догадаться, запрещать все, что не отвечает «правильным» взглядам. Эти недоумки, полное впечатление, всерьез полагали, что правительство российское этот проект одобрит и ради удовлетворения амбиций ученых мужей испортит свою репутацию перед всем миром (легко представить, как мировое сообщество отнеслось бы к введению в России цензуры, пусть и «академической»...). В общем, как воскликнул однажды в сердцах дон Румата: «Эх, историки, хвостом вас по голове...»

Поговорим о летописях и письменных источниках. В подходе к ним ученый мир и здесь демонстрирует ту самую вопиющую нелогичность, свойственную в первую очередь душевнобольным и членам тоталитарных сект. Вообще-то летописи и старые книги историки признают в качестве ценного источника – но исключительно до тех пор, пока этот источник держится в русле их собственных теорий. В случае, если старинный книжник написал нечто неудобное для современных «обладателей высшего знания», в ход идут два привычных штампа: «Летописец ошибался» и «Мы имеем дело с позднейшей вставкой». И то и другое определяется тем же самым волшебным и мистическим «научным методом», который не в состоянии осознать профаны. Хотя суть его предельно ясна: если какой-то абзац стал нашему ученому поперек профессиональной души, то летописец ошибался, либо кто-то когда-то вписал новые куски. Почему? А по кочану...

Порой доверие к «древним рукописям» играет с учеными злые шутки. Вот, скажем, взять хотя бы недавний камерный скандалчик в Британском музее. Более *шестисот* «древнекитайских рукописей» оказались фальшивками чистейшей воды. Оказалось, жил в Китае, еще в первой трети двадцатого столетия, некий жадный на деньги и весьма смысленный абориген, который за приличную плату десятилетиями снабжал почтенных посланцев Британского музея этими «древнейшими» манускриптами, которые изготавливал собственной рукой. А потом, хотя и не будучи большевиком, осознал, должно быть, все выгоды колхозного хозяйства – всех своих пятерых сыновей обучил тому же ремеслу. Пятеро добрых молодцев с батькой во главе по-стахановски штамповали «древние рукописи» до 1949 года, пока в Пекин не вошли части Мао Цзе-Дуна. Это историческое событие лишь ненадолго прервало ударную работу на благо британской исторической науки – вся семейка слиняла в Гонконг, где еще не один год продолжала радовать достопочтенных музейщиков раритетами один другого краше, которые «с риском для жизни вывезены из красного Китая». Вскрылась эта история лишь в прошлом году. Так что ходят разговоры, что число в шесть сотен – лишь предварительные прикидки, а на самом деле трудовая династия

впарила британцам гораздо больше фальшивок. И все бы ничего, но вы представляете, сколько уже диссертаций защищено на основе этой *залеухи*, сколько ученых трудов вышло в свет, сколько научных карьер расцвело пышным цветом? И если вы полагаете, что в результате сих шокирующих разоблачений хоть кто-то из историков публично откажется от научного звания, полученного за изучение «раритетов» кухонного производства, либо вернет гонорар за книги и статьи, то вы плохо знаете историков...

И в завершение главы мы познакомимся с очередным старинным текстом, напрочь опровергающим «традиционную» историю. Текстов таких множество. Поскольку подлинность их оспаривать невозможно, но и признать изложенное в них означало бы собственными руками уничтожить основы своего же благополучия, ученый мир подобные труды старается особо не афишировать. Хорошо еще и воспрепятствовать публикации не в силах. Вот и выходят в свет кое-где у нас порой крохотными тиражами книги, с точки зрения фундаменталистов от истории, просто не имеющие права на существование. А у автора этих строк есть циничная привычка подобные издания отслеживать и покупать, не обинуясь ценой...

Итак... Жил-поживал в XII веке от Рождества Христова в городе Туделе, что в королевстве Наварра, респектабельный еврей (не сионист!) раби Вениамин, сын Ионы. Предполагают, что главным его занятием было купеческое дело, но в то же время раби Вениамин был не чужд книжной учености. И однажды он предпринял долгое путешествие от Сарагосы до Багдада...

В те времена «простой» туризм был совершенно не в ходу, до чисто туристических поездок оставались сотни лет. Путешествия предпринимались исключительно с утилитарными целями: паломничества, дипломатические миссии, дела купеческие, шпионаж (впрочем, две последние функции в те времена совмещались в ста процентах случаев). Точно так же и раби Вениамин отправился в долгий путь не просто посмотреть мир и людей – а чтобы собственными глазами увидеть, как живут еврейские общины там, где они есть. Впрочем, на единоверцах Вениамин не замыкался, он старательно и подробно описывал все, что видел сам либо слышал от заслуживающих доверия людей – и не только то, что касается евреев.

Как уже говорилось, в подлинности «Книги странствий раби Вениамина» ученый мир не сомневается. Некоторые разночтения имеются лишь в том, что касается сроков его путешествия: одни полагают, что оно состоялось в 1160–1173 гг., другие считают, что странствовал Вениамин на пять лет меньше – 1166–1173 гг. Но это, право же, несущественно. Главное, книга Вениамина рисует совершенно *иную* историю, совсем не ту, что вбивали нам в головы господа оккультисты-скалигеровцы...

Начнем с того, что раби Вениамин, описывая достопримечательности Рима, перечисляя тамошние дворцы... ни словечком не упоминает о Колизее, мимо которого, кажется, не прошел ни один из путешественников, составивших заметки о Риме. Рассказывает о дворцах, об отдельных статуях, привлекших его внимание – но о Колизее молчит... Быть может, правы те приверженцы «короткой хронологии», которые считают Колизей постройкой Средневековья, и не раннего, а позднего, века этак четырнадцатого?

Зато наш путешественник рассказывает об интереснейших памятниках, которые ныне, к сожалению, утрачены. Один из римских царей, желая увековечить память об одной из гражданских войн, «приказал изваять из мрамора ее изображение, поставив людей на лошадях в доспехах и в боевом виде, отряд против отряда». Этот мемориал современной науке неизвестен, должно быть не вынес превратностей бытия в виде вражеских нашествий и мародерства.

В римской церкви св. Иоанна у алтаря стояли две медные колонны, изготовленные по велению библейского царя Соломона. Где они сегодня, остается лишь гадать.

«Перед Латеранским собором стоят изваяния Самсона с копьём в руке, Авессалома, сына Давидова, и царя Константина, основателя города, который по его имени назван Константинополь. Конная его статуя вылита из меди и покрыта позолотой».

Уж не идет ли речь о сохранившейся до наших дней конной статуе, которую современные историки считают изображением Марка Аврелия? Хотя средневековые европейцы, писавшие после Вениамина, отмечали, что римляне упорно считают эту статую как раз медным подобием Константина...

То, что Вениамин не выдумал виденные им диковины, а наблюдал нечто существовавшее в реальности, сплошь и рядом подтверждается другими свидетельствами. Скажем, Вениамин пишет об очередной римской достопримечательности: «Там же видна подземная пещера, где находят царя и царицу, сидящих на тронах, и с ними около ста человек вельмож и приближенных, и все это, набальзамированное медицинским искусством, сохранилось по сей день».

В том, что речь идет о реальном способе погребения, определенно бытовавшем в раннем Средневековье, убеждает другой источник, даже более ранний, чем книга Вениамина, относящийся к 1000 г. по Р. Х. Когда по приказу императора Оттона III вскрыли гробницу Карла Великого, то в подземелье обнаружили опять-таки набальзамированные останки, сидящие в кресле: «Мы вошли к Королю и обнаружили его не лежащим, наподобие других мертвых тел, а сидящим на стуле, будто живой. На нем была золотая корона, а в руках он держал скипетр».

Но не это самое интересное. Оказывается, римские укрепления построены, чтобы защитить город... от библейского царя Давида, по традиционной версии истории, обитавшего в Палестине! «Отсюда на расстоянии пятнадцати миль дорога идет под горами; построена она римским царем Ромулом, основателем города Рима, из страха перед Давидом, царем израильским, и его военачальником Иоавом. По этой же причине он сделал постройки как наверху (гор), так и под горами, где стоит Неаполь. Этот весьма укрепленный город, лежащий на берегу моря, построен греками».

Каково?! В библейской истории ни словечком не упоминается о каких бы то ни было *морских* походах царя Давида. Объяснение возможно одно-единственное: если римский царь возводил вокруг своей столицы укрепления, опасаясь нападения царя Давида, следовательно, Давидово царство находилось где-то *совсем рядом* с Римом, а не на Ближнем Востоке. Есть какая-то другая версия?

Между прочим, о том же самом писал и Иосиф Флавий: «Ромул опасался Давида, окружал дворцы своих предшественников стеной в сорок пять миль длиною, и назван был город этот Римом, по имени царя Ромула».

Как неодобрительно отмечают современные историки, «в ряде еврейских исторических сочинений приводится *мифическая* генеалогия, возводящая основателей Рима к Исаву».

То есть – еще одному знаменитому библейскому персонажу, обитавшему якобы в Палестине. «Мифической» генеалогия эта объявляется исключительно потому, что нынешним историкам она не по нраву. В задачу данной книги не входит доказывать, что библейская Палестина находилась все же в Европе – об этом и до меня написано много. Скажу лишь, что в русле *этой* версии книга Вениамина выглядит вполне логично и естественно.

Интересно, что, по мнению Вениамина, и валахи (народ, вошедший ныне в состав молдавской нации) – тоже, быть может, еврейского корня. «Здесь начинается Валахия, обитатели которой, называемые валахами, живут в горах; они легки, как серны, спускаются со своих гор для грабежа и добычи в страну греческую.² Никто не может взобраться к ним, чтобы вызвать их на войну, и ни один царь не может покорить их своей власти; они не строго соблюдают уставы христианской веры и называют друг друга еврейскими именами. Иные говорят даже, что они некогда были евреи и звали последних своими братьями; поэтому, когда им попадаются евреи, они только грабят их, а не убивают, как поступают с греками...»

Из Европы раби Вениамин отправился на Ближний Восток – и, что характерно, *там*

² В XI в. валахи занимали часть горной Греции, с чем современная наука полностью согласна.

как раз евреев крайне мало: в «весьма многолюдном» Иерусалиме их всего-то двести человек, которые занимаются исключительно ремеслом красильщиков (вся еврейская ученость сосредоточена как раз в Европе, и самые крупные общины тоже).

Та же картина, собственно, по всей библейской Палестине: в «библейском Сунеме» евреев, правда, аж триста, зато в «древней Мареше» всего трое, в «древней Раме» тоже трое, в «древней Иофии» отыскался один-единственный еврей, опять же красильщик. В «древней Гиве Сауловой» евреев Вениамин не отыскал вообще...

Иерусалим, кстати, описан Вениамином так, что лишний раз убеждаешься: *этот* населенный пункт совершенно не подходит на роль библейского многолюдного, могучего и великого города. В первую очередь оттого, что «там очень мало воды. Большая часть жителей Иерусалима употребляют дождевую воду, которую они собирают в цистерны в своих домах».

Справедливости ради стоит отметить, что следы некоего древнего и *значительного* присутствия евреев в Палестине все же имеются (что ничуть не противоречит версии, по которой *основная* часть библейских событий происходила как раз в Европе). Оказывается, во времена Вениамина те места полны могил библейских героев. И не только могил. В Иерусалиме, пишет Вениамин, и в самом деле сохранилось величественное здание, построенное царем Соломоном, но это вовсе не знаменитый *храм!* «В Иерусалиме есть здание, построенное царем Соломоном из громадных камней под конюшни; здание чрезвычайно солидное, подобного которому нет во всем свете». Современной истории «соломоновы конюшни» опять-таки неизвестны...

Что до могил, подробно описанных раби Вениамином, – какое созвездие имен...

Под Иерусалимом – гробница царя Иосии. В Вифлееме – могила Рахили: «Этот памятник составлен из одиннадцати камней, по числу детей Иакова; над ним купол на четырех колоннах, и все евреи, проезжающие мимо, записывают имена на камнях памятника». На некоем «поле Махпела» сохранился... дом патриарха Авраама (значит, не так уж и много столетий прошло со времен «древней» библейской истории, если дом сохранился?!) В Силоме – гробница Самуила.

Чуть позже, отправившись из Палестины на Восток, Вениамин и там находит немало могил главных библейских персонажей, в том числе недалеко от Евфрата – гробницу пророка Иезекииля, «огромный великолепной работы купол, построенный Иехониею, царем иудейским, пришедшим сюда с тридцатью пятью тысячами евреев... Иехония и все пришедшие с ним написаны на стене: Иехония во главе, Иезекииль в конце».

Гробница Иезекииля служит местом регулярных и многолюдных паломничеств евреев из самых дальних стран. Кроме того, могилу пророка почитают и мусульмане: «Также дети вельмож измаильских³ являются сюда молиться, из особого благоговения к пророку Иезекиилю блаженной памяти».

Обратите внимание на важную деталь, о которой мы поговорим позже: «Там же большой принадлежащий святилищу дом, наполненный книгами, между которыми есть книги времен Первого и Второго Храма Иерусалимского. Кроме того, всякий умирающий бездетным жертвует свои книги в это хранилище».

В полумиле от этого «мемориального комплекса» – гробницы Анании, Мисаила и Азарии, «и над каждой гробницей большой купол». Есть могила Ездры, автора одной из библейских книг. У реки Тигр – гробница пророка Даниила. В Хамадане – могилы Мардохея и Есфири...

Вполне возможно, какие-то из этих гробниц могли оказаться ложными, устроенными специально, чтобы собирать денежку с доверчивых паломников... Вениамин сам пишет о том, что наблюдал в Хевроне: «Христиане сделали шесть могил и назвали их именами: Авраама, Сарры, Исаака, Ревекки, Иакова и Лии; говорят всем путешественникам, что это

³ Считается, что арабы происходят от библейского Измаила.

гробницы патриархов, и собирают деньги». Но весьма сомнительно, чтобы поддельными могилами были *все*.

Ни одна из перечисленных гробниц сегодняшней исторической науке не известна, а это, признаться, странно: почему оказались в забвении могилы известнейших, выдающихся, святых для всякого иудея людей, к которым «не зарастала народная тропа»? Как случилось, что их уничтожили?

Велик соблазн объявить все вандализмом мусульман – но, как мы только что прочли, мусульмане и сами почитали пророка Иезекииля, а значит, ни за что в жизни не посягнули бы на его гробницу – в исламской традиции такое решительно невозможно. Вениамину рассказывали местные жители, что во время любых войн, кем бы они ни велись, и евреи, и мусульмане десятой дорогой обходили считавшуюся неприкосновенной могилу. Точно так же мусульмане ни за что не могли посягнуть на гробницу Ездры, которого тоже почитали – настолько, что рядом с синагогой близ могилы поставили свою мечеть...

Тогда? Есть сильные подозрения, что все эти гробницы могли быть уничтожены уже в относительно новые времена – когда после долгих перипетий все же победила скалигеровская хронология. Обратите внимание: на гробнице Рахили паломники писали свои имена (а может, и какие-то другие тексты), гробница Иезекииля была покрыта письменами, и при ней имелась большая библиотека...

Не исключено, что в этих надписях и в этих книгах могло содержаться *нечто*, самим своим существованием опасное для «длинной» хронологии. А беззастенчивость историков, без колебаний уничтожавших «неудобные» надписи и книги, если к тому была хоть малейшая возможность, общеизвестна. Сохранилось множество «древних» надписей на камне, где часть их вытерта *избирательно*, так что это никак не может оказаться результатом разрушительного действия природы...

Но это еще цветочки. Переступив границу Персидского царства, раби Вениамин... попадает в «древнюю Ассирию»! Да-да, в ту самую «древнюю Ассирию», которая, если верить «долгой» хронологии, якобы перестала существовать за тысячу сот лет до рождения нашего путешественника. Выясняется, что ничего подобного. Персидское царство – это и *есть* «древняя» Ассирия. Вениамин приезжает в город, который *теперь* называется Аль-Моцр, или Мосул, но это и *есть* «древний» Ашшур Великий, якобы стертый с лица земли еще в седьмом веке до Р. Х. и с тех пор так и не возродившийся. Ашшур преспокойно существует, как и Ассирия, обитатели которой, разумеется, еще не подозревают, что их страна провалилась в историческое забвение аж тысячу восемьсот лет назад...

Здесь же – и «древняя» Ниневия, совсем неподалеку от Ашшура. Та самая Ниневия, которая, по уверениям «правильных» историков, тоже была напрочь уничтожена за тысячу восемьсот лет до Вениамина. Да, некая «старая» Ниневия и в самом деле лежит в развалинах, но это только часть города, который Вениамин видел своими глазами. «Старая» Ниневия – на одном берегу реки, а «новая» – на другом, только и всего...

Далее – еще интереснее. Вениамин из Багдада добирается до Вавилона. Вавилон, правда, лежит в развалинах, но «там доселе еще существует разрушенный дворец Навуходоносора, в который, однако, все боятся входить, за множеством гнездящихся там змей и скорпионов».

Для тех, кто слабо знаком с предметом: «правильная» история относит вавилонского царя Навуходоносора к шестому веку до Рождества Христова. Более чем полторы тысячи лет прошло с момента его смерти до приезда Вениамина... но дворец, хотя и *частично* разрушен, все же находится в таком состоянии, что в него можно *войти*, вот только мало кто на это решается из-за змей и скорпионов. В реальной жизни такого попросту не бывает – чтобы оставленные без присмотра развалины простояли свыше полутора тысяч лет. За это время любая самая прочная постройка, будучи заброшенной человеком, сравняется с землей – еще и оттого, что хозяйственное окрестное население очень быстро растащит для своих нужд все, что только может пригодиться. Так полторы тысячи лет лежит меж Навуходоносором и Вениамином или все же полтора *столетия!* Второе гораздо больше

похоже на правду...

Вот и Вавилонская башня: «выстроена она из кирпича, называемого лагур, длина ее в основании около двух миль, ширина 240 локтей, а длина 100 канн» (канна – 1 1/3 локтя. -А. Б.); сделанные между каждыми семьюдесятью локтями дорожки вели к ступеням спиральной лестницы, по которой можно было подняться на самый верх башни; отсюда открывается пространство на протяжении двадцати миль, так как страна вокруг обширная и плоская; но небесный огонь, упавший на эту башню, разрушил ее до основания».

Далее Вениамин отправляется в персидский Хузестан, он же древний Елам – и там обнаруживает еще один «невероятно древний» памятник архитектуры: «Там среди развалин видны еще остатки древнего столичного города Шушана (Суз), с дворцом царя Артаксеркса, большим и красивым зданием древних времен».

Последний из трех царей по имени Артаксеркс, как уверяет нас «правильная» история, умер в *четвертом* веке до Рождества Христова. Снова та самая невероятная, поразительная сохранность здания, какой в жизни не бывает. Ведь, как явствует из текста, дворец подвергся разрушительному влиянию времени, но еще вполне *можно* определить, что он «большой и красивый» – это через полторы тысячи лет? Позвольте усомниться. «Тысячу» лет наверняка имеет смысл заменить на «сотню».

Разумеется, книга Вениамина не избежала «правильных» комментариев историков, как это принято. Эти комментарии, как и следовало ожидать, вновь вызывают тягостное недоумение. Вот, скажем, Вениамин, будучи в Багдаде, узнал имя тамошнего калифа – Аббасид Ахмед. Бдительный историк тут же поправляет: «На самом деле Вениамин мог застать либо халифа Мустанджида (1160–1170), либо халифа Мустади (1170–1180)...

Осознаете? Вениамин *сам* был в Багдаде и *самолично* интересовался у его жителей, как зовут их государя. Живущий более чем восемьсот лет спустя историк тех времен, разумеется, не застал – но он «знает лучше»...

А Вениамин, кстати, продолжая путешествовать по Персии, ненароком оказывается в «древней» Мидии, которой уже полторы тысячи лет как не положено существовать – согласно скалигеровской хронологии, – а «древняя Мидия» тем не менее нахально существует в XII веке от Рождества Христова...

Буквально через несколько лет после смерти Вениамина по тем же примерно местам путешествовал еще один еврейский книжник, раби Петахия из немецкого Регенсбурга. Что интересно, его «Странствие раби Петахии Регенсбургского» опять-таки насыщено «еретическими» с точки зрения скалигеровщины деталями.

Точно так же, как его предшественник, Петахия без всякой машины времени оказался в «древней» Ассирии. И подробно описал, что же произошло со «старой» Ниневией: судя по описанию, не было никакого нашествия врагов, а попросту произошла некая экологическая катастрофа довольно скромных, впрочем, масштабов – «вся ниневийская земля черна, как смола, и лучшее место Ниневии, где был центр города, превратилось, подобно Содому, в пустыню, так что там нет ни травы, ни растения». А жители, перейдя на другой берег реки, просто-напросто построили там новый город.

Как и Вениамин, Петахия преспокойно путешествует по «древним» Вавилонии (со столицей в Багдаде, так что Багдадский халифат и «древняя Вавилония», выходит, одно и то же), Ассирии и Мидии. Посещает гробницу Иезекииля, «великолепный и обширный дворец», который, кроме евреев, посещает *всякий* мусульманин, отправляющийся в Мекку. Находит многие из упомянутых Вениамином могил – а также гробницу Иисуса Навина...

Особо следует подчеркнуть, что путешественники-книжники – не какое-то досадное исключение из правил. И Вениамин, и Петахия держатся в русле географическо-исторических представлений *своего* времени. Скалигеровская хронология-география-история полностью утвердилась лишь к концу *восемнадцатого* столетия – а до того повсеместно в ходу были совершенно *другие* представления о хронологии и географии. Практически *все*, а не «отдельные невежды, одержимые анахронизмами», писали нечто абсолютно противоречащее *нынешним* представлениям.

«Древняя Мидия» была всего-навсего частью Персии – именно в таком качестве она фигурирует на картах первой половины восемнадцатого века. Столь же «древняя» Парфия, якобы исчезнувшая за несколько столетий до Рождества Христова, как реальная страна присутствует на множестве карт – например, на карте мира Бернарда Сильвануса, изданной в Венеции в 1511 году.

Французский поэт Гугон Орлеанский, написавший поэму «Стих о татарском нашествии», упоминает и «древнюю» Мидию в числе опустошенных татарами стран. А поскольку Гугон, как считается, умер около 1160 года, за восемьдесят лет до «официального» вторжения татар в Европу, дело принимает и вовсе пикантный оборот. Положительно что-то неладно в исторической науке...

Согласно французскому книжнику Жану Бодену (XVI в. от Р. Х.), ассирийцы, парфяне, турки и татары существуют *одновременно*, воюя меж собой. Тот же Боден именует родную Францию исключительно Галлией – в полном соответствии с точкой зрения современных ему картографов, которые часть Франции упрямо обозначают на картах как «Галлию».

«Античный» историк Иосиф Флавий мало того, что прекрасно осведомлен о существовании Нового Света (значит, жил уже после плаваний Колумба), в своих «Иудейских древностях» подробно описывает, как библейский царь Ирод, «древние римляне» и Александр Македонский то и дело воюют с... арабами.

Ну а «древние» названия «Скифия» и «Сарматия» постоянно используются западноевропейскими книжниками применительно к Московии и Польше (а иногда и к крымским татарам).

Персидский поэт Низами (умер в 1209 г. от Р. Х.) пишет о сражениях Александра Македонского с... *руссами*.

Русский историк Андрей Лызлов (умер в конце XVII в.) подробно повествовал, как татары изгнали из *Скифии* «древнего» персидского царя Дария Гистаспа, убили не менее «древнего» персидского царя Кира и нанесли поражение одному из полководцев Александра Македонского.

Полное впечатление, что под «Иерусалимом» в Средневековье понимали вовсе не *тот* город, что расположен в Палестине. Как явствует из «Тысячи и одной ночи», Синдбад-Мореход прибывает в Иерусалим... *морем*. Хотя кто-кто, а уж арабы должны вроде бы прекрасно знать палестинский Иерусалим... впрочем, его-то они как раз и не знают, а знают селеньице Эль-Кудс...

В 1422 году увидела свет поэма «Сфера» некоего Горо Дати, проиллюстрированная картами. На одной из них Иерусалим опять-таки находится подозрительно близко от моря. Мало того, он изображен в качестве могучего, несомненно христианского города, окруженного внушительными крепостными стенами, над которыми вздымаются четыре церковных шпиля с крестами. Меж тем *палестинский* Иерусалим в то время был убогой деревушкой без единой христианской церкви... Быть может, библейский Иерусалим – это все же Константинополь?

Наконец, средневековая Европа, полное впечатление, и представления не имела, что меж кончиной Иисуса Христа и первыми крестовыми походами прошла целая *тысяча* лет. Она жила по какому-то *другому* календарю и пользовалась совершенно *другой* хронологией.

Иначе как прикажете объяснить любопытную закономерность, которой я за неимением предшественников дал название «библейская дуга»?

На Руси столетиями верили, что крестил ее не кто иной, как сам апостол Андрей Первозванный.

В Польше столь же долго и упорно сохранялось убеждение, что самую почитаемую польскую обитель, монастырь Богородицы Ченстоховской, основал *сам* евангелист Лука. И он же написал икону Ченстоховской Божьей Матери.

В Италии, в городе Лорето, до сих пор в качестве реликвии сохраняется домик, где... родилась Богородица! История этой святыни уходит в незапамятные времена, и она столь

почитаема, что с пришествием скалигеровской хронологии с домиком не решились ничего поделывать. Правда, пришлось придумать легенду, будто ангел божий «перенес» этот дом из Палестины. Но это именно что легенда более позднего происхождения. Так где же происходили описанные в Библии события? При том, что первые, не подчищенные еще должным образом русские издания Библии рисуют Палестину как страну с довольно суровым климатом, где частенько идет зимой снег, а реки замерзают на зиму...

Франция. Там опять-таки столетиями держалось стойкое убеждение, что Сен-Дени, святой Дионисий, небесный покровитель страны – не кто иной, как Дионисий Ареопагит, *современник* и сподвижник Христа, основавший во *Франции* не одну церковь, бывший в Париже...

Испания. Там отчего-то считают, что к становлению испанской католической церкви приложил руку еще один апостол, Иаков, там же, в Испании, и похороненный.

Англия. Там убеждены, что монастырь в Гластонберри заложил не кто иной, как Иосиф Аримафейский, еще один современник и сподвижник Христа...

Как прикажете все это объяснить? Списать эти странности на «невежество» средневекового народа? Или все же набраться смелости и признать, что эта пресловутая «тысяча лет» существовала лишь в воображении оккультистов вроде Скалигера? Ведь *вся* Европа, от Руси до Атлантики, жила когда-то по *другой* хронологии...

Еще о летописцах. Прекрасный пример того, как опасно современной науке *всецело* на них полагаться, дает знакомство с трудами Прокопия Кесарийского (пятый век по Р. Х.). Дело даже не в том, что означенный Прокопий из поэтических, должно быть, соображений откровенно фальсифицировал события. Он, например, объединил три осады Аларихом Рима (408–409, 409 и 410 гг.) в одну и изложил в «античном» литературном стиле. А потому историки меланхолично отмечают: «Так была создана историческая новелла, не вполне соответствующая реальным обстоятельствам осады, хотя, несомненно, имеющая историческую канву».

Не в том даже дело... Все гораздо пикантнее. Прокопий, сукин кот, сочинил *две* версии византийской истории – официальную и, так сказать, диссидентскую. В «Войне с персами» и «Войне с вандалами» он льстил и славословил. Император Юстиниан – светоч мудрости и государственного ума, его полководцы и министры – достойнейшие, честнейшие и умнейшие люди, императрица – честнейшей души образец... И так далее.

А параллельно, закрывшись на семь замков и, без сомнения, мстительно хихикая, Прокопий сочинил «Тайную историю», которую благоразумно не показал никому при жизни, потому что моментально стал бы на голову короче. Там все выдержано в совершенно иных красках. Император – злыдень, садист и недоумок, занятый дурацкими прожектками, полководцы лепят ошибку на ошибку и друг дружке глотку порвать готовы, министры – казнокрады и вымогатели, императрица – бывшая актриска-шлюха да вдобавок замешана в убийстве королевы готов... Словом, по Гоголю: один прокурор порядочный человек, да и тот – свинья...

Так *какой* же хронике прикажете верить – двум насквозь официозным или «разоблачительному мемуару»?

А впрочем, и с «Тайной историей» не все гладко. Как это частенько (практически всегда) случается с «древними рукописями», ее *единственный* экземпляр где-то провалялся более тысячи лет, счастливо избежав плесени и мышей, был обнаружен только в *семнадцатом* столетии – и потом, вплоть до начала века *двадцатого*, ученый мир ожесточеннейшим образом дискутировал на тему его подлинности и принадлежности перу Прокопия. Лишь сто лет назад наконец-то *договорились* считать: и рукопись подлинная, и писал ее Прокопий. Именно что – договорились. Как обычно...

Самое смешное, что порой забавы ученых историков как две капли воды похожи на создание мифа о «предсказателе монахе Авеле».

Читатель, интересующийся загадочным и таинственным, конечно же, слыхивал об этой незаурядной личности. Ну как же... Оный Авель прозорливо предсказал массу исторических

событий, которые впоследствии не замедлили свершиться: и смерть Екатерины II, и убийство Павла I, и сожжение Москвы французами, и, кажется, чуть ли не дефолт 1998-го. Всякий раз его при известии об очередном неудобном предсказании сажали под замок – а потом, когда предсказание становилось явью, выпускали с извинениями и одаривали рублем. Мало того, парочка российских самодержцев лично беседовала с Авелем и вообще принимала активное участие в его судьбе...

Вынужден разочаровать, но все это – брехня. Чуть собачья. Не было никакого Авеля, не было его предсказаний, не было ни отсидок, ни награждений, ни бесед на равных с самодержцами всея Великия, Белья и Серья...

Единственный «источник» сведений о прорицателе Авеле – статья в журнале «Русская старина», в одном из номеров за 1878 год, автор которой благо разумно предпочел остаться неизвестным. Единственный, повторяю, источник. Ни единого упоминания о «прорицателе Авеле» нет ни в серьезных исторических трудах, ни в воспоминаниях живших в те времена людей, ни в «приходно-расходных» книгах учета арестантов государственных темниц, ни в монастырских бумагах. Просто-напросто однажды родившийся миф зажил самостоятельной жизнью, историю досочиняли и дополняли собственными фантазиями, так что, по-моему, уже целая книга недавно появилась о «монахе Авеле».

Так вот, буквально такими же методами сплошь и рядом работает историческая наука: ухватившись за неведомо кем сочиненную побасенку, ее в конце концов, раскудрявив плодами собственной фантазии, предъявляют общественности уже в виде «непреложной истины»...

А теперь, если вы еще не заскучали, слушая об унылых ученых материях, перейдем к разговору еще об одном серьезнейшем пороке, присущем лженауке по имени «история»...

Глава вторая. Головоломки и миражи

С давних пор существует такое понятие – «европоцентризм». Это не официальный термин, потому что на *словах* ученый мир, делая страшные глаза, от этого понятия старательно открещивается, но тем не менее сплошь и рядом руководствуется именно им в своей загадочной шаманской деятельности...

Европоцентризм – это, грубо говоря, шовинистическая теория, согласно которой абсолютно все мало-мальски передовое, новое, прогрессивное зародилось именно в Европе, каковая испокон веков была светочем цивилизации, кузницей прогресса и недостижимым эталоном. Ну а слово «Азия» стало прямо-таки *синонимом* вековой отсталости, дикости, варварства и примитива.

Точка отсчета прослеживается довольно четко: в начале 30-х годов XIX века в германскую философию был введен тезис об «исторических» и «неисторических» народах. К последним сумрачный германский гений отнес, между прочим, и русских, не способных к созданию самостоятельного государства: как же, «все знают», что государственность на Русь принесли славные германцы, то бишь варяги, которых Русь лапотная сама же и призвала в правители по причине собственной неспособности наладить нормальную жизнь...

Именно из этого тезиса, кстати, и растут ножки людоедских упражнений господ в черных мундирах со свастикой на рукаве, которые так решительно взялись делить народы на «высшие» и «низшие», что останавливать их посредством танков и бомбардировщиков пришлось едва ли не половине человечества...

Но разговор не об этом. Как ни странно, в современной истории *до сих пор* господствует этот самый тезис, придуманный тевтонами еще во времена заряжавшихся с дула ружей и спичек, которые следовало чиркать о подошву ботинка. Он, правда, сформулирован не так откровенно, об «исторических» и «неисторических» народах прямо не упоминается, но изучение и преподавание истории сплошь и рядом к тому и сведено.

Большая история кроится по нехитрому шаблону. Есть «цивилизации» и есть «варварский мир». К первым относятся «античная» Греция, «древний» Рим, не менее

«древний» Египет, а также страны «древнего Востока»: Ассирия, Шумер, Хеттская держава и еще пара-тройка государств, если так можно выразиться, цивилизованностью пониже, но все равно допущенных в некий клуб «исторических народов». Ко вторым, как легко догадаться, причисляется весь окружающий эти «светочи цивилизации» мир, и в особенности – Азия.

Давным-давно разработана специальная терминология, призванная эту дискриминацию подчеркнуть, выделить и углубить. Древний Рим населяли *народы*. Варварский мир – *племена*.

Племена, которым и имен-то не полагается! Если во всем, что касается шумеров, хеттов, эламитов и прочих «исторических» народов, ученый мир использует массу деталей и подробностей (большей частью – плод догадок и буйной фантазии), то современники вышеназванных, обитавшие вне «цивилизационного поля», лишены даже каких бы то ни было *названий*. Случилось мне однажды познакомиться с капитальным трудом некоего А. И. Мартынова «Археология», отрекомендованным как «учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности „История“». Впечатление? Тягостного недоумения – вот *как*, оказывается, студентов учат древней истории...

На огромных «неисторических» пространствах обитали, извольте ли видеть, некие безликие «культуры». Именно так они и именуются: «культура шнуровой керамики» (поскольку украшали сосуды отпечатками шнуров и веревок), «катакомбная культура» (потому что хоронили своих покойников в особых подземельях), «культура боевых топоров» и даже «культура колоколовидных кубков». Простор для творчества обширнейший. «Культура шаровидных амфор», «культура узкогорлых кубков», «ямная культура», «курганная», «культура погребальных урн».

Тут же честно уточняется: кто были те самые представители «культуры битых амфор» и «культуры кривых копий», современной науке неизвестно. И в каких родственных отношениях находились они меж собой, и вообще находились ли, науке неведомо тоже. Так и учат студентов: «В начале VII в. началось передвижение с севера носителей культуры типа Корчак. Местное население было ассимилировано, но элементы пеньковской культуры сохранялись вплоть до VIII в.»

Лично мне, дилетанту и профану, необходимо от истории, коли уж она именует себя «наукой», нечто совершенно другое. Я бы желал, чтобы мне, темному, объяснили наконец: *чьими* предками были представители «культуры боевых топоров»: литовцев, евреев, калмыков, русских, поляков? Кого в конце концов породила «культура шнуровой керамики»: украинцев, чехов, хорватов, шведов?

Увы, ответа доискаться невозможно. Полное впечатление, что история занимается не поиском корней, истоков, общностей и родства обезличенных, анонимных «культур», а попросту *обслуживанием* устоявшейся схемы...

Европейский шовинизм блестящим образом нашел отражение в терминологии. Попробуйте представить себе такой абзац в солидном научном труде: «Племена гасконцев, наваррцев и парижан объединились для отпора воинам вторгшегося кастильского племени». Или, применительно к отечеству нашему: «Продолжалась долгая и ожесточенная война племени рязанцев с соседними племенами: тверяками, суздальцами, москвитами».

Можно представить, какой визг поднимут патриоты, ревнителю устоев, да и сами ученые мужи. В отношении благородных европейцев такие словечки употреблять не полагается. «Племена» – это непременно где-нибудь в дикой Азии. И обитают эти племена уж никоим образом не в городах – в «городищах».

Ага, вот именно. Есть такой официальный научный термин – «городище». Нечто второсортное по сравнению с полноценным городом. И высоченные каменные стены из неподъемных глыб в этом городище имеются, и кузницы, и следы присутствия многочисленных мастеровых, и дома из кирпича – но все равно это не город, а *городище*. Поскольку обитал там очередной «неисторический» народ.

Вот один-единственный пример из неисчислимого множества. Серьезная книга по

археологии, принадлежащая перу весьма небезымянных авторов Амальрика и Монгайта...

Сначала они описывают древний *город* Тейшебаини – именно город, поскольку принадлежит он «историческому» царству Урарту (правда, в последние годы нашлись еретики, которые отрицают само существование такого царства, но разговор сейчас не об этом). Площадь цитадели – четыре гектара, что составляет одну двадцать пятую часть квадратного километра. При раскопках найдены железные и бронзовые орудия и оружие, украшения, утварь и т. д. Это – город.

В другой главе той же книги рассказывается о Каменском *городище* на Днепре, которое, вероятно, было в конце V–III вв. до Р. Х. политическим и ремесленным центром скифского государства. Так вот, площадь «городища» – двенадцать квадратных километров, или *тысяча двести гектаров*. Выражаясь современным языком, это был крупнейший центр металлургического производства: там обнаружено большое количество плавильных печей и кузнечных горнов, слитки выплавленного железа, кузнечный инструмент, литейные принадлежности, готовые изделия из железа и бронзы. И тем не менее это не более чем *городище*, поскольку скифы – народ «неисторический», и *городов* им по неписаной табели о рангах не полагается.

К слову: Каменское «городище»... превосходит по площади славный город Париж времен д'Артаньяна и кардинала Ришелье, который в те годы занимал всего-то девять с лишним квадратных километров.

Город Рязань перед нашествием Батыя не превышал площадью 20 гектаров. Примерно такая же площадь – у «городищ» Кара-депе и Намазга-депе на территории нынешней Туркмении, относящихся к четвертому тысячелетию до Р. Х. Ученый комментарий говорит сам за себя: «Вероятно, это были центры больших и могущественных *племен*». Ну конечно же, в Азии могут обитать только *племена*...

Классическая история древнего мира полна и других, не менее пикантных ребусов, вызывающих, мягко скажем, недоумение. Жил-поживал некогда знатный английский археолог Гордон Чайлд, известный в первую очередь тем, что ревностно отстаивал тезис, согласно которому европейская цивилизация развивалась исключительно в пределах Европы, не испытывая ни малейших влияний из Азии (что сегодня выглядит, мягко выражаясь, плохо соответствующим истине). Он же однажды (должно быть, мрачно извращаясь) составил временной график распространения гончарного круга по Европе: «Индия, Сирия, Египет – 3000 лет до н. э., запад Малой Азии – 2000 г., Крит – 1800 г., континентальная Греция – 1600 г., Китай – 1400 г., Западное Средиземноморье – 800 г., Западная Европа к северу от Альп – 250 г., Англия – 50 г. до н. э., Шотландия – 400 г. н. э.».

Парадоксов тут – масса. Во-первых, заимствование гончарного круга Европой из Индии категорически противоречит воззрениям самого же Чайлда, считавшего именно Европу колыбелью цивилизации. Во-вторых, обратите внимание на то, что, согласно этому графику, Китай откровенно плетется в хвосте, а меж тем европейская история учит нас, что он-то как раз и был колыбелью всех без исключения открытий и изобретений...

И наконец... Прикажете всерьез верить, что Западное Средиземноморье только через *восемьсот* лет переняло у Греции, своей соседки, столь нужную и важную в хозяйстве вещь, как гончарный круг? Что шотландцы были столь дремучи и лишь через четыреста пятьдесят лет, никак не раньше, додумались заимствовать гончарный круг у своих южных соседей – англичан? Бред какой-то... Особенно если вспомнить, например, что пушки после первого их применения в боях распространились по всей Европе за считанные *десятилетия*...

Приходится с чувством глубокого удовлетворения констатировать, что вышеописанная схема изрядно обветшала. И время от времени в самых разных концах света делаются новые открытия, которые в нее категорически не вписываются. Как это было, например, со «страной городов» в степях Южною Урала, обнаруженной в 1987 г. Наиболее известным из них стал Аркаим – но к настоящему времени открыт уже 21 древний город (II тысячелетие до Р. Х.). Это и в самом деле целая страна, охватывающая южную часть Челябинской области,

север Оренбуржья, часть Башкирии и Курганской области. Жившие там люди занимались и скотоводством, и земледелием, и выплавкой металлов.

Официальная наука, не мудрствуя лукаво, приписала жителей «страны Аркаим» к «индоевропейцам». «Индоевропейцы – это еще одна, выражаясь языком современной молодежи, *фишка*, служащая неким универсальным объяснением в тех случаях, когда более детальные объяснения искать долго и не хочется. Ничего не объясняя, вроде бы объяснить все. «Индоевропейцы», мол, – а следовательно, более точные разъяснения как бы и неуместны. Вот и странствуют по страницам ученых трудов продукты поэтического словоблудия: не только «индоевропейцы», но и «индоарии» и даже некие загадочные «праиндогерманцы». То, выйдя из Индии, добегут до Скандинавии и, отдохнув там чуточку, вернутся в Азию, то, наоборот (см. покойника Чайлда), где-то в Карпатах *произойдя* (очевидно, с неба упав), двинутся в азиатские просторы, чтобы нести свет цивилизации тамошним дикарям... В общем, когда у нынешнего «экстрасенса» не получается очередной отворот-приворот или «код на повышение котировки акций», он с загадочной рожей бормочет: «Однако, какая-то неведома сила...» А ученый, когда ему что-то решительно неясно, со значительным лицом изрекает: «Индоевропейцы, ага». И все вроде бы должно быть понятно, хотя не ясно ни черта. Что же удивляться замаячившему на подступах к Аркаиму дохтуру Мулдашеву? Уж он-то враз объяснит с точки зрения шамбалоидных лемурийцев с третьим глазом в... Молчать, гусары!

А если серьезно, то господа ученые, сдается мне, совершенно не понимают простейшей вещи: Мулдашевы и Фоменко возникают не просто так, не из сырости земной зарождаются, аки мыши в представлениях средневековых ученых. Они, если хотите – *индикатор*. Безошибочный показатель *несовершенства* нынешней исторической науки. Именно оно, это самое несовершенство, сплошь и рядом принимающее форму откровенных баек, излагаемых с самым серьезным видом, и вызывает к жизни «еретические» теории. Будь в истории побольше логики и здравого смысла, поменьше баснословия и откровенной дури – не было бы и Фоменко, господа мои... Чего же вы хотите после фразочек: «Хотя Киев был до основания разрушен татаро-монголами, европейские купцы продолжали туда ездить»? После откровений о древних обезьянках-питекантропах, переплывающих морские проливы на плотках и бурдюках?

Но вернемся к нашей *схеме*, хвостом ее по голове. К делению народов на полноправных обитателей Большой Истории и варваров-приживальщиков, приткнувшихся где-то с краешку на птичьих правах...

Пользуясь выражением одного из персонажей Стругацких, я человек привычный, но и меня, братцы, замутило... Замутило, когда я открыл свежеезданную роскошную книгу «сибирского Карамзина», как его именуют, П. А. Словцова «История Сибири. От Ермака до Екатерины II».

Вообще-то название само по себе... припахивает чем-то весьма неприятным. Начинать историю Сибири с Ермака – это, выражаясь интеллигентно, хрень собачья. Правда, это придумал не сам Словцов, покинувший наш мир еще в 1843 году, а лихие редакторы из издательства «Вече», приютившем немало профессиональных патриотов и борцов с маленькими зелененькими жидомасонами. В оригинале труд Словцова именовался гораздо нейтральнее: «Историческое обозрение Сибири».

А впрочем, то, что писал он сам... Вот как изящно характеризует тобольский самородок коренное население Сибири: «Такая хаотическая смесь, если почтить татар исключением, смесь дикарей, существовавших звероловством и рыболовством, болтавших разными наречиями, следственно и принадлежащих разным странам и племенам, коих отчизны и места ими забыты, дикарей, скитавшихся за добычами по угрюмым ухожам, любивших, однако ж, ратную повестку созыва, чувствительных к радости мщенья, но неустойчивых, имевших какую-то связь с поколениями смежными, но вовсе не знакомых с понятиями порядка общежительного – эта СВОЛОЧЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА (выделено мною. – А. Б.), скажите, не сама ли себя осудила на все последствия твердой встречи. Просвистала

подле ушей Закаменных (т. е. «зауральских». -А. Б.), и Сибирь северная стала для России самородным зверинцем, кладовую мягкой рухляди».

«Сволочь человечества» – это сильно. Как и «туземцы, которые пресмыкались от Урала до Енисея». Совершеннейшая переключка с писаниями забытого ныне начисто протестантского ученого мужа Роберта Грея, писавшего в 1609 году об американских индейцах: «Земля... это поместье, дарованное Богом человеку. Но большая ее часть заселена и незаконно узурпирована дикими животными и неразумными существами, или грубыми дикарями, которые по причине своего безбожного невежества и богохульственного идолопоклонства хуже самых диких и свирепых животных».

Можно биться об заклад, что Словцов о Грее в жизни не слыхивал – но фразеология совпадает до мелочей. У одного – «сволочь человечества», которая бесцельно «пресмыкается», у другого – «неразумные грубые дикари», которые поставлены даже после животных. Естественно, из писаний Грея плавно вытекало, что белые господа могут без малейших угрызений совести ликвидировать досадную помеху в лице краснокожих – он, обратите внимание, *разделяет* «человека» и «грубых дикарей». А Словцов так писал о бравых казаках, приводивших «сволочь человеческую» в подданство московского государя и обкладывавших их ясаком: «Это было законно, потому что дань есть послепотопная законность сего мира».

Следуя этой логике, следовало бы поумерить гневные тирады отцов-основателей российской историографии в адрес Батыя, обложившего Русь данью – Батый всего лишь соблюдал «послепотопную законность всего мира», и не более того...

Одним словом, творение Словцова – это доведенные до крайности идеи сторонников «исторических» и «неисторических» народов. Впрочем, по Словцову, сибирские народы – это и не народы вовсе, а попросту «...намыв обломков, выброшенных из Средней Азии, когда она пенилась переворотами племен, а пенилась многократно: во времена хуннов, киданей, нючжей, татаней и чингисханцев».

Ну, разумеется – *племена*... Которые белый человек из Московии просто-таки обязан завоевать – а чего они?

Но особенно впечатляет фраза Словцова, оброненная мимоходом, с вопиющим пренебрежением к истине: «Они также не были знакомы с письменами, кроме татар, достигших письменности чрез чтение карана».

Это древние-то народы Сибири не знали письменности?!

Ну, что поделать. Словцов не виноват, его так учили. Тогдашняя просвещенная Европа в древней истории Азии разбиралась, как известное млекопитающее в известных цитрусовых...

Вообще-то еще за сто лет до «изысканий» Словцова немецкий ученый на службе Петра I, знаменитый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт обнаружил на скалах у берегов Енисея рунические надписи древних уйгуров (основавших в свое время Уйгурский каганат, но о Великих Каганатах мы поговорим подробнее в следующих главах).

Словцов об этом определенно не знал. А потому, как многие, свято верил, что азиатская история примитивна и скучна: ничего там не было интересного, разве что столетиями кочевала беспмятная и тупая «сволочь человечества»...

Правда, практически в то же самое время нашлись *другие* ученые, считавшие, что именно Северная Азия и была прародиной европейских народов – или, по крайней мере, ее история уж никак не сводится к бродячим бесписьменным племенам...

В последней четверти века археологические находки – и какие! – прямо-таки хлынули, как зерно из распоротого мешка. В 1877 году был обнаружен знаменитый Амударьинский клад скифского золота. В 1885 году в Семиречье раскопали обширные могильники и установили, что обитавшие там когда-то средневековые тюрки были христианами-несторианами. Еще несколько лет спустя в Минусинской котловине нашли рунические наскальные письмена древних хунну. И наконец, в 1899 году, аккуратно на исходе

столетия, экспедиция Н. М. Ядринцева, талантливого ученого (и теоретика сибирского сепаратизма) на одном из притоков реки Селенги нашла древний город с гранитными памятниками, мраморными изображениями богатырей, женщин, животных, а главное – покрытые руническими надписями каменные стелы. Это и была древняя столица уйгуров Хаара-Баласагун, которую впоследствии, с укреплением «правильной» истории, объявили «монгольской столицей Каракорумом» – хотя Хаара-Баласагун перестал быть обитаемым за пятьсот лет до походов Чингисхана (который опять-таки к монголам не имеет никакого отношения и ни с какого боку им не родственник).

Этим надписям повезло, их, как говорится, ввели в научный обиход и публиковали расшифровки (мы подробнее поговорим о них опять-таки позже, когда речь пойдет о Каганатах). Но далеко не всем тюркским рунам так везло. Отношение к ним, такое впечатление, двойственное: в подлинности никто не сомневается, но широкой огласки они не получают. Есть подозрения, что содержание иных сторонникам «традиционной» истории кажется *неудобным*, да и сами по себе тюркские руны причиняют определенные неудобства тем, кто привык видеть «колыбель цивилизации» исключительно в Европе. Встречаются даже попытки заявить, что эти руны – вовсе и не руны, просто-напросто «очень похожи».

Причина лежит на поверхности: если принять, что руническое письмо было в определенные периоды распространено на громадной территории от Атлантики до Енисея, если вспомнить, что письменность тех же уйгуров безусловно восходит к одному из сирийско-арамейских алфавитов, если учесть, что христианство несто-рианского толка было широко распространено в Азии еще в до-чингисхановы времена – то поневоле сложится картина чересчур уж тесной *общности* населявших эти территории народов. Причем вполне может оказаться, что влияние шло по *другому* направлению – скажем, не уйгуры заимствовали алфавит от сирийско-арамейского, а наоборот... Не столь уж безумная гипотеза.

Однако... Чайлд умер, а дело его живет. И «словцовщина» – явление живучее. Азии *положено* быть отсталой и вторичной, с почтением взирать на колыбель цивилизации Европу. А потому частенько вместо точного содержания древних рунических текстов сплошь и рядом попадают уклончивые формулировки: «Надписи расширяют представления об общественном строе и религии». Столь упорный отказ от *конкретики*, как обычно, вызывает у сторонника «короткой» хронологии подозрения, что дело нечисто...

Меж тем *полная* история азиатских цивилизаций еще не написана и составлена будет очень не скоро – потому что чересчур уж велики пробелы в нынешних знаниях...

Я не буду здесь касаться гипотетической Гипербореи, с которой далеко еще не все ясно, но тем не менее иные старые тексты демонстрируют память если не о таинственной Гиперборее, то все же о какой-то *другой* истории Азии, которую нынешние ученые совершенно не берут в расчет.

Насколько я могу судить по собственным этнографическим наблюдениям, нынешние историки с определенной неприязнью относятся к путевым заметкам средневековых арабских книжников. В их подлинности никто не сомневается, они удостоились свидетельства о благонадежности под названием «введение в научный обиход», но все равно – о них стараются вспоминать пореже.

Потому что средневековые арабы сплошь и рядом писали нечто категорически не согласующееся с современными научными воззрениями. Один, к примеру, настаивает, что своими глазами видел скелет некоего дикаря размером в три человеческих роста, который жил у волжских булгар совсем недавно, пока его не прикончили за свирепый нрав. Другой, приводя в бешенство «скалигерцев», настаивает, что славяне некогда приняли ислам, хотя современная наука о таком и не слыхивала (позже мы попытаемся эту загадку прояснить). Третий...

А третий, странствуя по Азии, видел некие загадочные сооружения, которым опять-таки не находится места в скалигеровской версии истории...

Примерно в 844–846 гг. от Р. Х. владевший 30 языками книжник Салам Алтарджеман

по прозвищу Толмач по поручению багдадского халифа Васи́ка отправился в долгое путешествие на Восток. Дело в том, что халиф увидел сон, будто в построенной Александром Македонским стене образовался проход. Поскольку стена эта была возведена Александром, чтобы надежно запереть до скончания веков злые, агрессивные и многочисленные народы Гог и Магог, халиф не на шутку встревожился и повелел Саламу срочно отправиться к стене, чтобы проверить, как там с ней обстоит и есть ли угроза вторжения.

Можно ручаться, что эта история была попросту *легендированием* обычной разведывательной миссии – но сие для нашего повествования, право же, несущественно... Салам получил охрану из полусотни воинов, крупную сумму на расходы и пустился в путь. Миновав царство аланов (предков нынешних осетин) и Хазарию, Салам 26 дней ехал по необитаемым местам, десять дней – по некоей местности, «где почва была черная и источала отвратительное зловоние», а потом еще двадцать дней – «по местности, где все селения были разрушены. Нам сказали, что это остатки поселений, которые подверглись нападению Гога и Магога и были совершенно ими опустошены».

И наконец посланец халифа достиг «укрепленных районов поблизости от горных цепей, на одной из которых находится стена. Там мы нашли людей, говорящих на арабском и персидском языках. Они мусульмане, читают Коран, и у них есть школы и мечети».

Еще через три дня отряд достиг стены: «Это стена Гога и Магога. Там находится ущелье, достигающее 150 локтей в ширину, через которое некогда проходили эти племена, совершая опустошительные набеги на страну, пока Зулькарнайн (так арабы именовали Александра Македонского. -А. Б.) не закрыл его».

Дальше – нечто интересное. Квадратные скобки с примечанием: «Следует подробное описание стены». Переводчик и комментатор отчего-то посчитали нужным его выбросить. Осталась лишь одна-единственная фраза Толмача: «Общий вид этого сооружения весьма необычен благодаря чередованию желтых слоев меди и темных слоев железа, пересеченных почти повсюду поперечными полосами» (одну такую металлическую полосу Салам вынул и привез халифу).

Где путешествовал Салам Толмач, в подлинности записок которого ученый мир, повторяю, не сомневается?

Поначалу находились исследователи, которые считали, что Толмач видел эту загадочную стену где-то в *Сибири* – либо в бассейне Оби, либо у реки Иртыш на юго-западном Алтае. Выдвигались и другие версии: Урал, Тянь-Шань, «несколько восточнее Сыр-Дарьи».

Однако потом возобладала «правильная» точка зрения, исходящая из того, что дикой Сибири такого укрепления «не полагается». Решено было считать, что Салам видел Великую Китайскую стену – по принципу: «А что же еще он мог видеть?»

Между тем описание города, населенного *мусульманами*, этому решительно противоречит. Как и описание самой стены, ничуть не похожей на Великую Китайскую. Благо в тексте есть точные ориентиры. «Зловонные земли» – это, несомненно, заболоченные районы к северу от Каспийского и Аральского морей, о которых рассказывали и другие путешественники, посещавшие те места. «Местность, где все селения разрушены» – это, с огромной долей вероятности, земли западных уйгуров, подвергшиеся опустошительному нашествию Гыргызского каганата. Где же здесь китайцы и при чем тут они? Стена из меди и железа, замыкающая горный проход шириной в 150 локтей, ничуть не похожа на Великую Китайскую! И почему публикатор текста, известный немецкий географ Хенниг, опустил самое интересное – подробное описание стены? Что-то неладное...

Но книга Салама по крайней мере допускает дискуссии и разные мнения. Зато Сихаб Эд-Дин ибн-Фадлан аллах ал-Умари (1300–1343) оставил описание интереснейшего сооружения, которого при всех ухищрениях к Китаю ни за что не отнесешь...

«В землях Сибирских и Чулымских сильная стужа; снег не покидает их на

протяжении шести месяцев... Купцы наших стран не забираются дальше города Булгара, купцы Булгарские ездят до Чулымана, а купцы Чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера. Позади их уже нет поселений, кроме большой башни, построенной Искандером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а находятся только реки, пустыни и горы, которых не покидает снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вплоть до Черного моря; там беспрерывно бывает дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце. За Югрой живет на берегу морском народ, пребывающий в крайнем невежестве. Они часто ходят в море».

Вот *это* уже никоим образом не притянешь к китайцам! Кстати, само по себе любопытно упоминание *Черного* моря – так, оказывается, средневековые арабские книжники именовали Северный Ледовитый океан.

Но еще интереснее – «большая башня на образец высокого маяка», возведенная в тех местах Александром Македонским (которого вы наверняка узнали под именем Искандер). Речь безусловно идет не о крохотном каменном укреплении (впрочем, и его, по мнению скалигеровцев, некому в тех местах возводить), а именно что о высокой башне на манер маяка...

Здесь современные историки старательно избегают *любого* комментария. Потому что сказать им абсолютно нечего, против источника не попрешь: географические привязки двойного толкования не допускают. Вот только по канонам «традиционной» истории на примыкающих к побережью Северного Ледовитого океана территориях никогда не было и быть не могло никаких башен и маяков, поскольку там обитали с незапамятных пор совершенно неисторические народы, отроду не возводившие ничего, кроме примитивных чумов из оленьих шкур...

Но ведь *была* «башня на манер высокого маяка»! Иначе почему сообщение арабского книжника не отвергают и не объявляют поэтическим вымыслом? Его попросту оставляют без комментариев, а это уже другое...

Традиционная история, как известно, относит жизнь и свершения Александра Македонского к IV веку до Р. Х. Более того, в рамках традиционной истории Александр вообще не заходил севернее Черного моря, не говоря уж о берегах Северного Ледовитого океана.

И тем не менее арабский книжник четырнадцатого века *после* Рождества Христова не видит ничего необычного в том, что Македонский воздвигал внушительные башни неподалеку от Полярного круга. Что же, мусульманский писатель был невежественным или умышленно включал в свою книгу заведомые басни?

Ни того, ни другого. Он просто-напросто писал в совершеннейшей согласии со *всеобщими* представлениями того времени. Напоминаю: нам сегодня преподают *одну* историю, а несколько сотен лет назад в ходу повсеместно была *другая*...

Существует любопытная книга под названием «Сербская Александрия» или, как ее поименовали русские переводчики еще в XVII столетии, «книга, глаголемая Александрия». Это – подробное жизнеописание Александра Македонского. Безусловно, это не историческая хроника, в ряде мест она носит чисто сказочный характер, но, что любопытно, именно там упоминается... о походах Александра на Север! Повествуется, как Александр с войском добрался до некоего «края земли» и, чтобы должным образом отметить это место, как раз и велел соорудить... «комору железную великую».

Мало того, с небольшим числом особо надежных воинов он все же двинулся дальше, «за край земли», и через четыре дня достиг некоей «темной земли», «темного места», где отряд четыре дня ходил во мраке. Края эти именуются еще «земля мглистая». Вечная ночь, мгла, постоянные туманы... Да вдобавок земля там, оказалось, «медная», так что «гремяще от конских копыт по земли той, яко гром». Быть может, речь попросту идет о вечной мерзлоте и ледяной корке?

Судя по описаниям, это и в самом деле край полярной ночи: «...и обретох тму, и огня

не видети в местах тех». А местное население обитает в землянках – «жилище под землею». Подобные землянки прекрасно известны исследователям Севера...

Примерно в тех же местах Александр схватился с неким сильным врагом, которого все же одолел и загнал «к великим горам, именуемым Севером» (чем не Уральский хребет?) Встречался он и с народом, именуемым «рыбоядцами» – поскольку питаются они главным образом рыбой, которую промышляют в море.

Здесь, правда, вновь появляется сказочная деталь: люди эти безголовы, и глаза у них на груди – но именно такое впечатление на свежего человека могли произвести северные аборигены в своих меховых парках с капюшонами, низко опущенными на лицо. В самом деле, могло показаться, что головы у них нет, а рот – на груди...

Сказка, былина, выдумка? Но не все так просто с Александром Македонским...

Отчего-то именно он – *единственный* пример в мировой истории! – пользуется прямо-таки небывалым уважением и почитанием у превеликого множества народов, не имеющих отношения к «классическим» македонцам. Слово историку: «С древнейших времен Александр Македонский известен как герой всевозможных литературных сюжетов и апокрифов в украинском, белорусском, литовском, польском, среднеазиатском, татарском, азербайджанском, грузинском, армянском и даже в якутском героическом эпосе». К этому следует добавить, что Александра почитали еще чехи и хорваты, венгры и греки, турки и персы, а также все без исключения арабские народы. «Александрия», написанная якобы «античными» греками, переведена на все восточноевропейские языки, на арабский, латинский, армянский, еврейский – еще в раннем Средневековье. Известны самое малое 350 ее списков на 35 языках. И современный историк пишет с явственным недоумением: «Каждый из 35 народов мира считает Александра Великого представителем своей национальной культуры и истории».

В самом деле, пример уникальный: Александра почитали католики и православные, а также автокефальные грузины с армянами, мусульмане-шииты и мусульмане-сунниты, да вдобавок язычники. Закономерный вопрос: почему все эти столь разные народы, разные по вере, месту обитания, национальным традициям и многому другому, столь упрямо зачисляют в «свои» (единственный пример в истории, напоминаю!) македонского царя и полководца, который к тому же, согласно традиционной хронологии, жил за полторы тысячи лет до книжников раннего Средневековья? *Всплеск* почтительного интереса к личности Александра приходится на XII-XIII века по Р. Х. Откуда такой интерес и уважение (у тридцати пяти народов Европы, Ближнего Востока, Турана и Азии) к человеку, пусть знаменитому и славному, но умершему полторы тысячи лет назад?

Это по *скалигеровскому* счету. А люди Средневековья, полное впечатление, и в этом случае словно бы ведать не ведали, что их с Александром разделяет тысяча с лишним лет. Они, простите за вульгаризм, этой тысяче лет в упор не видели! Быть может, ее и не было? Приписали впоследствии любители цифровой мистики. Более логичен и убедителен другой вариант: Александра от почитателей и авторов книг о нем отделял не столь уж и длинный промежуток времени – десятилетия, быть может.

Ведь, собственно говоря, людям раннего Средневековья вообще *не полагалось* знать об Александре Великом! Неоткуда было узнать. Та самая традиционная история упрямо твердит о существовании «темных веков», когда *все* «античные» рукописи были забыты деградировавшей Европой, долгую тысячу лет (а в иных случаях и больше) плесневели в каких-то загадочных подвалах, и лишь в начале XVI века, во времена Возрождения, их достали, стерли плесень, напечатали – и вот тогда-то (не раньше) потрясенная Европа и узнала все об «античности»...

Меж тем в рамках *прежней*, доскалигеровской, истории существовала стройная система взглядов на Александра Македонского и его свершения – отличающаяся от нынешней как небо от земли.

Согласно этой системе, Александр сражается... с половцами-куманами. Подступает с войском к Риму, который открывает ворота и смиренно подносит богатые дары – среди них,

кстати, парадное одеяние царя Соломона и оружие греческих полководцев, взявших Трою. Более того: несколько столетий в славянских странах держалось стойкое убеждение, что Александр Македонский выдал славянам некую грамоту, привилегию на право владения ныне занимаемой ими территорией!

Вот полный текст по Чешской хронике 1541 года: «Мы, Александр, Филиппа короля Македонского, в правлении славный, зачинатель Греческой империи, сын великого Юпитера, чрез Нектанаба предзнаменованный, верующий в брахманов и деревья, Солнце и Луну, покоритель Персидских и Мидийских королевств, повелитель мира от восхода и до захода Солнца, от Юга до Севера, просвещенному роду славянскому и их языку от нас и от имени будущих наших преемников, которые после нас будут править миром, любовь, мир, а также приветствие. За то, что вы всегда находились при нас, правдивыми, верными и храбрыми нашими боевыми и неизменными союзниками были, даем вам свободно и на вечные времена все земли мира от полуночи до полуденных земель Итальянских, дабы здесь никто не смел ни жить, ни поселиться, ни оседать, кроме вас. А если бы кто-нибудь был здесь обнаружен живущим, то будет вашим слугой, и его потомки будут слугами ваших потомков. Дано в новом городе, нами основанной Александрии, что основана на великой реке под названием Нил. Лета 12 нашего королевствования с соизволения великих богов Юпитера, Марса и Плутона и великой богини Минервы. Свидетелями этого являются наш государственный рыцарь Локотека и другие 11 князей, которые, если мы умрем без потомства, останутся наследниками всего мира».

С точки зрения *нынешней* истории – абсурд жуткий. С точки зрения Средневековья – самое житейское дело. Потому что славяне, считалось, участвовали на стороне Александра Македонского во множестве военных кампаний, и он, чтобы отметить должным образом их храбрость и преданность, и выдал означенную привилегию. Впервые эта грамота появляется в XII веке даже не на одном из славянских языков – на латинском. Был ли это *оригинал*, в точности неизвестно: считалось, что подлинная грамота, написанная на пергаменте золотыми чернилами, хранилась в Константинополе и после захвата его турками попала в сокровищницу султана. Есть сведения, что перевод на чешский хранился и в Праге.

Кстати, давно уже обратили внимание, что по стилю и общему характеру эта грамота ничем не отличается от других многочисленных «привилегий» – жалованных грамот, выданных Александром Македонским городским общинам и подвластным народам. О чем подробно писали Страбон, Плутарх, Арриан и другие «античные» авторы...

Впрочем, далеко не *все* славяне поддерживали с Александром дружеские отношения. В средневековой польской хронике Винцента Кадлубека утверждалось, что поляки однажды воевали не на стороне Александра, а как раз против. Что однажды Александр Македонский, подступив с войском к польским границам, потребовал дани, но поляки убили его послов, отрубили им головы и, набив их золотом и морской травой, отправили обратно. Естественно, разъяренный царь вторгся в Польшу – но был отброшен. Интересно, что знаменитый ученый XV века Ян Остророг, выступая в Ватикане перед папской курией, в качестве примера польской доблести упоминал и тот факт, что поляки точно так же отбили однажды войска Юлия Цезаря, которому пришлось заключать мир – и в честь подписания договора на том месте как раз и был основан город Вильно...

Живший столетием позже польский историк Стрыйковский решительно опровергал теорию своего предшественника, но, обратите внимание, он вовсе не подвергал сомнению то, что поляки и Александр были современниками – просто-напросто считал, что поляки с Александром уживались мирно и никогда не воевали...

Да, а что же прелаты, слушавшие Остророга в Ватикане? Наверное, они вдоволь поиронизировали над «славянским дикарем», по невежеству своему считавшим, что поляки и Александр обитали на одном и том же историческом отрезке?

Ничего подобного. Никто и не подумал упрекать гостя из Польши в плохом знании истории. Потому что и Западная Европа точно так же не замечала этого тысячелетия, якобы «разделявшего» античность и Средневековье. Там точно так же шли в свое время

ожесточенные споры на абсурдную, казалось бы, тему: подложна или подлинна «жалованная грамота», выданная австрийскому дому Габсбургов... императором Нероном (по традиционной истории, покинувшем наш мир за тысячу лет до появления Габсбургов на политической арене)? Снова та же примечательная оговорка: западноевропейцы вовсе не сомневались, что Нерон и Габсбурги были современниками, они всего-навсего обсуждали вопрос о подлинности одной-единственной грамоты.

Известный хорватский книжник Юрий Крыжанич, работавший в Московии во второй половине XVII века, опять-таки нисколько не сомневался, что славяне и Александр обитали в одно время. Просто-напросто он доказывал, что славяне никогда не находились с Александром в каких бы то ни было вассальных отношениях, а потому Македонский и не мог «великодушно жаловать» славянам земли, которые они и так контролировали...

Только в первой половине *восемнадцатого* столетия, когда нынешняя версия хронологии стала явственно одолевать *прежнюю*, славян и Александра «развели» по разным эпохам...

Между прочим, те же средневековые источники уверяли еще, что славяне, которым Александр послал грамоту, были не кем иным, как народом Мосхов, происходящим по прямой линии от одного из библейских патриархов (и встречается это утверждение не в «славянском» варианте грамоты, а как раз в латинском ее тексте...)

А средневековые чешские историки некогда писали вовсе уж неприемлемую с точки зрения скалигеровцев ересь – что чехи, как и немцы, существовали уже во время знаменитого библейского Вавилонского смещения языков (впрочем, как и другие славяне, другие западноевропейские народы!)...

Кстати, знаменитый путешественник и дипломат XVI века Герберштейн, приехав с посольством в Московию, всерьез рассчитывал обнаружить там... алтари Александра Македонского. В полном соответствии с историко-хронологическими представлениями *своего* времени он считал, что именно на Дону пролегла граница меж империей Александра и славянскими землями. О том же, кстати, писал и его современник, польский историк Ваповиус-Ваповский. Иные земляки Ваповского (не самые невежественные и бездарные ученые того времени), кроме того, писали, что со славянами воевал еще отец Александра Филипп, в юном возрасте взятый в заложники и овладевший славянским языком (что повторялось и в русском Хронографе XVII века).

И наконец, упоминания о том, что Александр все же добирался в своих походах в некие северные холодные земли, можно отыскать даже у самого что ни на есть «благонадежного» Плутарха: «проникал к племенам, скрытым глубокими снегами»...

Ну что же, даже за «введенными в научный оборот», «благонадежными», якобы «античными» историками нужен глаз да глаз. Они могут мимоходом ляпнуть что-нибудь такое, что скалигеровская наука встречает со скрежетом зубным. Вот, например, «отец истории» Геродот повествует о воинских подвигах «древнеегипетского» фараона Сесостриса: «Так Сесострис прошел по материку, пока не переправился из Азии в Европу и не покорил скифов и фракийцев».

«Вот это по-нашему, по-бразильски!» – воскликнула донна Роза. Фракийцы жили на Балканах, а скифы – в Северном Причерноморье... В «традиционной» истории не сохранилось никаких следов столь дальних фараоновых походов. К труду Геродота дан сюрреалистический комментарий: «Геродот путает царя Сесостриса с царем Псамметихом I, который воевал со скифами и фракийцами в Палестине, но никогда не вторгнулся в Скифию».

У нынешних историков правая рука не знает, что творит левая. Один «ученый» публикует подобный комментарий, чтобы хоть как-то затушевать не устраивающее его место из Геродота – зато другие с пеной у рта уверяют, что ни скифы, ни фракийцы никогда в Палестину не вторгались...

Турки, кстати, «отметились» и на Балканах, и в Причерноморье. А потому в рамках «новой хронологии» нет ничего удивительного, если окажется, что речь идет именно о турках, а «Сесострис» – просто-напросто один из турецких султанов, повествование о

походах которого было переведено на парочку экзотических окрестных языков заодно с султанским именем (ибо имена сплошь и рядом именно что *переводились*).

А турки в свое время, кстати, уживались с европейскими соседями достаточно мирно. Это впоследствии, в XVII–XVIII веках, Османская империя отличалась религиозным фанатизмом – а до того творились крайне интересные дела... Доходило до того, что балканские крестьяне (христиане!) в XV–XVI вв. *массами* переселялись на «турецкую сторону» – потому что жилось там не в пример легче. С 1453 по 1623 г. в Османской империи сменилось 48 великих визирей... и 33 из них, чуть ли не три четверти, были вовсе не этническими турками, а принявшими ислам европейцами. Меж тем турки-османы сплошь и рядом предстают в облике исключительно фанатиков, зверей и варваров, жутких ксенофобов, поедаящих на ночь христианских младенцев...

Но вернемся к Александру Македонскому. Есть ли какие-то объяснения всему вышеизложенному? Тому странному «заблуждению», в котором долгие столетия пребывала Европа, когда ее еще не «осчастливили» оккультисты и цифровые мистики «длинной» хронологией?

В рамках «ревизионизма» – запросто. Стоит лишь предположить, что история Европы, искусственно растянутая, и в самом деле короче как минимум на тысячу лет. Если сделать это одно-единственное допущение, то все «несообразности» и «анахронизмы» моментально укладываются в стройную, логически непротиворечивую концепцию. *Реальная* история Александра Македонского несколько отличается от составленной в последние столетия. *Реальный* Александр и в самом деле был тесно связан со славянами, обитавшими в одно с ним время, а маршруты его боев и походов, таким образом, весьма отличаются от «традиционной» версии. Обратите внимание на *расклад*: Восточная Европа относится к Александру с нескрываемой симпатией и безграничным уважением, а вот *Западная*, хотя и именует его Великим, все же особой любви, полное впечатление, не испытывает. Можно отсюда предположить, что для означенной Западной Европы Александр в первую очередь был нападающей стороной (вспомните предания о его походе на Рим).

Что до «башни на манер маяка», воздвигнутой в крайних северных пределах... Почему бы и нет? Тем более что история этих самых «северных пределов» до сих пор толком не исследована и таит, есть полная уверенность, не одну загадку. Даже если не касаться вопроса о Гиперборее (хотя порой сторонники ее существования выдвигают достаточно убедительные и интересные аргументы), тайн достаточно. Скажем, ученые из Екатеринбурга всего несколько лет назад неподалеку от Салехарда обнаружили при раскопках татуированную мумию, которую не смогли отнести ни к какой антропологической расе – а определить ее возраст оказались решительно не в состоянии (или в состоянии были, но помнили о недопустимости всех и всяческих ересей касаясь датировок)... Можно добавить еще, что ямальские ненцы говорят: до их прихода на арктические берега там обитал некий «низкорослый народ», который впоследствии переселился под землю... но отголоски схожих представлений можно встретить и в «Александррии»! Там Александр тоже сталкивается с «подземными жителями»...

Вернемся теперь к теории об «исторических» и «неисторических» народах. Но Азию пока что оставим в покое. Дело в том, что *сначала* эта теория была опробована как раз на старушке Европе. Принято считать, что «цивилизованный» Рим таким лучом света в темном царстве сиял несказанными достижениями науки, техники и культуры – а на остальных европейских пространствах обитали сущие дикари, те самые «племена», жившие в «городищах» и вроде бы еще не лишившиеся хвостов. Варвары, одним словом.

Вообще-то «варваром» наши старые знакомые, «античные» авторы всего-то навсего называли чужеземца с непонятной им речью, и не более того. Непривычному уху в чужом говоре слышалось сплошное «вар-вар-вар»...

Но вот *после*, во времена торжествующей скалигеровщины, понятие «варвар» претерпело существенную метаморфозу и стало синонимом дикости, неразвитости, невероятной отсталости.

Меж тем, что любопытно, «античные» авторы... вовсе не считали варваров *дикарями* – это историки последующих времен совершили шулерскую подмену понятий. «Античные» книжники, подробно повествуя о «варварах», рисовали совсем другую картину – и, если прочесть их труды вдумчиво и непредвзято, можно отыскать массу интересного...

Существуют, конечно, типичные политические памфлеты вроде «Географии» Страбона. Согласно этому ученому труду, все народы, обитающие за пределами Римского государства – примитивные дикари, чьи обычаи требуют самого сурового осуждения со стороны цивилизованного человека. Одни живут блудным образом с собственными матерями и родными сестрами, другие распарывают пленникам брюхи и гадают по внутренностям, третьи и вовсе людоеды. Но, что интересно, сам Страбон в описанных им варварских краях никогда не бывал и весь свой труд построил на рассказах других. Как только речь заходит о каком-нибудь особенно диком обычае, всегда следует уточнение: «говорят», «рассказывают» – а это, согласитесь, чуточку портит достоверность означенной «Географии». Да к тому же Страбон – не римлянин, а грек на римской службе после завоевания Римом Греции. А с этой особенностью мы уже сталкивались: полицей или просто прислужник из местных сплошь и рядом в десять раз злее и стервознее самого немца-оккупанта...

Совершенно в другом ключе выдержаны «Записки о галльской войне» Юлия Цезаря. Что до меня, лично я категорически протестую против утверждения, что записки Цезаря сочинены очередным итальянским книжным проходимцем в эпоху Возрождения. Они именно что самим Юлием Цезарем написаны, именно в Риме и о реальных событиях. Потому что, если это так, господа скалигеровцы сами загоняют себя в ловушку...

Итак, какими же видел Юлий Цезарь Галлию и галлов, с которыми долго и старательно воевал?

Начнем с того, что у галлов существуют «цари» и «знать», что уже подразумевает сложно организованное общество, стоящее выше «племени». У галлов есть свои города – которые Цезарь четко отделяет от «сел» и «хуторов» (и, в отличие от современных историков, ни «городищами», ни «поселениями» ни разу не именуется, а как раз городами). Города, насколько можно судить, не такие уж маленькие и укреплены на совесть: один из них, Новиодун, римляне собирались было взять штурмом с налету, прослышав, что там почти нет гарнизона, но сделать это не смогли «вследствие глубины рва и высоты стены». Надо полагать, солидное было укрепление, если пришлось окружать Новиодун лагерем, копать траншеи, осадные башни воздвигать...

Галлы занимаются земледелием, ведут торговлю – не путем «натурального обмена», а с помощью *денежной* системы. У них, по свидетельству Цезаря, есть «большие» железные копи, а следовательно, широко развита обработка металлов и связанные с этим ремесла. А в военной области они кое в чем *превосходят* римлян.

Тут уже в повествование Цезаря вклиниваются строки из Тацита – господа, я буквально требую считать оно не творением ренессансного итальянца Поджо Браччолини, а реальным римским историком!

Так вот, Тацит... Когда «племя» (а как же иначе?!) эдуев выступило против римлян, то эдуи включили в свое войско *латников*: «К ним были добавлены предназначенные для гладиаторских игр рабы, по обычаю племени облаченные в сплошные железные латы, так называемые крупелларии, малопригодные для нападения, но зато неуязвимые для нанесения врагом ударов». И далее повествуется, что больше всего хлопот римлянам доставили эти латники, «так как их доспехи не поддавались копьям и мечам».

Вообще-то Тацит, даже если он насквозь реальный, а не придуманный шустрými итальянцами, все равно производит впечатление кабинетного книжника, у которого чрезвычайно плохо обстоит с логикой и здравым смыслом, так что он не задумывается, что пишет. Получается, что основное войско галлов-эдуев было лишено доспехов, и только предназначенные для гладиаторских игрищ (а значит, для верной смерти) *рабы* щеголяли в тяжелой железной броне? Простите, совершенно не верится. Во все времена обстояло

совершенно иначе: чем лучше у воина броня и оружие, тем выше он стоит на социальной лестнице: рыцарь с головы до ног в железе (как же иначе, если это добро равно по стоимости сорока пяти коровам?!), а пехота подлого происхождения воюет чуть ли не дубинами – ну не на что им купить добрый меч, не говоря уж кольчуге! Достоверно доказано, что в битве при Гастингсе (1066 г. от Р. Х.) бойцы из простонародья сражались вообще *каменными* топорами. Меж тем у Тацита мы видим нечто сюрреалистическое: знать сражается чуть ли не босиком, чуть ли не с рогатинами, зато рабы от ушей до пяток закованы в дорогущие железные латы... Верней уж будет предположить, что описанные Тацитом латники – нечто вроде тогдашней лейб-гвардии, экипированной самым лучшим и дорогим. Какой дурак, наконец, додумается ставить в свои ряды обреченных на смерть рабов-гладиаторов? Да они ж не с римлянами станут резаться насмерть – ради чего? Ради возможности сложить голову на потеху толпе? – а разбегутся или перейдут на сторону неприятеля, где у них больше шансов выжить...

Но все это в итоге не главное. Ключ тут в словосочетании «железные латы». Так вот, у римлян ничего подобного *нет!* Их легионеры как раз носят *бронзовые* шлемы и гораздо более простые, нежели у галлов, кольчуги – это попросту кожаная или холщовая рубаха, покрытая рядами металлических чешуек...

Берем книгу о римской армии, написанную с позиций «традиционной» истории. И что же мы там видим? Чуть ли не все военные усовершенствования императорских легионов... как раз и заимствованы у «варваров»! Железный шлем, пришедший на смену старому бронзовому, в массовом порядке изготавливается в *галльских* кузницах. От рубах с нашитыми бляшками римляне переходят к более совершенному панцирю «лоркиа сегмен-тата» – ряды металлических полосок, скрепленных изнутри кожаными ремешками. Панцирь опять-таки перенят у *галлов*. Римский меч императорского периода, гладиус... ведет свое происхождение от оружия испанских «варваров», более совершенного, чем то, с которым *приперлись* в Испанию римляне: «...когда был покорен Иберийский полуостров, римляне воспользовались секретами местных оружейников, в результате чего их легионы получили это превосходное оружие».

Снова вопиющее противоречие с логикой и здравым смыслом. Ведь если у «варваров» гораздо лучше оружие, значит, несравненно выше их *технологии* – но ведь в этом случае получается, что отсталые как раз *римляне!* Чего ни коснись, все приходится заимствовать у «варваров»: шлем, меч, доспехи... Что мы будем думать, когда прочитаем следующее: «В 1880 г. войска Британской империи вторглись в Африку, где в боях с кочевыми племенами зулусов выявилось превосходство африканцев в пулеметном вооружении. Только после того, как английские оружейники переняли у зулусов опыт конструирования пулеметов, они смогли реформировать свою армию»?

Да попросту плюнем и воскликнем: «Чушь собачья!» И будем правы. Но в том, что касается Римской империи, именно такой бред преспокойно прокатывает: «дикие варвары» отчего-то располагают гораздо более передовыми технологиями, нежели светоч цивилизации Рим... но при этом остаются дикарями, обитающими чуть ли не на деревьях.

Вернемся к Цезарю. К тому месту, где Гай Юлий описывает военный флот очередного галльского «племени» венетов. Выясняется, что «варвары» и в области кораблестроения оставили римлян далеко позади. Корабли у них – *морские*: «носы, а равно и кормы были целиком сделаны из дуба, чтобы выносить какие угодно удары волн и повреждения; ребра корабля были снизу связаны балками в фут толщиной и скреплены гвоздями в палец толщиной; якоря укреплялись не канатами, но железными цепями; вместо парусов на кораблях была грубая или же тонкая дубленая кожа, может быть, по недостатку льна и неумению употреблять его в дело, а еще вероятнее потому, что полотняные паруса представлялись недостаточными для того, чтобы выдерживать сильные бури и порывистые ветры Океана и управлять такими тяжелыми кораблями».

На чем же плавали римляне? На *гребных* судах типа галер, державшихся у самого берега. Победили они исключительно за счет того, что сошлись в абордажной схватке на

мелководье. О чем свидетельствует сам Цезарь: «Когда наш флот сталкивался с этими судами, то он брал верх единственно быстротой хода и работой гребцов, а во всем остальном галльские корабли удобнее приспособлены к местным условиям и к борьбе с бурями... наши суда не могли им вредить своими носами (до такой степени они были прочными), вследствие их высоты нелегко было их обстреливать, по той же причине не очень удобно было захватывать их баграми. Сверх того, когда начинал свирепеть ветер и они все-таки пускались в море, им было легче переносить бурю и безопаснее держаться на мели, а когда их захватывал отлив, им нечего было бояться скал и рифов. Наоборот, все подобные неожиданности были очень опасны для наших судов».

Стоит ли удивляться такой детали: когда примерно двести двадцать кораблей венецов приблизились к римскому флоту, римляне, как признается Цезарь, просто-напросто не могли решить, что им делать и какой тактики держаться. И победили исключительно благодаря тому, что решились ринуться на абордаж, стали длинными лезвиями на шестах резать галльский такелаж... В таких условиях побеждает уже не тот, чьи технологии выше. Что было блестяще продемонстрировано гораздо позже, во время войн Петра I со шведами. У шведов были великолепные корабли – многомачтовые, многопушечные океанские суда... но русские буквально облепляли их массой гребных суденышек, и начиналась вульгарная рубка. В *этих* условиях шведам не было никакой выгоды ни от могучих пушек, ни от многоярусных парусов – и то и другое попросту нельзя было использовать, так что победа оставалась за лихими тамбовскими или курскими усачами с тесаками в зубах, нисколько не сведущими в навигации, парусных маневрах и прочих европейских заморочках...

Читаем Цезаря: «Когда реи, как мы указали, бывали сбиты, то по два и по три наших корабля окружали один неприятельский, и солдаты, напрягая все силы, старались перейти на неприятельские корабли. Когда, таким образом, было взято с бою несколько кораблей и варвары заметили, что против этого все средства бессильны, они поспешили спастись бегством. Но... вдруг наступило на море такое безветрие и такая тишина, что они не могли сдвинуться с места. Эта случайность особенно содействовала окончанию всего предприятия...»

В общем, римляне победили никак не благодаря превосходству в технике, скорее уж оттого, что пустили в ход крайне примитивные приемы, какими пользовались еще охотники на мамонтов...

Что еще интересного рассказал о галлах Цезарь? У них, оказывается, широко развиты письменность и образование, существует даже целое сословие друидов, которые выполняют функции не только жрецов, но и учителей, и библиотечарей. Только некие священные стихи запрещено излагать на бумаге, их следует непременно учить наизусть, «между тем как почти во всех других случаях, именно в общественных и частных записях, они пользуются *греческим* (! -А. Б.) алфавитом».

У галлов не только алфавит, но и боги – греческие: Аполлон, Марс, Юпитер и Минерва. Галлы им приносят человеческие жертвы – но и греки с римлянами в отношении тех же богов грешили тем же самым...

Кстати, ни единой «общественной или частной» записи галлов до нашего времени не дошло – тут постарался опять-таки Цезарь, старательно уничтожая все библиотеки «варваров», до каких мог дотянуться. Последующим римским историкам на фоне совершеннейшего отсутствия каких бы то ни было галльских архивов еще легче было развивать теории о «диких варварах», в звериных шкурах прыгавших по веткам... Хорошо еще, что сам Цезарь прилежно зафиксировал все, что знал и видел, – а потому мы сейчас со всей уверенностью можем говорить: так называемые «варвары» как минимум *не уступали* римлянам в развитии общества и технологиях. Сплошь и рядом даже превосходили. Но на страницах учебников по-прежнему горделиво возвышается светочем цивилизации «Древний Рим» – в окружении лесных дикарей.

Между прочим, то, что свои нападения германцы и кельты устраивали сплошь и рядом в лесах, еще нисколько не свидетельствует об их *дикости*. Они выбирали удобное место

для атаки, только и всего. Во время Второй мировой войны во многих странах – СССР, Польше, Франции, Греции, Норвегии, Италии – партизаны нападали на немецкие войска как раз в лесах и горах. Но разве это означает автоматически, что данные партизаны были представителями «диких», «варварских» народов, безнадежно отставших по уровню развития от Германии? Ничего подобного...

На Балканах во времена Римской империи – та же самая картина. «Древние даки», воевавшие с императорскими легионами на Дунае, якобы были такими же варварами, как кельты-галлы и германцы – обитали в «городищах», где жили, конечно же, «племенами». Вот только при этом каким-то удивительным образом их военные технологии... опять-таки *превосходили* римские!

Описание дакийского шлема больше приличествует Средневековью: «... гребень на конце скошен под углом или закруглен, украшен накладками в виде овалов и перекрестий. Широкая металлическая полоса, скрепляющая основание шлема, имеет растительное оформление, напоминающее венки из цветов или листьев. Некоторые разновидности данного типа оснащались бармицами, сделанными из треугольных или ромбовидных чешуек, нащечниками трапециевидной формы. Один из экземпляров... с коротким гребнем, сетчатой бармицей и скошенными узкими нащечниками без треугольного выреза в центре, богато украшенный на верхушке изображениями скрученных лоз винограда...»

Если вы всерьез верите, что такой шлем мог быть изготовлен на коленке, возле примитивного очага «варвара» в убогом «городище», мне вас, простите, жаль...

Далее сообщается, что дакийский меч «махайра», или «фальката», *превосходил* римский – им можно было наносить не только рубящий удар, как римским гладиусом, но еще и колющий.

Как выглядели доспехи сарматов – «племени», союзного дакам? «*Броней* были покрыты как всадник, так и его конь». Для справки: за все время своей истории римляне так и не запустили в производство защитные доспехи для лошадей.

И буквально в следующем абзаце автор книги, откуда взяты все эти данные, пишет таковы словеса: «Таким образом, армия Децебала (дакийского царя. -А. Б.) по уровню своей организации еще не преодолела рамки племенного ополчения, а в области вооружения значительно проигрывала римским легионам».

Вот тут уже погружаешься в горестное недоумение. Почтенный автор только что *сам* описал дакийские мечи, превосходящие римские. Тяжеловооруженных всадников и их коней в броне – чему нет аналогов в римской армии. Дакийский шлем, по трудоемкости изготовления, сложности и красоте превосходящий римский. И вдруг оказывается, что в «области вооружения даки проигрывали римским легионам».

Ну что поделаться, чтобы удержаться в рамках традиционной истории, волей-неволей приходится *крутить* и не такие акробатические кульбиты...

А кстати, в той же книге так описаны дакийские вожди, изображенные на знаменитой колонне Траяна: «... со щитами, имеющими геометрические украшения в виде ромбов, знаков зодиака, особенно луны и звезд».

Господа мои, это – точное описание щитов раннего *Средневековья*, когда в большом ходу были как раз геометрические фигуры, полумесяцы и звезды. Всевозможные звери, птицы, драконы и прочие сложные эмблемы появились парой столетий позже...

Кстати, «древние германцы», законченные «варвары», в описании «античных» книжников опять-таки подозрительно напоминают средневековых рыцарей: с гербами на щитах, с геральдическими украшениями на шлемах (впрочем, об этом уже изрядно написано до меня, и развивать данную тему я не буду, отправлю читателя к блестящим книгам проекта «Хронотрон», против которых ни одна мудрая голова еще не выдвинула ни одного внятного возражения. Натужные насмешки и вялые ругательства, понятное дело, не в счет).

Вернемся к книге Юлия Цезаря. В описании и Галльской, и Африканской кампаний опять-таки встречаются весьма подозрительные места, заставляющие думать, что мы все же имеем дело не с «античностью», а с самым что ни на есть натуральным Средневековьем...

Очаровательная фраза попалась мне у Цезаря, по обычаям того времени пишущего о себе в третьем лице: «По обоим его (холма. – А. Б.) бокам Цезарь провел поперечные рвы около четырехсот шагов в длину, на концах этих рвов заложил редуты и снабдил их тяжелыми *орудиями*, чтобы после построения войска в боевой порядок превосходящие его численностью враги не могли во время сражения зайти его солдатам во фланги».

Каково?! Только не нужно мне тут талдычить в который раз, что под «тяжелыми орудиями» имелись в виду катапульты и прочая пуляющая камнем античная машинерия. Все катапульты, баллисты и прочие приспособления, сколько их ни есть, пуляют ли они камнями или стрелами, категорически *бесполезны* против живой силы противника. Даже те их разновидности, что не выдуманы, а реально существовали, пригодны исключительно при осаде крепостей. Потому что любая тяжеленная камнеметалка, которую невозможно *наводить* по бегущей цели, не способна сыграть ни малейшей роли в отражении противника. Ну как она может помешать зайти во фланг? Пустит один-единственный булыжник, который к тому же прекрасно виден на всем протяжении полета, так что увернуться от него невелик труд – а потом «орудийная прислуга» будет моментально истыкана стрелами или попросту сметена бегущей толпой... Фраза Цезаря имеет смысл при одном-единственном условии: если под «тяжелыми орудиями» подразумеваются исключительно пушки. Обезопасить фланги с помощью пушек – как раз вполне реально...

На всем протяжении «древнеримских» войн встречаются упоминания о каких-то загадочных «снарядах», которыми «осыпают» противника – причем сплошь и рядом «снаряды» упоминаются отдельно, а копья, стрелы и камни для пращи – отдельно. Вновь можно заподозрить, что речь идет о ружейных пулях, которые в результате рукоблудия «благонадежных» комментаторов именно так стали поименованы.

А впрочем... Очередная цитата из Цезаря: «... распорядился, чтобы было сделано как можно более стрел и копий, чтобы *лились пули* и изготовлялся палисад...»

Зачем Цезарю пули, если у него нет огнестрельного оружия? «Традиционалисты», конечно же, нашли ответ, акробаты этакие: мол, этими свинцовыми пулями из пращей пуляли...

Это примерно то же самое, как если бы сегодня армейские патроны снаряжали золотыми пулями. Металл в древности ценился крайне высоко, и вряд ли Цезарь был настолько расточителен, чтобы центнерами переводить свинец для пращников – которым достаточно было с полчаса погулять по окрестностям, чтобы собрать достаточно камней: и дешево и сердито. Кстати, у Цезаря опять-таки «камни для пращи» упоминаются отдельно от «пуль».

И наконец... Описание осады галлами римского лагеря: «На седьмой день осады поднялась сильная буря, и враги, пользуясь этим, стали метать из пращей раскаленные глиняные пули, а также дротики с огнем на острие в бараки, которые, по галльскому обычаю, имели соломенную крышу. Они быстро загорелись, и силой ветра огонь распространился по всему лагерю».

Дротики с огнем на острие никаких возражений не вызывают, но вот раскаленные глиняные пули, выпущенные из *пращи*, ни в какие ворота не лезут. Напоминаю: праща – это крайне простое метательное орудие. Состоит она из матерчатой или кожаной полоски, к которой с обеих сторон присобачено по веревочке. В полоску закладывается камень, и пращу, держа за оба конца веревки, крутят над головой. Потом один конец отпускают, и камень, под действием центробежной силы набрав хорошее ускорение, летит во врага. При столкновении с незащищенной головой последствия – самые печальные.

Так вот, глиняный шар, раскаленный до такой степени, что он способен поджечь соломенную крышу, непременно прожжет к чертовой матери основу пращи, неважно, матерчатую или кожаную... Не верящие могут поставить эксперимент и сами убедиться. А вот поджигать соломенные крыши раскаленными ядрами из *пушек* – прием издавна известный и очень эффективный. Может применяться в комбинации с горящими стрелами и дротиками...

Так *когда* происходили войны Цезаря с «варварами», позволите поинтересоваться? Не в Средневековье ли?

«Солдаты вспомогательных отрядов... подавали камни и снаряды».

«Цезарь перевел по мосту всю конницу и легковооруженных нумидийцев, пращников и стрелков...»

«...Остальных, которые делали отчаянные попытки пройти по трупам павших, они отразили градом снарядов...»

«Наши всадники перешли вместе со стрелками и пращниками через реку...»

Вот, кстати: «Проконсул Аллиэн... посадил в Лилибее на грузовые корабли... тысячу пращников и стрелков».

Предположим, что пращников была ровно половина, то есть пятьсот человек – почему бы и нет, не зря же они стоят на первом месте, да и вообще их количество в римской армии было ох каким немаленьким...

Теперь сделаем простейшие расчеты, доступные человеку и со средним образованием. Сколько «зарядов» нужно пращнику для хорошего боя? Античные источники и ученые труды этот вопрос обходят, но, прикидывая с практической точки зрения, получается, что не один и не два – штук двадцать как минимум, а то и поболее. Для надежной убийности «заряд» должен весить граммов двести (на самом деле, возможно, и больше). Так и быть, великодушно возьмем по минимуму, примем за данность, что «боезапас» обычного пращника составляет двадцать пресловутых «свинцовых пуль» весом в двести граммов каждая. То есть – четыре килограмма свинца на... гм, на человека. И это только для одного сражения. Стало быть, для всего отряда потребуется две *тонны* свинца. А сколько всего пращников в римской армии? А сколько боев? И что же, прикажете верить, что «древние» римляне были настолько богаты металлом и расточительны, что любой неумытой пехотной роже выделяли свинец прямо-таки центнерами? Когда вокруг валялась уйма камней, способных щелкнуть по вражеской башке ничуть не хуже кропотливо изготовленного свинцового «заряда»? А ведь нужно было еще иметь в войсках специальные мастерские, кучу людей от дела отрывать, чтобы те ничем другим не занимались, кроме как отливать из свинца метательные снаряды, большая часть которых будет бесповоротно потеряна в бою? (Римские источники, кстати, ни словом не упоминают о существовании «трофейных команд», собиравших после сражения амуницию и прочее, достойное внимания.)

Плохо верится, что «древние» были столь расточительны. Если придерживаться версии, что «свинцовые пули» использовались все же для огнестрельного оружия, многое становится на свои места и уже не выглядит сюрреализмом. Бдительные комментаторы постарались, вычистили «неподобающие» детали, но за мелочами следили плохо, вот и проскочили «свинцовые пули» с «тяжелыми орудиями»...

Вообще, повторяю в который уж раз, для вдумчивого анализа истории так называемого «античного» мира не мешало бы привлечь специалистов совершенно других профессий – инженеров, металлургов, геологов. Чтобы, поверив алгеброй гармонию, с точки зрения своих наук и ремесел прикинули: было ли «древнее» производство настолько развитым и масштабным, чтобы позволить всякому неумытому пращнику пулять во врага пригоршнями драгоценного металла? Были ли «древние» способны заполнять амфитеатры миллионами кубов воды ради красочных гладиаторских сражений, как о том живописно повествуется в иных «достоверных» текстах? Сколько человеко-дней требовалось для изготовления одного-единственного железного панциря и было ли, таким образом, экономически оправдано напяливать его на раба-гладиатора? И так далее, и тому подобное...

Между прочим, в *других* науках достаточно давно применяется метод под названием «междисциплинарное межпредметное исследование». Несмотря на кажущуюся сложность названия, ничего особенно заумного в этом методе нет. Означает это всего лишь то, что один и тот же объект одновременно изучается методами *разных* наук. Вот только применяется этот подход где угодно, кроме истории. При малейшей попытке математиков, инженеров,

астрономов, военных специалистов вторгнуться в компетенцию историков, последние вновь раздражаются теми же заунывными воплями об уникальности своей науки – мол, есть некие доступные лишь посвященным полумистические волшебные методы... ну, вы знаете.

А потому порой возникают пикантные казусы вроде случившегося несколько лет назад. В Центральной Америке была обнаружена очередная древняя пирамида, построенная некогда индейцами и давным-давно залитая лавой при извержении вулкана. Чтобы точно определить, сколько же времени умещается в понятии «давным-давно», пригласил геологов...

И начался форменный кошмар – с точки зрения вовлеченных в него сторон. Геологи с пеной у рта доказывали, что извержение произошло ни много ни мало семь тысяч лет назад. Историки не менее упрямо толковали, что, по их представлениям, семь тысяч лет назад не то что пирамиды не строили, но и простейшую хижину лепили с трудом. Геологи отвечали: уж не знаем, что там по *вашим* теориям, но что касается *наших* – семь тысяч лет объекту, хоть режьте!

Обе стороны стояли насмерть, и это понятно: тот, кто дрогнул бы и уступил, тем самым автоматически поставил бы под сомнение чересчур уж фундаментальные основы *своей* науки – ну, они ж не самоубийцы...

В конце концов, чтобы и в самом деле не дошло до смертоубийства, пошли по избитому пути: дискуссию потихонечку свернули, притворившись, будто ее и не было... Не поступились принципами. А ведь не может, никак не может оказаться так, чтобы *обе* стороны были правы! Одна из них непременно должна была ошибаться! Вот только так и осталось непонятным, *чьи* же фундаментальные основы следует взять под сомнение. К геологии, между прочим, тоже накопились некоторые претензии по части научной точности – но это тема следующей книги...

Что до исторической науки, то есть тут и обратная сторона медали. С тем же упрямством и нешуточным запалом, с каким наши историки загоняют «варваров» в «городища», они поступают и наоборот – из ничего, на пустом месте создают миражи «великих империй» и «развитых цивилизаций».

В первую очередь это касается, конечно же, мифа о «невероятно древней» китайской цивилизации, которая якобы уже в незапамятные времена выдумала решительно все, до чего только способен доискаться пытливый человеческий ум: и компас изобрела за сотни лет до европейцев, и книги стала печатать за тысячу лет до Гуттенберга, и порох придумала первой, и ракеты...

Пожалуй что кульминацией этой растянувшейся на пару сотен лет басни стала недавно вышедшая книга некоего Гевина Мензиса с завлекательным названием: «1421. Год, когда Китай открыл мир». Согласно изысканиям мистера Мензиса, в означенном году искусники китайцы отправили в кругосветное плавание могучие флотилии, которые (держитесь за стулья!) обогнули по периметру Австралию, обе Америки и даже Гренландию, да вдобавок прошли Северным морским путем из Исландии в Японию... Одним словом, изучили чуть ли не весь земной шар задолго до отсталых европейцев.

С доказательствами, правда, у Мензиса откровенно слабовато. Вот характерный пример. В Калифорнии, на берегу залива Сакраменто, якобы обнаружили остатки средневековой китайской джонки (суденышко такое). Естественно, наш герой тут же объявил ее одним из кораблей того самого великого флота, за пару лет совершившего несколько «кругосветок». Аргументы? Видите ли, в трюме был обнаружен странный доспех, броня из цельнокованой пластины, изготовленная из «серебристо-серого металла» (какого именно, благоразумно не уточняется, как не объясняется, почему же загадочный металл не проржавел насквозь чуть ли не за шестьсот лет, а сохранил благородный серебристо-серый цвет). Броню показали некоему «местному знатоку оружия» (о котором более точных данных не сообщается), и тот чуть ли не с первого взгляда определил: о'кей, ребята, это средневековый китайский доспех!

К слову, «эксперт» этот проживал не в крупном городе, а в близлежащем от

Сакраменто *поселке*. Вскорости он умер, а загадочная броня, которую отчего-то передали не в серьезное научное учреждение, а в обычную школу того же поселка, куда-то напрочь запропастилась. С доказательствами, и без того сомнительными, резко поплохело.

Энтузиасты в лице некоего доктора Ферри из Музея естественной истории (ну, как-никак все же не поселковая школа!) взялись за работу. Доктор откопал на том месте некие семена и мумифицированного жука – каковую добычу послал в Китай, поскольку был убежден, что семена определенно китайские.

К сожалению, ответа из Китая так и не последовало – вот интересно, с чего бы это вдруг китайцы не ухватились за столь явную возможность доказать славные мореходные подвиги своих предков? Словом, получился пшик. И тем не менее энтузиасты «не сомневаются», что где-то в песке покоится средневековая китайская джонка. Почему? А по кочану...

Все остальные «аргументы» Мензиса – на том же уровне. Очередная разбитая джонка отыскалась опять же где-то в Калифорнии, и в ее трюме обнаружилось семя опиумного мака. Тут же объявился м-р Мензис, заявивший: дело ясное, китайцы еще в Средневековье торговали наркотиками! Такой мак растет только в Юго-Восточном Китае!

Увы, у Мензиса определенно плохо со знанием истории – иначе знал бы, что посевы опийного мака появились в Китае только в *девятнадцатом* столетии трудами не самих китайцев, но англичан. А следовательно, и потерпевшая крушение джонка явно относится к тем же временам – когда в Калифорнии вспыхнула «золотая лихорадка», и туда устремились, в числе прочих, и китайцы, которым соплеменники подбрасывали опиум...

Но главное! «Великие кругосветные мореплаватели», трудолюбиво исследуя все континенты, вплоть до укрытой льдами Антарктиды, отчего-то были настолько неуклюжи, что ухитрились *вообще* не показаться в Европе. А потому, как нетрудно догадаться, в европейских архивах не сыскалось ни единой строчки о странных раскосых мореплавателях на диковинных кораблях. Ни единой. Мензис с унылым видом твердит что-то о всеевропейском заговоре, в результате которого все без исключения архивы Европы были вычищены – ну а что еще ему остается твердить? Когда что-то не складывается, ясен пень, следует искать глобальный заговор. (Кстати, уже и работы Фоменко объявили частью глобального заговора жидомасонов, направленного на унижение русской истории путем ее зловердного «ужимания». Не верите? А я, между прочим, серьезно. Есть такой дважды академик Бегунов, рекомендую его, «антифоменки», удовольствие гарантирую редкостное...)

Вообще-то Мензис нисколько не виноват. Он не самостоятельно повредился малость в логическом мышлении, а просто-напросто, надо полагать, начитался тех самых «правильных» ученых трудов, повествующих о немыслимой древности Китая и его первенстве во всем на свете. Сон разума, как говорится, рождает чудовищ. Тем и плоха современная историческая наука, что она, помимо прочего, плодит таких вот Мензисов – хотя ужасно оскорбится, если намекнуть на ее прямую вину...

А что там с Китаем *в реальности!*

А снова – курьез на курьезе, господа мои!

Некоторые меня ругают за то, что я в новые книги вставляю кое-какие фрагменты из старых, но, право же, порой бывает так трудно удержаться, коли речь идет о той же теме, а факты чересчур уж *смачны*...

И потому, рискуя рассердить иных, я вновь напомню о толстенном учебнике для вузов «История Китая» – составлен целым коллективом, представленным как «известные историки-китаеведы, преподаватели кафедры истории Китая ИСАА при МГУ».

Слеза от прочтения прошибает... И что же пишут ученые кафедральщики для нас, невежд?

Начато во здравие: «В настоящее время российское китаеведение – одна из наиболее плодотворно работающих отраслей российского востоковедения. Это в полной мере относится и к историкам-китаеведам, за последние годы опубликовавшим книги и статьи

почти по всем периодам *долгой и непрерывной* (курсив мой. -А. Б.) китайской истории».

А вот *следующая* фраза, пожалуй что – как раз за упокой: «Однако явно не хватает работ обобщающего характера, которые могли бы претендовать на изложение всей истории нашего великого соседа».

Что за странности? Как ни бьются, а «обобщающих работ» *нету* (именно так и следует переводить уклончиво-обтекаемую формулировку). А почему? Ведь Китай, как пишут те же авторы, страна «непрерывной культурной традиции, в том числе и традиции историописания».

Ребята, за чем же дело стало? Обложитесь ворохами «непрерывных летописей» – и вперед, к Нобелевке!

Да нет, не складывается маленько. Уже на *следующей* странице те же дамы и господа объясняют, что все обстоит далеко не так благостно, как они *только что* уверяли, и, строго говоря, никакого такого «непрерывного историописания» нет вовсе...

Цитирую обширно: «Обычно каждая новая династия после своего утверждения на престоле создавала комиссию профессиональных историков, в задачу которых входило написание истории предшествующей династии. Всего таких историй традиционно насчитывается 24. Они составлялись высококвалифицированными специалистами, стремившимися достаточно объективно изложить исторические события предшествующей династии и подвести читателя к выводам, которые должны были подтвердить легитимность правящей династии. Естественно (!!! -А. Б.), что доказательство легитимности новой династии подчас требовало новой интерпретации событий далекого прошлого (или – не особенно далекого, а? -А. Б.). В этом случае члены этих комиссий (они все-таки были не просто историками, а чиновниками по ведомству истории!) препарировали в нужном духе исторический материал...»

Быть может, теперь кто-нибудь понимает, отчего я, грешный, выражаюсь о наших историках сплошь и рядом абсолютно некошерно?

Двадцать четыре раза китайскую историю переписывали напрочь (при этом проводя операции в масштабах всей страны по изъятию у населения «неправильных» книг). И после этого можно говорить о какой-то исторической точности и правдоподобии?!

Вот как проходила одна такая акция в 1722 году: «Маньчжурские правители образовали особый комитет для составления истории предыдущей династии Мин...»

Которую, между прочим, как бы это выразиться культурнее, немножечко свергли. А потому идиотством выглядит уверение авторов цитируемого учебника: «Однако это «переписывание» истории происходило при строгом соблюдении конфуцианской этики и дидактики...»

Хорошие мои, ну нельзя так уж откровенно дурить мозги! Новые маньчжурские правители, только что согнавшие с престола предшествующую династию, будут составлять ее *хвалебную* историю? Наоборот, высочайше повелят навесить всех собак. И где-то поблизости уже маячат хмурые палачи... Какая тут, хвостом вас по голове, конфуцианская этика?!

Но пойдем дальше: «Оппозиция не смогла смириться с такой трактовкой истории павшей династии, поэтому появились «частные» истории Минской династии... Правители ответили казнями, заключениями в тюрьму, ссылками... Неудобные правительству книги изымались. Между 1774 и 1782 годами изъятия проводились 34 раза. С 1772 г. был предпринят сбор всех печатных книг, когда-либо вышедших в Китае. Сбор продолжался 20 лет, для разбора и обработки собранного материала были привлечены 360 человек (специалисты по этике, ага! -А. Б.). Через несколько лет 3457 названий были выпущены в новом издании, а остальные 6766 были описаны в каталоге. По сути дела, это была грандиозная операция по изъятию книг и не менее грандиозная операция по фальсификации (видит Бог, не я это слово произнес! -А. Б.) текстов. В вышедших новых изданиях были изъяты все нежелательные места, менялись даже названия книг».

Если кто-то решит, что я цитировал Морозова или Фоменко, пусть ему будет стыдно.

Эти абзацы взяты из десяти томной «Всемирной истории», подготовленной Академией наук СССР...

Итак? Даже если бы с китайской историей *один* раз проделали вышеописанную операцию, веры ей не было бы ни на грош. А мы ведь только что узнали из солидного (полкило весит!) учебника для вузов, что такие фокусы на протяжении китайской истории имели место двадцать четыре раза. Ну какая тут, к лешему, достоверность?!

В одном я с авторами учебника согласен: что все эти извращения над историей вытворяли *специалисты*. Косоруким такое дело ни за что не доверят. У нас тоже в свое время над иными историческими фотографиями работали не абы кто, а специалисты своего дела. На одной фотографии рядом с товарищем Сталиным шагал, мило улыбаясь, «железный нарком» Ежов. А на другой, появившейся в печати уже после того, как железного наркома малость покритиковали из двух наганов сразу, рядом с Иосифом Виссарионовичем – одни гранитные перила, да водная гладь, да благорастворение атмосферы. Причем столь убедительное благорастворение, что в три лупы разглядывай – а все равно не определишь, что допрежь того на месте безмятежной атмосферы был товарищ Ежов в шинельке, при улыбочке. Вот так и с китайцами обстояло... Только при чем тут историческая достоверность?

Вообще, *самые* древние китайские рукописи относятся максимум к *шестнадцатому* столетию. То, что иные авторы утверждают, будто при этом держали под рукой древнейшие оригиналы, дела не меняет – кто эти оригиналы видел? В точности как с «Велесовой книгой» – апологеты ее, звучно бия себя в грудь, на голубом глазу уверяют, что писана она не иначе как за миллион лет до нашей эры, вот только подлинник куда-то запропастился. И со «Словом о полку Игореве» обстоит точно так же, и с ворохом иных «бесценных памятников»...

Вообще с «древними китайскими достижениями» следует обращаться осторожно – тщательнее надо, ребята, как учит Михал Михалыч Жванецкий. Поскольку казусов хватало. Вот один, достаточно известный. Лет восемьдесят назад тогдашние Мензисы решили преподнести миру очередную сенсацию: объявили, что логарифмы изобрел не шотландский математик Джон Непер, впервые в европейской истории издавший таблицу логарифмов в 1614 году, а именно что древние, очень древние китайцы. В доказательство была предъявлена древняя, очень древняя китайская рукопись – одни логарифмы...

Вот только когда над «древней» рукописью поработали профессионалы, случился конфуз: математики быстро определили, что перед ними нечто целиком списанное как раз с книги Непера. И доказательства железные: в «древней» рукописи обнаружилось все до единой опечатки, присутствовавшие в книге Непера.

А вот наемни... Попалась мне в книжном магазине книга с названием «История Китая». Полагая, что столкнулся с очередным «баснословием», я лениво ее перелистнул... и вскоре помчался к кассе. Поразительно, но оказалось вдруг, что касаемо «древней» истории Китая в наши дни есть и *другие* мнения.

Автор – профессор Австралийского государственного университета Ч. П. Фицджеральд. К «новым хронологам» не имеет ни малейшего отношения (полное впечатление, вообще о них не слыхивал), так что по убеждениям – стойкий «традиционалист». Одним словом, в связях, порочащих его, не замечен...

Вот только взгляды уважаемого профессора – самые что ни на есть еретические! Р-ревизионистские. Не хуже, чем у Фоменко...

Одним махом (так и подмывает сказать «одним движением скальпеля») австралиец укорачивает историю Китая с баснословной до реальной ровно *вдвое*. С четырех тысяч лет до двух.

Логично рассуждая, отсюда вытекает, что в недалеком будущем (о чем пишет сам Фицджеральд), вполне возможно, «баснословие» можно будет укоротить еще на энное количество столетий...

Факт отраднейший: «настоящий» ученый, прочно стоящий на позициях

«традиционной» истории-хронологии, совершает прямо-таки еретические, с точки зрения многих отечественных умов, действия. Более того, из книги Фицджеральда недвусмысленно следует, что он вовсе не одиночка-отщепенец, и близкие к его точке зрения взгляды в западной историографии получили распространение. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!

Цитирую: «На Западе широко распространено еще одно заблуждение, а именно: китайская цивилизация очень древняя, уходящая корнями в далекое прошлое. На самом же деле она гораздо моложе, например, критской цивилизации. Цивилизация Ближнего Востока тоже намного старше китайской».

Далее – еще интереснее. «Сами китайцы в немалой степени способствовали распространению этого заблуждения. Считалось абсолютно нормальным записывать в официальные летописи выдуманные события, которые якобы на самом деле имели место быть, причем за тысячу лет до начала реальной истории Китая. Эта древняя традиция была, без сомнения, принята на веру первыми синологами, которые, конечно, не имели возможности подтвердить реальность исторических событий археологическими находками».

Оказывается, такова уж была китайская традиция. «Китайцы писали свою историю с вполне определенной целью – нравственной, которая состояла в том, чтобы предостеречь современников от ошибок, приводя печальные примеры прошлых пороков и заблуждений, и вдохновить их на добрые дела примерами добродетели и мудрости. Фактические события нельзя было фальсифицировать: если действия бывших правителей были плохими, они должны были служить примером порока и ошибок. Там, где исторические записи не могли преподать такой урок, следовало заменять их традицией. Легенды прошлого должны были принять вид, подходящий для того, чтобы служить нравственным уроком».

Как видим, китайцы сочиняли «невообразимо древнюю» историю своей страны, в общем, не ради того, чтобы получить какие-то выгоды – это просто-напросто служило нравованию и воспитанию. Другое дело, что появившиеся в Китае европейские исследователи, не уловившие этих немаловажных нюансов, не стали отделять «длинные» вымыслы от «коротких» реалий и, не мудрствуя лукаво, удлиннили историю Китая вдвое, а то и больше, исключительно на основе *веры* – ежели написано на бумаге, значит, так оно и было...

А потому Фицджеральд безжалостно сокращает «баснословие». Изобретение книгопечатания с помощью отдельных иероглифов он, например, относит не к «седой древности», а к 1045 году от Р. Х., что выглядит гораздо более реальным.

«Стекло не было изобретением китайцев; его делали на Ближнем Востоке задолго до того, как начали ввозить в Китай... Когда китайцы познакомились со стеклом, они начали экспериментировать с новым веществом и изобрели технологию производства стекла, отличную от той, которая использовалась на Западе».

«Долго считалось, что именно китайцы придумали очки, но, скорее всего, они были изобретены на Ближнем Востоке или в Европе. Нет сведений, что очки использовались в Китае, до конца XIV века, когда начались активные контакты с Персией и арабскими странами».

Приоритет китайцев в изобретении компаса Фицджеральд не отрицает, но считает, что его практическое использование началось в X–XI веках *после* Рождества Христова, а до того магнитная стрелка была тщательно скрываемой тайной немногочисленных ученых, имевших больше сходства со жрецами-магами...

Жуткие «боевые ракеты» китайцев, якобы еще лет восемьсот назад выжигавшие все живое на полсотни метров в окружности, Фицджеральд опять-таки сводит к более реалистичным приспособлениям. По его мнению, максимум, на что была способна китайская оружейная мысль – это *нетарды*, которыми пытались испугать лошадей противника. И не более того...

О морских экспедициях XV века Фицджеральд упоминает – но, разумеется, не повторяет побасенок об открытии китайцами Антарктиды, Америки и Австралии. Все

проще: китайцы плавали на гораздо более близкие расстояния – к Малайзии, Яве, Суматре, Цейлону и Филиппинам, в Бирму и на восточное индийское побережье. Максимум, куда они добрались – в Персидский залив и на Занзибар... А потом широко распространилось японское морское пиратство, в названных акваториях появились португальцы и голландцы. И те, и другие, и третьи активнейшим образом нападали на китайские джонки, так что китайское мореплавание поневоле сошло на нет...

Правда, системы речных *шлюзов*, по Фицджеральду, были изобретены в Китае на несколько столетий раньше, чем в Европе, – в XI в. после Р. Х. Но причиной тому не особая «гениальность» китайцев, а насквозь практические поводы: в Китае нужно было вести широкомасштабные работы по осушению обширных болот, а в Европе такой проблемы не имелось... Точно так же обстояло дело и с бурением артезианских скважин: китайцам пришлось развивать это ремесло из-за того, что их соляные залежи залегали глубоко под землей и требовали особых технологий глубокого бурения – ну а европейцы испокон веков работали по другой технологии, добывая каменную соль шахтным методом...

Одним словом, выход на русском языке книги Фицджеральда – явление отраднейшее. Приятно нежданно-негаданно получить поддержку с самой неожиданной стороны, из лагеря «традиционалистов». И завершить тут можно словами Фицджеральда: «С течением времени, когда политические страсти улягутся, придет более полное и всеобъемлющее понимание китайской истории. Разные точки зрения на ее периодизацию будут пересмотрены учеными будущего, которые будут более заинтересованы в фактах, доподлинно установленных в результате неустанного труда ученых сегодняшних».

Правда, есть сильное подозрение, что *отечественные* твердолобые, хоть им кол на голове теши, так и останутся при своей точке зрения. Не зря же наша наука вот уже полторы сотни лет (!) с маниакальным упорством держится за мифический «подвиг Ивана Сусанина» и немалую пригоршню других столь же баснословных «свершений»...

Взять хотя бы ситуацию с «государством Урарту», о котором многие из читателей, я уверен, слыхивали что-то в школе. Якобы таковое существовало в IX–VI вв. до Р. Х. на территории нынешней Армении, но тогдашние предки армян не имели к нему никакого отношения.

Еще в конце 50-х годов прошлого века появились достаточно убедительные гипотезы, говорившие о том, что никакого такого «Урарту» никогда не существовало. Просто-напросто, обнаружив на территории Армении древнюю клинопись, *напоминавшую* ассирийскую, ученые прочитали ее по-ассирийски же. Это примерно то же самое, как если бы польский текст переводили по правилам грамматики и фонетики английского – буквы в основном те же, но язык-то другой! Вот и было изобретено химерическое «Урарту».

А меж тем ученому миру прекрасно была известна «История Армении» Мовсеса Хоренаци, где он, в частности, пишет, что там, где историки впопыхах поместили мифическое «Урарту», преспокойно существовало *армянское* царство династии Гайказуни. Да и тогдашние соседи царей Гайказуни никакого такого «Урарту» не знали.

Тем не менее ученые мужи поступили как шкодливые мальчишки: те места из Мовсеса Хоренаци, которые не противоречили их собственным построениям, признали достоверными, те, что их теориям откровенно противоречили, объявили «неточностями» и «вымыслами». Это любимый прием историков в обращении с источниками, кстати говоря – как только древний автор упомянет что-то пришедшее не по нраву современным *жрецам*, он моментально становится «заблуждавшимся» и «ошибавшимся».

А потому в той же Армении наблюдается немало курьезов, скажем мягко. Когда сорок лет назад озеро Севан ощутило обмелело из-за построенных поблизости ГЭС, на обнажившейся суше археологи обнаружили внушительные остатки древних сооружений. Пикантность же в том, что геологи, так называемая «школа Милановского», много лет до того утверждали, что эти места стали дном озера полтора миллиона лет назад... Геологические теории пересматривать никто не стал (а следовало бы!), но археологи извлекли с того места, которое якобы полтора миллиона лет было дном озера, массу

обиходных предметов, золотые и серебряные украшения, даже колесницы...

К слову, есть веские доказательства того, что вовсе не генуэзцы, а армяне возвели в средневековом Крыму крепости и церкви. Поскольку крепость в Судаке (X–XI вв. от Р. Х.) как две капли воды напоминает армянские цитадели в Ани и Ване, а храмы в том же Судаке построены не по европейским канонам, а в стиле типично армянской архитектуры и украшены типично армянскими фресками Христа и Богородицы. Тем не менее все это упрямо приписывается генуэзцам. Противоположной точки зрения придерживался академик Н. Я. Марр, но он в свое время стал «политическим пугалом» и был прямо-таки вычеркнут из истории науки, а потому и упоминать о его работах стало как бы *неуместно*...

Но спустимся наконец с армянских гор в степи. Пока что – не азиатские, а причерноморские...

Глава третья. Хозяева золотых курганов

История событий, происходивших пару тысяч лет назад в Северном Причерноморье и на тех землях, что впоследствии станут называться Южной Русью, как и истории обитавших там народов, по версии официальной истории, выглядят донельзя баснословно.

Обрисовать это можно примерно следующим образом:

Киммерийцы – 1000-700 гг. до Р. Х.
Скифы – 700–200 гг. до Р. Х.
Сарматы – 200 гг. до Р. Х. – 200 гг. после Р. Х.
Готы – 200–370 гг. после Р. Х.
Гунны – 370–454 гг.
Авары – 558–650 гг.
Хазары – VI в. по Р. Х.
Волжские булгары – 650–737 гг.
Печенеги, торки, берендеи – IX–XI вв.
Половцы (куманы) – XI–XII вв.
Монголо-татары – XIII в.
Калмыки – XVIII в.

Обратите внимание, с какой точностью – до года! – датируется нашей официальной историей появление в Южной Руси гуннов и аваров. При том, что ни они сами, ни их соседи не оставили документов с точными датами и штампами о прописке-выписке...

Но и это еще не все. Обстоятельства появления и исчезновения всех вышеперечисленных народов (кроме более поздних «татаро-монголов» и совсем уже поздних калмыков) изображаются стандартно: некие ужасно могучие соседи начинали «теснить» бедолаг киммерийцев из Азии на запад. Те беспомощно бежали, обосновывались в Причерноморье и южнорусских степях, причем, что характерно, были до того сильны и могучи, что без особого труда «выкраивали» себе земли и устраивались на них, пару-тройку столетий угнетая всех «местных». Становились гегемонами, так сказать. Потом с востока накатывалась очередная орда иноплеменников – с одной стороны, безбожно слабых, вытесняемых «сильными соседями», с другой – чертовски могучих, поскольку без особого труда разбивали в хвост и в гриву пригревшихся в благодатных краях предшественников. После чего предшественники непонятным образом «исчезали».

И вот так якобы повторялось *всякий* раз. Этакая карусель, где носятся по кругу одни и те же коняшки, слоны и прочее деревянное зверье. Были вытеснены сильными соседями – обосновались на новом месте, покорив аборигенов, – подверглись нападению очередных «вытесненных» – исчезли. Каждый раз «исчезают» очередные невезучие странники совершенно мистическим образом: вот только что на немаленьком пространстве обитал многочисленный народ со скотом и кузницами, с царями и знатью, с чадами и домочадцами – и вдруг взял да «исчез». Причем слово это историки пишут, не краснея, с таким видом,

словно это само по себе объяснение. Где скифы? А они исчезли. Как? Каким образом? Вам же русским языком академик объясняет: и-с-ч-е-з-л-и!

Впрочем, иногда (надо полагать, в виде особой милости) историки позволяют тому или иному народу «частично смешаться с завоевателями». Но такое благодушие у них проявляется редко. Гораздо чаще звучит категорическое: исчезли!

Воля ваша, но в *жизни* так не бывает. Случалось иногда, что и в самом деле исчезали целые народы – вроде пруссов, под корень истребленных крестоносцами. Но здесь речь идет о целенаправленном геноциде – а в тех старых источниках, что дошли до нашего времени, ни разу не упоминается, чтобы очередные завоеватели ставили себе целью начисто, под корень истребить предшественников. Более того, эти старые источники сплошь и рядом как раз и дают насквозь еретическую картину былых времен, категорически не совпадающую с официальной историей...

Но не будем забегать вперед. Источники мы еще рассмотрим вдумчиво...

Киммерийцы – безусловно, весьма интересные сами по себе, – для нашего повествования как раз неинтересны, поэтому, миновав их, перейдем сразу к скифам.

Естественно, легко догадаться, что это никакой не народ, а группа «племен», как и полагается персонажам второстепенным, не особенно и историческим. Само собой разумеется, в изображении «правоверных» историков скифы – кочевое племя. Это определение звучит с монотонностью шаманского заклинания: кочевники, кочевники, кочевники!

Вот только дальше начинается сюрреализм. Вновь историки, пытаясь совместить несовместимое, объединяют (порой в одной фразе) противоречащие друг другу факты.

«В основном» скифы были, конечно, кочевниками (Т. Райе), но в то же время «их пастушеская жизнь в определенной степени зависела и от земледельческих общин».

Кочевники... и в то же время не кочевники вовсе. Как прикажете расценивать следующую словесную эквилибристику: «И совсем не представляется невероятным то, что по крайней мере к V в. до н. э. какая-то часть каждого племени жила в постоянных или полупостоянных (эт-то еще что за диво?! -А. Б.) поселениях, которые служили базой для кочевой части племени.

Великолепно... Племена, конечно, кочевые, но у *каждого* из них есть «база» в виде оседлой части племени.

Но в таком случае это не совсем и кочевники! Точнее, совсем не кочевники! Иначе пришлось бы записывать в «кочевники», например, российских казаков конца XIX – начала XX вв. Как же, все вышеперечисленные признаки налицо: *часть* казаков и в самом деле словно бы «кочует», по несколько месяцев выпасая табуны в степи или ловя рыбу вдали от постоянного жилья – и в то же время другая, большая часть живет оседло в станицах, сажая пшеничку и занимаясь ремеслами...

Да и современная деревня с этой точки зрения – сплошное «кочевье»: пастух ведь день-деньской *кочует* со стадом, да и земледельцы «кочуют» с поля на поле из центральной усадьбы...

Эквилибристика продолжается. Того, что «по крайней мере часть» скифов была оседлой, отрицать нельзя – ведь сохранилась масса древних текстов, повествующих о том, что именно «кочевники» снабжали греческие города-колонии на побережье Черного моря... хлебом. Цивилизованные греки отчего-то никак не могли сами наладить земледелие, вот и пришлось существовать за счет зерна, закупаемого у «диких» скифов.

Итак, скифы – *землепашцы*...

А еще – *строители*. Поскольку обитали... ну, не в городах, конечно, – в *городищах*. Варварам, как мы помним, полагается иметь не города, а городища.

Вот Каменское «городище» – на левом берегу Днепра, прямо напротив греческого *города* Никополь. Площадь скифского «городища» – пять квадратных километров, – опять-таки всего вдвое меньше Парижа образца 1648 года. Дома построены либо из дерева, либо из глины и по площади мало напоминают «хижины» – это именно дома, от 40 до 175

квадратных метров (в наше время квартира в сорок «квадратов» считается вполне приличной). В городище обнаружены остатки многочисленных кузниц...

Вот именно. «Кочевники» еще и неплохо обрабатывают металлы. Рядовой скифский воин вооружен железным мечом и одет в чешуйчатый доспех – на кожаную рубаху нашиты ряды железных или бронзовых пластинок (в точности как у «древних» римлян) – и такой же шлем. Их боевые кони также защищены броней: голова – литой налобной пластиной, грудь – кожаным нагрудником, покрытым железными бляшками. Одним словом, схожесть с рыцарем раннего Средневековья поразительная. Как отмечает современный исследователь, «скифами был создан комплекс вооружения, не претерпевший сколько-нибудь серьезных изменений вплоть до изобретения огнестрельного оружия». Деревянное, обшитое кожей седло – тоже, кстати, изобретение скифов.

Еще более внушительно, нежели Каменское «городище», выглядит скифская *столица* – Неаполь Скифский, что был раскопан археологами на окраине нынешнего Симферополя. Площадью около двадцати гектаров, столица была окружена каменной стеной, толщиной от 8 до 12 *метров* – с соответствующей высотой. В городе немало общественных зданий, построенных из камня, крытых черепицей, украшенных колоннами, статуями из бронзы и мрамора...

И наконец – *ювелиры*. В приложении читатель может увидеть лишь малую часть великолепных изделий из золота и серебра. Наши «кочевники» не только строили города, окруженные каменными стенами, каменные дома, изготавливали железное оружие, броню и всевозможные инструменты «гражданского» применения, но и были искуснейшими ювелирами.

А значит, сказка о «кочевниках» – сказка и есть. Если некий народ добился всех вышеперечисленных достижений, нет оснований записывать его в «дикие скотоводы». Речь, безусловно, может идти – как вы, быть может, согласитесь, – о *государстве*. Может стать, и не дотягивающем до «древнего» Рима, но все же оригинальном, самобытном государстве – с земледельцами и кузнецами, ювелирами и оружейниками, ткачами, ветеринарами, медиками, каменщиками, столярами, кровельщиками...

Другое дело, что «неисторическим» народам государств по канонам официальной науки не полагается. Отсюда и все словесные выверты касаясь «частичного кочевничества» и «городищ».

В своем рвении историки перегибают палку, и иные несообразности плавно перетекают в сущий экстремизм. Не так уж и давно некая отечественная историсса пыталась доказать, что искусство скифов «несамостоятельно», их ювелирные изделия якобы полны сюжетами, заимствованными... у фракийцев, с Балкан.

Ерунда первостатейная, конечно. Во-первых потому, что, взявшись что-то заимствовать, скифы уж наверняка в первую очередь брали бы пример с соседей-греков, а не с обитателей более далеких Балкан. Во-вторых...

Во-вторых, скифское искусство берет начало не на Балканах и не в греческих колониях на побережье Черного моря, а в Азии. Из Азии скифы к Черному морю и переселились. Этот тезис настолько хорошо подкреплён результатами археологических раскопок на огромном пространстве, что в обширных доказательствах не нуждается. От Неаполя Скифского до Алтая (знаменитые Пазырыкские курганы), до Минусинской котловины в приенисейских степях, до Тувы обнаружена масса украшений и бытовых предметов, выполненных совершенно в том же стиле, какой торжествовал в скифском искусстве.

У меня есть сильное подозрение, что корень зла в том и кроется – в азиатском происхождении скифов, подсознательно раздражающем европоцентристов, а если совсем точно, европейских шовинистов от истории. С их точки зрения, «азиатам» не полагается «государств» и «городов», на какие имеет право лишь цивилизованная Европа.

А потому скифов, не декларируя это явственно, стремятся то искусно, то неуклюже *принизить*, насколько возможно. В противовес массиву археологических находок, утверждающих родство народов, обитавших от Енисея до Черного моря, скифов упорно

«выводят» из древнего Ирана. Хитросплетением словес затушевывают всякую мысль о скифском *государстве*. Кочевники, кочевники, кочевники! И в то же время в крупнейших музеях открыто экспонируется «скифское золото», которое могло быть мастерски изготовлено лишь самими подданными скифских царей, а не наемными греками и уж тем более не обитателями далеких Балкан.

Между прочим, скифы (опять-таки в соответствии с давней азиатской традицией) изготавливали еще великолепные шерстяные ковры, украшенные замысловатым узором, изображениями людей, животных, мифологических чудовищ – самобытные изделия, не имеющие никаких соответствий в Греции и Фракии. А золотые изделия скифские ювелиры, кстати, мастерски украшали разноцветной эмалью, что само по себе требует сложных технологий, которые не могли родиться в юрте кочевника.

Интересно, что попытки чуть-чуть «пропустить» скифов наблюдались уже в древние времена. «Отец истории» Геродот так описывает один из скифских *городов*: «Будины – большое и многочисленное племя. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и святилища».

Правда, Геродот тут же добавляет, что построили город Гелон никакие не скифы-будины, а греки. Из греческих городов в Причерноморье якобы изгнали какое-то количество жителей, уж неизвестно, за какие прегрешения, эти беглецы-то и построили Гелон, где возвели святилища эллинских богов, в честь каковых регулярно устраивали массовые празднества. Ну и некоторое количество скифов-будинов «смешалось» с пришельцами, поднабравшись у них культуры...

Вот только это утверждение Геродота начисто противоречит его же собственным описаниям скифских традиций и нравов. Он сам в другом месте подробно рассказывает, как скифы «упорно избегают» не только поклонения чужим богам, но и просто чужеземных обычаев. Некий скиф Анахарсис, долго странствовавший в чужих краях, где-то познакомился с греческим культом Матери Богов и, вернувшись домой, в Скифию, имел неосторожность совершить обряд в ее честь. Увидев его за этим кощунственным занятием, соседи-скифы поспешили к царю Савлию и сообщили, каким идеологическим вывертам предается вольнодумец. Царь Савлий озабочился этим настолько, что немедленно прискакал к дому Анахарсиса, и узрев, что тот, повесив на шею изображение Матери Богов, самозабвенно бьет в бубны, самолично прикончил его из лука. Мало того, высочайше поведено было впредь не вспоминать, что Анахарсис жил вообще – в дальнейшем скифы дружно уверяли, что знать такого не знают. Между прочим, Анахарсис был не каким-то там плебеем, а родным братом царя Савлия. Но вот поди ж ты, не пожалели...

Точно так же много лет спустя уже не царский брат, а сам скифский царь Скил поплатился жизнью за чересчур тесную привязанность к эллинским обычаям. Судя по описанию, он чем-то напоминал наших интеллигентов-демократов, млеющих от всего происходящего из США и глубоко презирающих родную землю...

Означенный Скил завел такой обычай: иногда он в одиночку, без свиты и телохранителей, приезжал в близлежащий греческий город Борисфен и жил там с месяц – расхаживал в греческом наряде, даже совершал жертвоприношения по греческим обычаям. «Оттянувшись» таким образом, передевался в свое, скифское, уезжал домой и как ни в чем не бывало правил своим народом.

Увы, в конце концов какой-то болтливый грек проболтался скифам, как изволил развлекаться их владыка и как именно он проводит в городе свой отпуск. Несколько скифов уговорили болтуна провести их в город (надо полагать, заплатили неплохо), и своими глазами увидели, как их обожаемый царь шествует в процессии на празднике Вакха...

Побежали к своим и все рассказали. Скила моментально свергли, а когда он бежал к соседям, хитростью заполучили обратно и немедленно оттяпали голову. Пример этих двух вольнодумцев, надо полагать, подействовал – больше со скифами ничего подобного не случилось...

Теперь зададимся несложным вопросом: при столь нетерпимом отношении скифов к чужому не только религиозному, но и просто культурному влиянию возможно ли, чтобы они позволили «беглым грекам» не просто устроить свой поселок в самом сердце скифской территории – а еще и завести целый комплекс греческих святилищ с регулярными празднествами?

Сдается мне, ни в коем случае...

Гелон, добавлю, найден довольно давно. Археологи прочно ассоциируют его с Вельским городищем у реки Ворсклы. Что характерно, площадь этого поселения, когда-то окруженного серьезными крепостными стенами – 3868 гектаров, что лишь самую чуточку меньше площади Москвы в начале *двадцатого* столетия. Но «кочевникам» из недр Азии, как мы помним, полагаются исключительно городища...

В Бельске-Гелоне обнаружены не только многочисленные кузницы, мастерские бронзолитейщиков и гончаров, но и святилища – причем сугубо местные, скифские, ни единого на греческий манер...

Только в том случае, если допустить, что Скифия все же была не территорией кочевников, а страной городов, приобретает смысл такое известное в истории событие, как вторжение в скифские пределы армии персидского царя Дария...

В одной из научно-популярных книг ситуация охарактеризована предельно четко: «Интересно, что этот поход не был вызван какой-либо политической или экономической целесообразностью. Современные историки, правда, пытаются найти в действиях Дария некое рациональное зерно и как-то прояснить смысл данной грандиозной экспедиции, но их версии звучат не совсем убедительно. Говорят, например, что персы пытались обезопасить собственные северные границы в преддверии похода на греков. Или что это была глубокая разведка. Однако скифы того времени вовсе не собирались нападать на империю Дария, а значит, персам ничто не угрожало. Следовательно, ни о какой превентивной войне или профилактическом карательном мероприятии речи быть не может. С другой стороны, Дарий прекрасно сознавал, что вторгается в страну, где нет городов и поселений и поэтому завоевать ее в принципе невозможно. Единственное внятное объяснение целям экспедиции дает все тот же Геродот: достигнув величия, персы захотели отомстить скифам за унижения, нанесенные Мидии во время переднеазиатских походов».

Речь идет о случившемся за пару *сотен* лет до того массированном вторжении скифов в Малую Азию и на Ближний Восток, когда они огнем и мечом прошли вплоть до египетских границ, которые *вроде бы* не переступали.

(Говорю «вроде бы», потому что в истории Египта числится завоевание его кочевыми племенами «гиксосов». Гиксосы эти, с одной стороны, были якобы дикими кочевниками, с другой же – именно у них египтяне научились и обращению с лошадьёю, и новинкам в строительных делах, да и многому другому. Вторжение гиксосов относят к вовсе уж седой древности, но если египетская хронология все же искусственно растянута, то нельзя исключать, что под видом гиксосов фигурировали как раз скифы).

Другими словами, персидский царь Дарий однажды, проснувшись в дурном настроении, вспомнил, не имея больше к чему придаться, что двести лет назад скифы серьезно избидели его предков-мидийцев – и решил отомстить. И повелел двинуть в скифские пределы несметную рать.

Для голливудского мультфильма на «историческую» тему этот сюжет, может быть, и сгодится. Но в реальной жизни подобные детские обиды никак не служат поводом для *больших* войн. Дарий, как большинство его коллег по ремеслу, наверняка был нормальным человеком и умел соразмерять желания с возможностями. Это в сочинениях современных фантазеров с учеными степенями древние владыки то и дело картинно повелевают сотворить что-нибудь грандиозное – то построить в пустыне, где любой гвоздик нужно возить за сто верст, огромный беломраморный город с фонтанами, академиями и ипподромами, то собрать в одночасье миллионную армию и погнать ее за тысячу километров мстить за нанесенную двести лет назад обиду. Реальность обычно более тесно связана с экономическими

возможностями...

В том, что мы – по крайней мере, частично – имеем дело с откровенным баснословием, убеждают цифры. Геродот, не моргнув глазом, вывел недогнувшей рукой, что Дарий отправил на скифов *700 тысяч* воинов и 600 кораблей. Его собрат по блудливому перу, некий Ктесий Книдский, считал, что воинов у Дария было даже поболее – 800 тысяч.

Вы мне не поверите, но «профессиональные историки» до сих пор относятся к этим цифрам *серьезно*. Поскольку Геродот для них остается непререкаемым авторитетом – ведь все, как мы помним, основано на вере, и сомневаться в *священной* жреческой книге было бы жуткой ересью...

Господи ты боже мой... Будь все так на самом деле, кроме семисот тысяч воинов Дарий обязан был иметь еще пару сотен тысяч обозников, погонщиков, лекарей, поваров, оружейников и прочих подсобных людишек, жизненно необходимых в военном походе: кто-то же должен вести повозки с запасом провизии, стрел, перевязочного материала и прочего скарба...

Так что – миллион, не меньше. *Сколько* же жратвы, простите за вульгарность, понадобилось бы этой ораве, которая, заметим, долгие *недели* двигалась по безлюдным скифским равнинам? Даже если считать по минимуму – лепешка в день и пригоршня фиников... нет, по минимуму считать нельзя. Подобной диеты хватит только на то, чтобы древнеперсидский воин – он же не робот, не Терминатор с атомной батареей в пузе! – только-только не умер с голоду. А ему ведь предстоит неделями тащиться в полном вооружении, да еще и сражаться с достаточно сильным противником. Одним словом, даже если доверять Геродоту в описательной его части, любые приводимые им числа следует сокращать, быть может, на пару нулей.

Напоминаю: в 1812 году Наполеон привел в Россию всего шестьсот тысяч человек, собранных со всей Европы – и эта орда очень быстро превратилась в жалкую кучку измученных бродяг, причем не столько из-за морозов, сколько из-за лютого голода. А ведь наполеоновская армия шла не по безлюдным пустошам, а по достаточно населенной аграрной стране...

В беспомощной попытке хоть как-то отстоять истинность жреческих писаний одна отечественная историсса выдвинула довольно оригинальную версию: мол, по мере продвижения в скифские степи персы попросту съедали своих обозных животных, а опустевшие от провизии повозки бросали, что повышало мобильность, да и с голоду не позволяло умереть...

Все равно не складывается. Очень уж грандиозные объемы расхода провианта получаются, как ты ни извращайся. И потом, миллионному войску надо было еще и *пить*. А это, даже при режиме жесткой экономии, все равно получается – миллион литров воды в *день*. Да и «обозные животные» пить хотят, и литра им мало. Как же миллионное войско Дария решало проблему с водой?

Самый внятный ответ, какой по этому поводу способна дать современная историческая наука: «Ну, как-нибудь так...» Ручейки, мол, по пути попадались, речушки...

Представьте себе *миллион* человек,двигающихся довольно компактной массой. И делайте выводы...

Ладно. В конце концов, я не намерен отрицать Геродота *полностью*. Допустим великодушно, что поход Дария против скифов все же имел место в реальности. Вот только войско у него было, конечно же, не миллионное, а раз в десять меньше (что, впрочем, опять-таки предполагает немалые трудности со снабжением). И снова тот же вопрос: *зачем!*

Как бы ни кипели в душе старые обиды (чей накал несомненно преувеличен кабинетными книжниками), серьезный человек должен был понимать, что гоняться по необозримым степям за конными кочевниками – задача непосильная даже для великого Дария Гистаспа, оставшегося в истории человеком вполне вменяемым и умным...

Так вот, «великий поход» Дария приобретает смысл при одном-единственном варианте: если допустить, что у скифов было немало *городов*, где можно было собрать нешуточную

добычу. Вот при *этом* раскладе мотивы Дария предстают вполне понятными и насквозь прагматичными: персы были большими мастерами устраивать грабительские походы, то бишь великие завоевания...

К слову, если раскопанных скифских *городов* сегодня известно немного, это еще не означает, что их было *мало* – гораздо вероятнее, что найдены далеко не все. Учитывая нынешнее финансирование археологических работ в России и на независимой Украине, трудно ждать масштабных открытий.

Даже с *известными* городами происходили порой примечательные курьезы. Вот, скажем, знаменитый путешественник П. К. Козлов, сподвижник Пржевальского, в 1908 году обнаружил в пустыне Такла-Макан «город мертвых»⁴ Хара-Хото, многие сотни лет как оставленный жителями. В 1909 году, во время своей второй экспедиции туда, он обнаружил огромные богатства: тысячи древних книг, сотни скульптур, массу предметов буддийского богослужения, множество золотых и серебряных украшений. Людей и лошадей у него было мало, вывезти все это добро не было никакой возможности, и Козлов, засыпав найденное землей, вернулся в Россию, надеясь, что будет еще случай все вывезти.

Случай представился только через семнадцать лет – в 1926 году, уже при Советской власти, Козлов совершил свое третье и последнее путешествие в Хара-Хото... но не нашел закопанного им клада. То ли не смог вспомнить места, то ли новые барханы намело и ландшафт изменился, уничтожив прежние приметы... В общем, «клад Козлова» не обнаружен до сих пор. Что же говорить о лежащих под землей городах, которых попросту не искали?!

Конец скифов, по версии традиционной истории, был унылым. Во втором веке до Р. Х. они, многочисленные и могучие, попросту сгнули куда-то. Вот так, немудрящим образом, взяли да и сгнули...

Объяснения, которые современная наука по этому поводу дает, не устраивают категорически. Скифов якобы «сменили» сарматы. Из загадочных азиатских просторов вдруг нахлынули эти самые сарматы – неисчислимые конные орды, с головы до ног закованные в железную броню. Вроде бы они по каким-то совершенно непонятым причинам настолько ненавидели скифов (за что, собственно?!), что решили извести их под корень и со всем рвением принялись за выполнение этой задачи. Вот скифы и «исчезли».

Правда, эта гипотеза совершенно не объясняет, как так вышло, что скифы покорно сидели у своих очагов и ждали, когда придут их вырезать поголовно ужасные сарматы. Логичнее было бы, учитывая, что скифы владели неисчислимыми конскими табунами, предположить, что они друженько попрыгали в седла и ускакали подальше от этакой напасти, справедливо предполагая, что сарматы вряд ли будут гнаться за ними до «последнего моря».

Однако тезис о дружном уходе скифов на запад наука отвергает. Почему – она и сама толком объяснить не в состоянии. Отвергает – и все тут. Потому-то и родилась уклончивая формулировка: сарматы *сменили* скифов. Более подробных разъяснений не дается, да и не скажешь, что их регулярно требуют – большей части народонаселения как-то не до причин исчезновения скифов...

Вообще у нынешних историков есть две универсальные *отмазки* на тот случай, когда приходится объяснять, почему на данном историческом отрезке в их построениях отсутствуют какие-то народы или немалые материальные ценности. Пожары и нашествия супостата. Этими двумя напастями объяснить можно все что угодно.

Где великая Александрийская библиотека с ее миллионами томов? Так ее ж сожгли дочиста хулиганствующие элементы! Где оригинал «Слова о полку Игореве»? Так Москва ж сгорела начисто!

Где скифы? А их сарматы сменили! Как именно? Вам же ученые люди отвечают

⁴ Так в отчете П. К. Козлова

ученым языком: с-м-е-н-и-л-и!

Остается совершенно непонятным, кстати, что за сила регулярно *выталкивала* из Азии «переселяющиеся народы». Грандиозных природных катаклизмов, после которых на прежнем месте ни за что не выживешь, не отмечено. Пресловутая «пассионарность», якобы заставляющая целые народы в одночасье срываться с насиженного места и катить за тридевять земель, будем откровенны, существовала исключительно в воображении Л. Н. Гумилева и не зафиксирована какими бы то ни было научными приборами ни в вольтах, ни в амперах, ни даже в децибелах.

И наконец, как быть с тем, что все эти «сарматы», «авары» и прочие «вестготы», как две капли воды, напоминают рыцарскую конницу раннего Средневековья? Конница таковая, уточню, существовала как в Европе, так и в Азии, «рыцарство» – никак не исключительно европейское достояние... По своему циничному обыкновению все интересное, связанное со скифами, я приберег напоследок. В следующей главе мы как раз и займемся *нетрадиционными* взглядами *прежних* историков на историю скифов. Но сначала снова отступим в прошлое, во времена, когда Юлий Цезарь, трубя в боевые буцины, преследовал «дикие племена» галлов...

Глава четвертая. Варварская Европа: Незнакомая цивилизация

У современной исторической науки есть серьезный недостаток: предельно узкая специализация не только по столетиям, но даже по отдельным четвертушкам какого-либо столетия, не только по крохотным княжествам, но по отдельным вовсе уж мелким аспектам жизни этих самых крохотулечек. А потому не редкость, когда человек становится кандидатом или даже доктором исторических наук за сочинения вроде: «Конские подковы в Рязанском княжестве второй половины XII в.» или «Сапожники в графстве Артуа первой трети XIII в.». Честное слово, я не особенно и преувеличиваю. Мне лично известен субъект, ставший кандидатом наук за диссертацию об отщепенцах – крохотных каменных кусочках, отлетавших от орудий первобытного человека при их, орудий, изготовлении. Это примерно то же самое, как стать кандидатом математических наук, накропав работу «К вопросу о свойствах таблицы умножения». Но у историков, как не раз говорилось – свои понятия...

Что любопытно, порой эта узкая специализация из недостатка превращается в откровенное достоинство – с точки зрения циничного ниспровергателя основ вроде вашего покорного слуги...

Поясню, что я имею в виду. В фундаментальных, основополагающих, так сказать, трудах по истории «древней» Римской империи будет, голову можно прозакладывать, кратенько написано что-нибудь вроде: «Варварские орды готов разграбили Рим», «Дикие гунны опустошили римские провинции», «Галлы, обитатели диких лесов...» И все, не более того.

А вот историк, занимающийся *исключительно* галлами, готами или древними германцами, сплошь и рядом просто-таки вынужден не повторять вышеприведенные канонические фразы, а подробнейшим образом описывать, как жили его подопечные, чего достигли, что умели. И картина открывается поразительная...

Решительно перестаешь понимать, где цивилизованные народы, а где «дикари». Потому что как-то само собой получается, что не «древний Рим» служил маяком цивилизации и родоначальником прогресса, а как раз те самые «дикари»...

Судите сами. Я уже упоминал о военном флоте галлов, превосходившем римские галеры. Теперь нелишним будет уточнить, что у галлов была *своя* денежная система, а кроме укрепленных городов, они построили еще и обширную сеть крайне удобных дорог (по которым и чапали браво доблестные легионы Цезаря). Мало того, именно «кельты», то бишь галлы, изобрели вместо прадедовской сохи более совершенный *плуг* – дышло на двух колесах и мощный железный лемех. Именно у галлов его и заимствовали «передовые» римляне.

С бронзового века люди жали серпом – но опять-таки именно в Галлии была изобретена коса, орудие гораздо более производительное. После чего римляне... см. выше.

Из одной ученой книги в другую кочует изображение римской жнейки: бык толкает перед собой двухколесную тележку, передняя часть которой снабжена зубьями, подрезающими колосья, падающие в «бункер»...

Это – *галльское* изобретение! Гораздо позже перенятое римлянами.

Горнорудное дело *поставили* в Европе опять-таки галлы, первыми начавшие добывать железо. Даже прозаические, но столь нужные в крестьянском хозяйстве *бочки* придумали они же. Итальянцы первое время хранили все жидкости исключительно в амфорах из обожженной глины – а галлы изобрели гораздо менее хрупкие, гораздо более удобные в обращении и гораздо более простые в изготовлении бочки из тонких дощечек, скрепленных обручами...

За галлами, безусловно, и приоритет в изготовлении и использовании всевозможных телег и повозок. Все их разновидности придумали галлы, а римляне только заимствовали.

Основных разновидностей римских повозок четыре: «кар-рус» – большая грузовая телега, которую в России позже называли «ломовая»; «реда» – легкая и быстрая четырехколесная «бричка»; «карпентум» – двухколесная повозка, нечто вроде арбы; «эсседум» – боевая двухколесная колесница.

Все эти термины совершенно официально признаются заимствованными из галльского – а значит, галлы все это разнообразие и придумали первыми.

Так кто же кого учил и кто был дикарем на самом деле? Вполне возможно, дойди до нашего времени галльские библиотеки, ответ отличался бы от общепринятого ныне. Но очень уж старательно Цезарь их уничтожил, а потому *ни единого* галльского документа не сохранилось, вот и вышло, что победил тот, кто лучше владел не технологиями, а пером...

В III–V вв. от Р. Х. Европа, согласно воззрениям традиционных историков, представляла собой рай земной для непуганых варваров. По европейским просторам, едва успевая сменять друг друга, носились неисчислимые орды дикарей, направо и налево крушивших все достижения высокой цивилизации, какие к тому времени успели создать римляне. Дикие племена готов, вандалов, гуннов и прочих визиготов – сущие питекантропы, разве что на коняшках! – чуть ли не зубами грызли прекрасные статуи, жарили конину на кострах из рукописей, устраивали конюшни в христианских храмах и творили массу других непотребств. Поскольку были дикими, как африканские бабуины, и не имели другой задачи, кроме как уничтожать достижения цивилизации, чтобы, вот совпадение, было потом на кого свалить их отсутствие...

Но, если обратиться к тем самым «специализированным» источникам, то предстает совсем иная картина. Качественно иная. Вместо череды «варварских нападений на Рим с разграблением оногo» явственно вырисовывается что-то *другое*. И больше всего это похоже не на разбойное нашествие, а на гражданскую войну, сплошь и рядом с религиозной подоплекой – как, скажем, в XVI веке во Франции...

Можно удовлетвориться мимоходом прочитанной фразой: «вождь племени готов Аларих захватил и разграбил Рим». А можно *и углубиться*... Что же мы тогда увидим?

В первую очередь выяснится, что помянутый Аларих – не злокозненный пришелец, а высокопоставленный офицер *римской* армии, в переводе на современные звания – не менее чем генерал. Подчиненные ему части состоят и правда большей частью из готов, но это опять-таки *римские* воинские части.

Во-вторых, Аларих – христианин арианского направления. И, пребывая на римской службе, он довольно долго занимается экспедициями, которые так и подмывает назвать «крестовыми походами». Именно Аларих методично и старательно во главе своих войск уничтожает в Греции языческие святилища – а те храмы, что оставляет в неприкосновенности, превращает в христианские церкви. И только через пятнадцать лет подобной деятельности Аларих *занимает* своими войсками Рим.

Именно такое слово более уместно для происходящего – потому что не пришедшее из

диких степей войско дикарей захватывает Вечный Город. В него входят части *римской* армии под командованием *римского* генерала. Грабеж, беспорядки, буйства, безусловно, имеют место быть – примерно такие, каких и следует ожидать во время любого *военного мятежа*. Прелюбопытнейшая деталь: когда началась заварушка, римляне массами, прихватив детей и ценности, кинулись спасаться в храм св. Петра на Ватиканском холме. Аларих, как христианин, не позволил ни одному своему готу войти внутрь. Плохо вяжется с традиционной картиной варварского набега, не правда ли?

Не менее интересна история начальника Алариха, вандала Стилихона («вандал» в данном конкретном случае – не обидная кличка, а указание на национальную принадлежность). Такой же арианин, как и Аларих, Стилихон в качестве первого министра активнейшим образом занимается христианизацией Рима. Издает указ о разрушении языческих святилищ, после чего язычники устраивают бунт, и перепуганный император указ отменяет. Но Стилихон уже своей собственной волей жжет главные римские языческие святыни, за что его чуть позже «проязыческое» лобби и подведет под смертный приговор по надуманному обвинению.

Странные «дикари», не правда ли? В первую очередь озабочены не разбойными набегами, а утверждением христианства. Кстати, когда к Риму приблизились *настоящие* внешние супостаты, войско Радегая,⁵ то отбивал его тот же Аларих.

В общем, «захваты Рима варварами», если исследовать их подробно, гораздо больше похожи на солдатские мятежи – а это, знаете ли, совсем другое... Из-за того что в гражданской войне во Франции XVI в. участвовали отряды иностранных наемников – швейцарцев и прочих валлонов – никто не называет происходившие там события «нашествием варваров». Обыкновенная внутренняя замятия...

Дальше – больше. «Всемирно», что в 476 году «вождь племени германцев Одоакр» низложил последнего римского императора Ромула Августа. Это – поверхностное изложение, а реальные события гораздо сложнее и интереснее.

Вовсе не «вождь дикого племени» ворвался в Рим неожиданно-негаданно и злодейским образом сверг юного императора. Одоакр (то ли германец, то ли славянин) – еще один высокопоставленный римский военачальник. А Ромул Август – император, говоря современным языком, совершенно нелегитимный. Его папенька, римский генерал Орест, в один прекрасный день взял да и сверг законного императора Льва Первого, а на опустевший трон непринужденно усадил собственного сыночка. Тут и появился Одоакр...

Каковой, обратите внимание, соблюдает существующее законодательство. Он не с мечом наголо врывается в покои самозваного императора, а собирает римский сенат и с соблюдением всех юридических процедур отменяет *саму* Западную Римскую империю. Сенат после мягкого и ненавязчивого внушения Одоакра принимает официальное решение, что с императорской властью в Риме отныне покончено раз и навсегда. Она именно что отменяется. Регалии императорской власти – диадему и пурпурную мантию – Одоакр не в кости проигрывает и не любовницам дарит, а отправляет в Константинополь со всеми сопроводительными документами...

Интересные дела? Быть может, правы те, кто утверждает, что *старше* как раз императорская власть Константинополя? Вполне можно предположить, что заигравшиеся с сепаратизмом римляне решили *тоже* сделать все, как у больших, в темпе провозгласили собственного императора (чтоб не хуже, чем в Царьграде), но тут появился Одоакр и восстановил статус-кво...

Что любопытно, арианин (ну не язычник же!) Одоакр был весьма близок со святым Северином, известным и почитаемым отшельником и прорицателем (о нем подробнее – чуть позже). Правда, в биографии Одоакра числится один-единственный откровенно антицерковный поступок: в 477 году его дружина напала на город Ювава (нынешний

⁵ Скифский вождь (официальная история утверждает, что он относится к IV веку).

Зальцбург) и убила св. Максима вместе с пятьюдесятью учениками. Но это – именно что уникальный пример. А потому тут следует заподозрить какую-то внутрицерковную разборку. Примеров достаточно. В свое время в Новгороде по приказу Ивана Грозного опричники убили митрополита Филиппа – но это вовсе не означает, что Грозный был «языческим вождем», борющимся против христианства. Дело там было чисто политическое...

Кстати, надгробная надпись на гробнице св. Максима, сделанная в XVI веке на основании какого-то более древнего, утраченного образца, сама по себе чертовски интересна. В ней утверждается, что в составе дружины Одоakra были готы (которым вроде бы полагалось уже как пару сотен лет «исчезнуть»), *русины*, а также мадьяры (унгары), которым вроде бы еще не полагалось обитать в Европе...

Вот, кстати, о готах. Вопреки канонам традиционной истории, они упрямо отказывались «исчезать» и, очень похоже, представления не имели, что их кто-то «вытеснил». «Исчезли» они исключительно на страницах скалигеровской истории, а в реальности еще многие сотни лет преспокойно обитали в Европе. Готы «исчезли», как вещают скалигеровцы, якобы в VII веке от Р. Х. – тем не менее *четыре*ста лет спустя чрезвычайно распространяется новый архитектурный стиль, который так и именуется – «готический». Объяснения на сей счет традиционных историков, конечно же, смехотворны: мол, в поисках названия для нового стиля вспомнили невзначай, что *четыре*ста лет назад в этих местах обитали некие готы, вот и назвали в их честь новую архитектуру... Прикажете в *это* верить? Скорее уж готический стиль потому так и назван, что внедряли его в жизнь *сами* готы. Преспокойно, повторяю, обитавшие на севере Европы. На протяжении всего Средневековья «готами» именуют *шведов*. Еще в XVII веке титул шведского короля звучит как «король Шведский *и Готский*»...

Кстати, и король тех самых вандалов, чье имя стало нарицательным – Гейзерих, взявши Рим, опять-таки не трогал христианских храмов. Держался он, конечно, не ангелочком, но все же особого «вандализма» не допускал. Словечко это запустили в оборот гораздо более поздние книжники, жившие через сотни лет после событий...

Странное дело с этими «варварами». Сплошь и рядом, что ни возьми – обнаруживается, что именно они, по примеру галлов, форменным образом цивилизовали Римскую империю – и никак не наоборот...

Уже упоминалось, что металлургию, повозки и многое другое римляне откровенно заимствовали у кельтов-галлов. Появление в римской армии железных мечей и доспехов – не собственные усилия, а результат *германизации* означенной армии. Да что там, даже пряжки на поясах римских офицеров передают... «излюбленные мотивы германского искусства».

Вот, кстати, о германском искусстве. Широко известны так называемые «моркенские» шлемы – передовой для своего времени воинский защитный головной убор. Довольно сложное изделие: склепано из отдельных железных полос, прикрепленных к основе-обручу, снабжено железными нащечниками, клепаной железной маской и кольчужной плетенкой для защиты шеи, покрыто позолоченной бронзой и отделано кожей. *Единицы* таких шлемов попадаются на территории Римской и Византийской империй, а большинство – как раз из погребений «варваров». Так чьи технологии были выше?

Что до самого мирного искусства, ювелирного, то и здесь, оказывается, «варвары» опережают «цивилизованные» народы. Без особого труда, копаясь в исторической литературе, наткнешься на фразы вроде: «варварская» художественная работа по металлу... «осталась непревзойденной вплоть до эпохи Возрождения!» Оказывается, что даже *стиль* «варварских» изделий стал основой для всех прочих стилей европейского искусства в последующие столетия. Сплошь и рядом для приличия делаются надлежащие оговорки: мол, варваров «вдохновило» римское искусство – но тут же приводятся примеры самобытных технологий и изображения изделий, далеко позади оставляющих римские. По сравнению с «варварскими» достижениями римская «ювелирка» выглядит донельзя убогой, в чем нетрудно убедиться, ознакомившись с солидными энциклопедиями и трудами по искусству.

И наконец, о гуннах, вокруг которых тоже нагромождено немало безответственных фантазий и примитивной лжи...

Гунны, пришедшие из Азии, создали государство от Кавказа до Эльбы, которое, как легко догадаться, «государством» в европейской историографии называется разве что из вежливости. Разумеется, это была всего лишь «территория», контролируемая «дикими племенами», которые в конце концов, вот наглость, возымели намерение ворваться в Европу... Словом, очередные «кочевники», буквально на прошлой неделе по недоразумению лишившиеся хвостов...

Вот как изящно обрисованы гунны в рассказе Артура Конан Дойля, который так и называется – «Нашествие гуннов»: «Короткая сутулая фигура, большая голова совсем без шеи... человеческое тело, похожее на бесформенный узел... Это был очень короткий и очень толстый человек с очень смуглым лицом... Маленькие глазки сидели глубоко и казались черными отверстиями в тяжелом, плоском, безбородом лице. Ноги были короткие и очень кривые, так что он неуклюже переваливался на ходу... омерзительная, втянутая в плечи голова...»

Этакая, надо полагать, мерзость! Слово и не человек вовсе...

В одном из энциклопедических словарей я с превеликим удивлением прочитал о гуннах: «...кочевой *монгольский* народ». Поскольку в предисловии к словарю значилось, что составлен он «на основе» знаменитой английской «Карманной энциклопедии Хатчинсона», я поначалу решил, что это отечественные издатели столь творчески развили и дополнили первоначальную британскую основу.

Снял с полки «Хатчинсона». Увы, никакой отсебятины, у англичан в оригинале то же самое: «...кочевой монгольский народ». Вот откуда берет начало творение сэра Артура...

Приглашаю читателя вдумчиво изучить приведенное изображение «стандартного» гунна, научным образом воссозданное по черепу профессором М. М. Герасимовым (см. иллюстрации). Легко догадаться, что к монголам и вообще к монголоидной расе этот человек не имеет ровным счетом никакого отношения.

Впрочем, англичане не сами придумали все эти монструозные описания. Они просто-напросто чересчур уж увлеченно читали сочинение офицера римской армии и историка Аммиана Марцеллина. В свое время сей достойный муж сражался с гуннами, был чувствительно бит, а потому, надо полагать, отвел душу посредством пера и чернил. В точности так, как поступали гораздо позже битые вермахтовские генералы, смачно живописавшие, как на их культурно оборудованные позиции накатывались орды «монголоидных дикарей» в пилотках с красными звездами...

Ну не любит Марцеллин гуннов за все прошлое, чего уж там! Можно представить, как он на старости лет мстительно хихикал и ядовито ухмылялся, выводя строчки. Гунны у него – маленькие, кривоногие, большеголовые уроды, которых можно принять скорее «за двуногих зверей», чем за людей. Одеты они в шкуры «диких крыс» (быть может, сусликов или сурков?), и эта одежда «снимается или заменяется другой не раньше, чем она расплзется в лохмотья от долговременного гниения».

С едой, конечно же, обстоит самым дикарским образом: «Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной к вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть».

Ну что же, бывает и хуже – средневековые европейские авторы всерьез уверяли, что воины Чингисхана горстями лопают вшей, а из мяса предпочитают долго пролежавшую падаль...

Естественно, земледелия гунны не знают: «никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи». Домов у них, конечно же, нет, а сплошь и рядом и шатров не имеется – по Марцеллину, гунны не только пьют и едят в седле, но и спят верхом на коне, из ночи в ночь (между прочим, ни у одного из азиатских народов столь идиотской привычки как-то не отмечено).

Поскольку гуннское государство вобрало в себя множество самых разных народов, нельзя исключить совсем, что среди гуннских воинов и в самом деле попадались личности довольно экзотического облика, вроде описанных Марцеллином. Но *чистокровные* гунны выглядели совсем иначе.

Потому что были *тюрками*, то есть людьми вполне европейского облика, ничуть не похожими на монстров. В византийской рукописи 572 г. есть многозначительная оговорка: «Гунны, которых мы обычно называем *тюрками*».

Следует упомянуть, что Марцеллин никогда не бывал в *самом* царстве гуннов – тем ценнее свидетельства человека, который видел собственными глазами жизнь и быт гуннов. И имел все условия для неспешных наблюдений – поскольку не воевал с гуннами, а ехал к ним в составе дипломатической миссии.

Речь идет о знаменитом Приске Панийском (иногда его именуют еще Приском Фракийцем), преподавателе ораторского искусства из фракийского городка Пания на побережье Мраморного моря. В 448 году видного сановника византийского двора Максимиана отправили послом к Атилле. Максимиан пригласил Приска поехать вместе с ним, и тот из любопытства согласился. По крайней мере, так пишет сам Приск. Никак нельзя исключать, что этот мирный книжник, «ритор и софист», был попросту византийским разведчиком – очень уж он внимателен, точен и подробен в наблюдениях для обычного кабинетного интеллигента. В те времена, как и теперь, трудно было попасть в состав дипломатической миссии «просто так», по приглашению знакомого, пусть даже высокопоставленного. А вот разведка уже тогда стояла на высокой ступени развития. И уж мы-то прекрасно знаем, сколько таких вот книжников оказались «искусствооведами в штатском».

Впрочем, это третьестепенная тема, не имеющая отношения к главной. Даже если Приск и был разведчиком, его тем более следует поблагодарить за прекрасный отчет о поездке.

К слову сказать, это посольство связано с весьма захватывающей, прямо-таки детективной интригой, ничуть не уступающей современным шпионским романам. Византийский император Феодосий Младший как раз спланировал покушение, в результате которого Атиллу должны были убить. В этом заговоре якобы принимал самое живое участие посол Атиллы в Константинополе Эдекон – который на самом деле был «двойником» и старательно сообщал Атилле обо всем, что творится при императорском дворе.

Насколько можно судить, никто из членов посольства не знал, что за методы «активной дипломатии» плетутся за их спинами – но Атила-то прекрасно был осведомлен. Посольство *тормознули* на дальних подступах, и посланцы Атиллы заявили: ежели византийцам нечего сказать, кроме того, что содержится в грамоте, которую они привезли, то они могут убираться восвояси. Другими словами, Атила уже знал заранее, что написано в грамоте, которую послы везут. Не триллер ли?

И вот тут-то почтенный Приск начинает действовать так, что лишь укрепляются подозрения в его работе на византийскую разведку. Именно этот «книжный червь», а не официальный посол, как-то ухитрился уговорить сановника Атиллы все же позволить посольству увидаться с царем гуннов. Приск упорно твердит, что при посольстве он оказался чисто случайно, но из его же собственного рассказа недвусмысленно вытекает, что он точно играл при этом ту же роль, что некогда «прикрепленные» из КГБ при спортивных командах. Очень уж *шустер*...

Но оставим шпионские страсти и перейдем к рассказу Приска. Какой же перед ним предстала страна, жители которой якобы всю жизнь щеголяют в одежде из мышинных шкурок, с коня слезают в исключительных случаях, землю не пашут, жилищ не строят?

Гуннские послы и точно вели в свое время переговоры с римлянами не спешиваясь, а оставаясь верхом – но, как следует из текста, это, скорее всего, способ проявить собственное достоинство и не более того. Еще веке в семнадцатом русские посланники в Персии и Турции упрямо отстаивали привилегию доезжать *верхом* до самых ворот резиденции шаха

или султана, а не проделывали этот путь пешком, чтобы «не было бесчестия государеву имени». Многозначительная аналогия, кстати, но и об этом – позже...

Так вот, у гуннов есть самые настоящие *селения*, и немало. Их дома Приск именуется «хижинами», но это может означать лишь то, что они меньше тех, которые книжник привык видеть у себя в империи. Во всяком случае, это именно постоянные дома. Когда поднялась «страшная буря с громом, частыми молниями и проливным дождем», снесшая шатер византийцев, хижины нисколько не пострадали.

Далее. Гунны все же занимаются земледелием, сеют просо и ячмень, из которого делают какое-то питье. Судя по тому, что византийцев они угощали речной рыбой, у них есть и рыбаки.

А вот и столица – «огромное селение». Логично было бы предположить, что «дикий степняк» живет в шатре, как ему и положено (если только не проводит ночи, похрапывая на коне). Ничего подобного: Аттила обитает во *дворце*.

Дворец «был, как уверяли нас, великолепнее всех дворцов, какие имел Аттила в других местах». Значит, дворцов у гуннского *царя много*. «Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой, более служащей к украшению, чем к защите».

В другом варианте дошедшей до нашего времени рукописи Приска его впечатления изложены даже подробнее: «Мы приехали к лежащему недалеко селению, где пребывал царь Аттила; это селение походило на огромный город, в котором нашли мы деревянные здания, построенные из тесаных досок, которые соединены были в такую сплошную массу, что едва можно было разобрать их швы. Там были просторные столовые и изящно расположенные портики. Двор был очень просторен, для того чтобы самая его обширность свидетельствовала о царском дворе».

Между прочим, Аттила и его гунны для описанных Приском мест не аборигены – они туда пришли несколько десятилетий назад... и определенно принесли с собой традиции своей недалекой страны, в том числе деревянное строительство (которое никак нельзя объявить заимствованным у византийцев, потому что те как раз из дерева не строили). Как видим, у гуннов была потребность жить именно в домах, они и на новом месте выстроили себе дворцы, причем довольно мастерски – есть, стало быть, и мастера, и опыт.

Рядом – дворец Онигисия, одного из приближенных Аттилы: «После дома царского самый отличный был дом Онигисиев, также с деревянной оградой; но ограда эта была не украшена башнями, как Аттилина».

Неподалеку – большая *баня*, в которой и сам Онигисий, и его семейство испытывают, надо полагать, настоятельную потребность. *Аборигены*, покоренные гуннами, бань как раз не строили – и Онигисию пришлось возить камень издалека, а потом приглашать и строителя. После таких подробностей плохо верится в «одежды из диких крыс», истлевающие на теле. Значит, есть традиция регулярного и частого мытья в бане – и вряд ли только у гуннской высшей аристократии, ведь на Руси не одни князья с боярами каждую субботу хаживали в баню, но и последние землепашцы...

Сразу же по приезде в столицу у Приска состоялась любопытнейшая встреча – ему попался человек, одетый как натуральнейший гунн, но говоривший по-гречески не хуже приезжего. Причем одет этот загадочный субъект очень даже роскошно...

Оказалось, типичный невозвращенец, если пользоваться терминами двадцатого века. Биография примечательная!

При взятии гуннами очередного города этот эллин угодил в плен и по обычаю был отдан в рабство – тому самому «первому министру» Аттилы Онигисию. Рабство, впрочем, оказалось не особенно обременительным: во время очередной войны грек вместе с гуннами, как равный, отправился в поход, отличился в сражениях против римлян и неких «акациров», отдал всю военную добычу своему хозяину, после чего преспокойным образом получил свободу, женился на гуннской девушке, завел дом, детей и хозяйство.

И возвращаться домой отказывался напрочь, поскольку... гуннские обычаи устроены

не в пример справедливее, нежели в Византийской империи. Византийцы терпят многочисленные обиды от власть предержащих: налоги до того чрезмерные, что после приезда сборщиков податей разоряются не только целые деревни, но и города. Законы имеют равную силу не для всех, «если нарушающий закон очень богат, то несправедливые его поступки могут остаться без наказания, а кто беден и не умеет вести дел своих, тот должен понести налагаемое законом наказание, если не умрет до решения своего дела, потому что тяжбы тянутся весьма долго и на них издерживается множество денег... обиженному не оказывается правосудия, если не даст денег судье и его помощникам».

Одним словом, наш грек нисколько не жалел, что остался жить у «варваров» – у них-то законы как раз справедливые и правильные, и при надлежащем их соблюдении на жизнь пожаловаться грех. Нет ни бюрократии, ни налогового беспредела, ни продажных судей... Сравнение, как видим, далеко не в пользу «цивилизованного» народа. И это понятно: у степных народов, которых высокомерно именуют «азиатскими дикарями», испокон веков жизнь была устроена на гораздо более справедливых началах. Их законы попросту *отличались* от «цивилизованных» европейских, вот и все. Причем отличались в лучшую сторону. Приск, кстати, по его воспоминаниям, потратил немало сил, убеждая бывшего земляка, что византийские законы все же составлены очень мудро – но тот упрямо твердил: законы, конечно, хорошие, вот только те, кто проводит их в жизнь, – сволочь первостатейная... Так и остались при своем.

Но вернемся к описанию дворца Аттилы. «Внутри ограды было много домов: один выстроен из досок, красиво соединенных, с резной работой; другие из тесаных и выровненных бревен, вставленных в брусья, образующие круги». Полы устланы шерстяными коврами (наверняка собственного изготовления, вспомним пазырыкские), помещения украшены занавесями (опять-таки собственной работы – Приск видел, как их расписывали узорами), надлежащей мебелью. Никакой дикости, никто не сидит на полу, не жрет мясо с коврика...

Иногда попадаются утверждения, что гунны-де за каких-то двадцать лет превратились из диких кочевников в относительно цивилизованных людей, «переняв» обычаи завоеванного ими местного населения. Только местное население, вот беда, совершенно не имело традиций деревянного зодчества. Так что гунны принесли свое умение с собой. В их поселениях, кстати, обнаруживаются, как и следовало ожидать, остатки кузниц и прочих ремесленных мастерских. А как же иначе, если на войну гунны отправлялись в весьма совершенных железных доспехах, с железным оружием?

Словом, перед нами – описание полноценного государства. О чем, кстати, пишет и упоминавшийся уже Мовсес Хоренаци (Моисей Хоренский), описывая державу гуннов как стабильное образование, не имеющее ничего общего с ордами диких кочевников.

Между прочим, отец Аттилы Роас (Руа) точно так же обитал в красивом деревянном дворце – и имел титул «римского полководца». А сам Аттила получил неплохое образование, владел латынью и греческим...

И наконец, гунны, в отличие от языческой большей частью Европы (где поклонялись камням, деревьям и холмам, сплошь и рядом принося человеческие жертвы), были приверженцы единого бога – древней религии Тенгри.

С тенгрианской верой до сих пор многое неясно – очень уж старательно ее пытаются порой сводить к примитивному шаманизму, меж тем она загадочным образом имеет много общего с христианством...

Символом Тенгри на знаменах Аттилы был *крест* (а впрочем, полезно напомнить, что само слово «хоругвь» происходит от тюркского «хоруг» – «стяг», «знамя» и переводится как «защита», «покровительство»). Собственно, Тенгри – это «небо». Но небо, если можно так выразиться, не обычное, прозаическое, с облаками и дождем, а *духовное*: верхний мир, иная реальность, дух Вселенной. В то же время Тенгри – небесный дух-хозяин, *бог-отец*.

До сих пор нет внятных объяснений по поводу чрезвычайного сходства тенгрианских обрядов с христианством. Дело не ограничивается символом-крестом. В каноны

тенгрианства входило *крещение* водой (с полным трехкратным погружением). Самым большим праздником считалось Богоявление, когда после зимнего солнцестояния день начинает прибывать, и Тенгри является миру. По некоему странному совпадению, праздник приходится на 25 декабря – как и католическое Рождество. Интересно, что у тенгрианцев полагалось в этот день приносить домой *елку*.

Второй по значению тенгрианский праздник – приход весны, 25 марта. В этот день пекли *куличи*, рядом с которыми полагалось класть крашеные яйца.

Наскальные енисейские изображения сохранили рисунки алтаря со стоящей на нем чашей, весьма похожей на используемый в христианстве *потир*. Там же – изображения священнослужителей в длинных одеждах с жезлами в руках.

Происхождение самого слова «Тенгри» – совершеннейшая загадка. Ни в тюркских, ни в монгольских, ни в иранских языках его нет. Единственная параллель обнаруживается у шумеров, где это слово в виде «денгир» означает «небо». Тут нелишне напомнить, что шумеры даже в официальной истории считаются народом, пришедшим на Ближний Восток откуда-то издалека. Считается, правда, что шумерский язык вышел из употребления за две тысячи лет до появления на исторической арене тюрков – но это по оккультристской хронологии...

Знаменитый поход Атилы в Западную Европу опять-таки мало напоминает «варварский набег». Несмотря на скудость источников, явственно прослеживаются какие-то сложные политические комбинации, связанные с плохо понятными нам реалиями того времени. Приск писал, что у внезапно умершего короля франков было два сына – и в споре за опустевший престол один искал римской поддержки, второй отправился к Аттиле...

Главной, стратегической целью тут определенно был не примитивный «грабеж». После битвы с римлянами на Каталаунском поле (которую обе стороны считали проигранной противником), Аттила встретился с папой Римским Львом I. Беседа шла с глазу на глаз, и никаких свидетельств о ней не сохранилось – кроме тех заявлений, которые потом сделал сам Аттила. Оказалось, он старался в первую очередь получить задержанную римлянами дань, а также обезопасить свои границы: отказывался впредь от любых попыток вторжения в Галлию и Италию, если Рим, в свою очередь, перестанет вести на территории гуннской державы, выражаясь современным языком, «подрывную работу». Римляне официально признали за Аттилой титул *императора гуннов*...

События, развернувшиеся чуть позже, до сих пор остаются мрачной загадкой. Совершив поход на восток и разбив своего старого неприятеля, Бактрийское государство, пятидесятивосьмилетний Аттила (уже давно вдовец) решил жениться на пленнице, бактрийской княжне, дочери тамошнего царя Ильдико...

Свадьбу устроили пышную, на ней присутствовали не только гунны, но и германцы со славянами, и император с молодой женой удалился в спальню...

Больше его живым не видели. На другой день дверь спальни оставалась запертой так долго, что приближенные забеспокоились. На стук никто не отзывался. Несколько сыновей императора и его сановники, выломав дверь топорами, ворвались в опочивальню, где обнаружили перепуганную новобрачную и мертвого Аттилу, лежавшего в луже крови...

Дело, признаться, темное. Ильдико (которую сначала хотели было прикончить, но все же оставили в живых) уверяла, что ночью у царственного супруга внезапно хлынула горлом кровь, он не велел поднимать тревогу и вскоре скончался. Врачи императора гуннов, не найдя никаких признаков насильственной смерти, посчитали ее естественной (в чем с ними согласны современные медики).

И все же... Зная умение римлян и византийцев устраивать «несчастные случаи», начинаешь испытывать подозрения – тем более что прекрасно известно об организованных в Константинополе заговорах с покушением на жизнь Атилы. Западный поход был крайне выгоден тому же Константинополю – поскольку, по сути, привел к краху Западную Римскую империю. После чего Аттила византийцам был уже не только не нужен, но и опасен... Интересно, что в ночь смерти царя гуннов византийский император Маркиан увидел «вещий

сон»: некое божество показало сломанный золотой лук. Утром, не откладывая, император рассказал приближенным о ночном видении, а еще через день пришли известия о смерти Аттилы. «Вещий сон» или точное знание? Ответа уже не доищешься...

Могила Аттилы неизвестна. По сохранившимся сведениям, тело императора положили сначала в железный гроб, символизировавший власть над гуннами, тот – в серебряный (власть над скифами), и оба – в золотой, символ господства над готами. Тройной гроб захоронили то ли в безлюдной степи, то ли на дне реки, воды которой специально отвели в сторону, а потом пустили по прежнему руслу. Все, кто участвовал в похоронах, были убиты. В гробу вместе с Аттилой якобы лежат несметные сокровища. Проверить истинность этой легенды пока что не удалось... После похорон устроили тризну – которую источники именуют *славянским* словом «страва».

А вот теперь настало самое время вернуться к «бесследно исчезнувшим» народам. Обратите внимание: Аттила словно бы и ведать не ведал, что скифам и готам полагалось бы исчезнуть – одним вообще из истории, другим из тех мест. Он преспокойно над ними *властвует*.

Я намеренно кое-что опускал из труда Приска. Дело в том, что Приск Панийский (и не он один) упорно именуется гуннов... *скифами*. И никак иначе! А где-то рядом, когда заходит речь об Аттиле и его державе, частенько маячат *сарматы*, тоже вроде бы исчезнувшие без следа...

Чрезвычайно похоже, что теория о веренице кочевых народов, якобы поголовно вырезавших предшественников, существует только в воображении позднейших историков. В реальности представляется более убедительной другая картина: помянутые народы, конечно, воевали и конфликтовали, но обитали практически *одновременно*, порой перемешиваясь и становясь жителями одной страны. Никто никого не вырезал «подчистую»...

Историки давным-давно придумали свой аргумент против подобных еретических теорий: они объявили, что летописцы прошлого просто-напросто не понимали, что и кого видели. Ну совершенно не понимали! Видели гуннов, но записывали их «скифами». Видели монголов, но по легкомыслию и недомыслию своему записывали их «татарами». И только в более поздние века, лет этак с тысячу спустя, «настоящие ученые», вооруженные «историческим методом», наконец-то разобрались, кого же *своими глазами* видели древние...

Разбирать эту теорию не стоит по причине ее полной шизофреничности: я так полагаю, Приску и его современникам было виднее. Если он пишет о скифах – значит, скифов и видел.

Крупнейший историк допетровского времени Андрей Лызлов (не то чтобы не признаваемый современными историками, но откровенно *отодвинутый* в сторону) шел еще дальше: он писал, что именно от скифов произошли татары Чингисхана и Батыя...

Точно так же, по мнению византийских историков, современников крестовых походов, скифы в то время преспокойным образом обитали в Крыму, непринужденно общаясь с генуэзцами...

А уж какую ересь порой пишут современные западные авторы... Уже упоминавшаяся Т. Райс, представьте себе, утверждает, что скифосарматское влияние в искусстве... распространилось по всей Европе и знаменитый «звериный стиль», а также другие мотивы «просочились в Скандинавию и северную Германию», «стали преобладать в искусстве Скандинавии», и... «скифо-сарматские тенденции дошли даже до самой Британии».

Следуют многочисленные примеры. «На диске, прикрепленном к выступу в центре щита из сокровищ Сайдтон-Ху (графство Суффолк. – А. Б.) изображено двуглавое существо, имеющее много общего с работами древнескифского периода».

«На папильском кресте, датируемом VIII в. или даже ранее, что находится на острове Бура, одном из Шотландских островов, изображен лев в характерной для скифского зверя настороженной позе».

«На абботсфордском кресте, что находится в Музее древнего мира в Эдинбурге, изображено животное, также отличающееся рядом скифских черт... в заостренных концах

ног просматривается сходство с оленями из Куль-Оба и Золдаломпушты и славянскими пластинками из Мартыновки».

И наконец, саксонские каменные плиты XI века *после* Р. Х. «Одна из них, первоначально находившаяся во дворце церкви св. Павла, а в настоящее время – в музее Гилдхолл в Лондоне, имеет изображение оленя с совершенно скифскими чертами».

Интересное кино. Скифы вроде бы «исчезли» многие сотни лет назад, но их стили в искусстве тщательно сохраняются даже в Британии, на северных Шотландских островах... Принято высмеивать Мурада Аджи, утверждающего, что тюрки добрались не только до Центральной Европы, но и до Британии. Но стоит только сопоставить его гипотезу с вышеизложенными фактами, пропадает всякое желание смеяться.

Кстати, древние британцы совершенно на скифский манер любили украшать себя предметами, чрезвычайно напоминающими скифские *пекторали*. Золотая шейная гривна из Снеттишема крайне напоминает скифскую – и уж совсем неотличимо от скифских украшений бронзовое ожерелье из Ститчелла (разве что не из золота, а из бронзы выполнено, но стиль тот же самый)...

Т. Райс, кстати, идет даже дальше – она прослеживает скифское влияние в скульптурных украшениях на русских церквях... XII и XIII веков! По ее мнению, вплоть до Петра I «русское декоративное искусство сохраняло многие черты скифского стиля».

Могло ли так оказаться, если бы речь шла о давным-давно «вымершем» народе? Вряд ли. Чрезвычайно похоже, что после своего «исчезновения» скифы (как и сарматы, и готы) продолжали еще долго существовать, оказывая нешуточное влияние на европейское искусство...

А германцы отчего-то считали Аттилу *своим* легендарным королем, что нашло отражение в «Песни о Нибелунгах». Что же до «напрочь исчезнувших» гуннов, то средневековые армянские историки преспокойно их обнаруживают в XIII веке, в войске чингизида Угедэя... Судя по всему, гунны чувствуют себя превосходно и вымирать вовсе не собираются.

В этой связи любопытно было бы узнать, куда подевались гуннские книги? Письменность у них *была*. Сохранились прелюбопытнейшие византийские источники, упоминающие, что некий Кардутсат, епископ Арранский, проповедовавший среди гуннов христианство, перевел несколько книг (наверняка библейских) на *гуннский* язык. Без существования гуннской письменности сделать такое решительно невозможно. А историк VI века Прокопий Кесарийский делает многозначительную оговорку: «...большинство гуннов были совершенно неграмотны». Но это означает, что меньшинство грамотным все же было! К слову, в Российской империи перед революцией *большинство* населения тоже было неграмотным – что вовсе не означает, будто в России не было письменности...

Подведем некоторые итоги. Совершенно ясно, что сказочка о длинной веренице азиатских народов, которые «сменяли» друг друга, причем всякий раз при этом «исчезали полностью», никак не может соответствовать реальному историческому процессу. Поскольку все эти народы после своей «официальной» смерти оказывали нешуточное влияние на окружающих (скифский звериный стиль, готическая архитектура), то ясно, что они продолжали пребывать в добром здравии. При этом они рождались, перемешивались, названия (именно *названия!*) менялись, а то и переходили от одного народа к другому.

И еще. Сплошь и рядом европейская историко-литературная традиция старательно *принижала* достижения помянутых народов и степень их цивилизованности (довольно высокой, порой, как мы видели, превосходившей римскую). Шло некое соревнование, в котором победил тот, чьи книги *сохранились*. Кельтам и гуннам в этом смысле решительно не повезло – впрочем, тут следует говорить не о невезении, а о чем-то другом, рукописи уничтожались сознательно и целеустремленно, как это сделал Цезарь с библиотекой в Алезии. А масса сохранившихся тюркских рун что-то очень уж медленно и нерадиво «вводится в научный оборот»... когда Рим был именно что *городищем*, а население остальной Европы, как бы это поделкатней выразиться, не могло похвастать высоким

уровнем цивилизации, то есть щеголяло в звериных шкурах, обитало в примитивных хижинах и пользовалось в основном каменными орудиями, от наконечников стрел до топоров. Да и земледелие, не говоря уж о скотоводстве, азиатские народы, опять-таки дипломатически изыясняясь, освоили чуточку раньше европейцев...

Европейская наука, естественно, изо всех сил сопротивлялась подобным утверждениям. Для просвещенных европейцев, полное впечатление, была невыносима сама мысль о том, что тюрки живут в Сибири достаточно давно и создали свою, самобытную цивилизацию. А потому, едва обнаруживается в Сибири очередной археологический памятник или письмена, в первую очередь делаются попытки связать их с «европейским», «древнеиранским» или «угро-финским» влиянием. Оттого-то тюркские руны порой и объявляются «нечитаемыми», что к ним пытаются подходить с *чужеземными* стандартами, не допуская их *местного* происхождения.

До сих пор можно столкнуться с утверждением, что тюрки стали «проникать» в Западную Сибирь с IV в. по Р. Х., а то и позднее. И были это, конечно же, *европейские* странники, или в крайнем случае ираноязычные народы.

Реальность совершенно иная. Еще три тысячелетия назад в Минусинской котловине обосновались люди так называемой карасукской культуры, предки тюркских народов. История сибирских тюрков слишком обширна, чтобы описывать ее подробно, поэтому коснусь лишь нескольких ключевых моментов, чтобы читатель, как уже обещалось ранее, понял, *откуда* родом Чингисхан...

К VI веку по Р. Х. сложилось государство, которое обычно называют Великим тюркским каганатом – но оказалось оно чересчур *рыхлым* и полным внутренних противоречий. Каганат погубили не только беспрестанные войны с китайцами, иранцами и арабами, но еще и то, что входившие в его состав народы были слишком крепкими и самобытными, чтобы жить меж собой мирно. В одной берлоге оказались даже не два, а добрая дюжина медведей, что ни к чему хорошему привести не могло...

Когда каганат распался, в «самостоятельное плавание» пустились кипчаки и кимаки, печенеги и огузы, кыргызы, хазары и болгары – имена, читателю несомненно знакомые. Уйгуры, происходившие от тюркского рода теле, оказались во главе «сепаратистов» и создали Уйгурский каганат – чистейшей воды *феодалное государство*.

В Уйгурском каганате существовали многочисленные города – Орду-Балык, Хатун-Балык, Бай-Балык. Часть населения занималась скотоводством, разводя овец, быков, верблюдов – а вот другие сеяли просо, ячмень, овес, пшеницу (с использованием искусственного орошения). Выплавляли железо, добывали золото и серебро, делали украшения, добывали шкуры пушного зверя. Уйгурский каганат держал под своим контролем один из участков Великого шелкового пути и вел широкую международную торговлю как с китайцами, так и с арабами.

В VIII веке уйгуры сменили прежнюю руническую письменность на заимствованный с Ближнего Востока алфавит, который теперь так и именуется «уйгурским» (строчки вертикальные, пишут сверху вниз). Осталось множество документов и наскальных надписей как рунами, так и уйгурской письменностью.

Именно в VIII веке в уйгурских документах впервые упоминаются *татары* – как один из народов, населявших каганат.

В 840 году уйгурская держава развалилась – опять-таки из-за войн с соседями и сепаратизма внутри. Начались внутренние распри, мятежи полководцев, к заварушке с превеликой радостью подключились китайские войска... Каганат пал.

Булгары и болгары еще раньше ушли на запад, в Европу. Первые создали свое государство на Волге, вторые, как известно, добрались до Балкан и основали там государство Болгария.

Глава пятая. От Енисея до Каспия

Оставшиеся в Сибири тюркские народы деградировать как-то не собирались. «На обломках» уйгурской державы кимаки создали свой каганат, представлявший своеобразную федерацию семи племен, в том числе кипчаков и татар.

Как и уйгуры, кимаки сочетали скотоводство с земледелием. Арабские писатели насчитывают в их землях 16 городов, расположенных главным образом на торговых путях и соответствующим образом укрепленных. По сообщениям тех же арабов, в Кимакском каганате существовал уже государственный аппарат – чиновники, собиравшие налоги и управлявшие провинциями. Именно кимаки, кроме привычных проса и ячменя, стали выращивать рис и виноград. Легко догадаться, что в их государстве существовали всевозможные ремесла. Письменных памятников после них не осталось, хотя письменность должна была быть: не зря же араб Абу Дулаф оставил примечательное сообщение: «у них растет тростник, которым они пишут».

Увы, увы... Древние азиатские библиотеки большей частью погибли. Не обязательно по злему умыслу: когда держава переставала существовать, большая их часть, конечно же, оказывалась заброшенной и потихоньку гибла сама по себе. Известен случай, когда возле одного из городов Хорезма обвалился склон холма и оказалось, что это не холм, а целое помещение, битком набитое странными книгами из лубяных полос, исписанных знаками, ничуть не похожими на арабский алфавит, только и знакомый хорезмийцам. Никто не умел этих загадочных книг прочитать, а потому их оставили там, где нашли, и они понемногу истлели. О *чьей* библиотеке идет речь, сегодня уже невозможно определить, ясно только, что это было культурное наследие одного из каганатов.

Кимаки, как и большинство тюрков, были приверженцами Тенгри. И кимаки, и кипчаки ставили многочисленные каменные изваяния – от Центральной Азии до Дона и Нижнего Днепра.

К концу X века начались те же процессы, что погубили уйгурское государство. Наступление восточных тюрков и монголоязычных племен, ослабление центральной власти, усиление кипчакского ханства, самого большого и сильного члена «федерации»...

Печенеги ушли на запад, поселившись неподалеку от Киевской Руси. Следом двинулись огузы – часть их стала известна на Руси как тюрки, другая ушла еще дальше, в Малую Азию, где позднее прославилась под именем сельджуков (к ним мы еще вернемся).

Оставшиеся стали обустраиваться уже по-своему. Свое государство, Дешт-и-Кипчак, создали кипчаки. Свое – енисейские кыргызы.

Последнему, каюсь, я симпатизирую особенно – потому что существовало оно в моих родных местах, в Минусинской котловине, более восьмисот лет, то входя в состав других государств, то сохраняя независимость. Каганат енисейских кыргызов опять-таки был построен на феодальных началах – знать строила для себя крепости и замки, судя по реконструкциям археологов, не только не уступавшие европейским аналогам, но зачастую их превосходившие. В земледелии была одна особенность: создание особо сложных оросительных систем. В Северной Хакасии и приенисейских степях сохранились остатки древних каналов, плотин, дамб, водоводов, соединяющих русла рек. Самое интересное, что уже при Советской власти, сотни лет спустя, часть этих систем без особого труда восстановили и преспокойно используют до сих пор.

Арабские и китайские авторы пишут о водяных мельницах, о добыче железа, золота и олова. Грамотность населения в каганате была довольно большой – судя по множеству рунических надписей, сохранившихся не только на скалах, но и на бытовых предметах.

Любопытная подробность из области законотворчества: человеку, уличенному в воровстве, мало того, что отсекали голову – эту голову его отец всю оставшуюся жизнь должен был носить на шее. Мера, конечно, жестокая, но она несомненно оказывала большой воспитательный эффект: наверняка, глядя на этакое зрелище, другие отцы старались воспитывать детей так, чтобы те и чужого ржавого гвоздика в карман не сунули...

История сибирских государств, как я ее здесь изложил, конечно же, предельно краткая, схематичная и далеко не полная. Но в мою задачу и не входило излагать ее подробно. Я

просто-напросто постарался доказать несложный тезис: обитавшие в Азии тюрки были не «дикими ордами кочевников», а жителями сложно организованных, самых что ни на есть настоящих *государств*: города и крепости, земледелие, оросительные системы, добыча руды и выплавка металлов, ремесла и искусства, письменность. Эти государства решительно *ни в чем* не уступали по своему развитию существовавшим в то же самое время европейским – а то и превосходили их масштабами. Европа-то веке в одиннадцатом представляла собой невероятное скопище крохотных полунезависимых феодальных владений, где не имелось ничего похожего на то, что в тюркских языках именуется «эль» – сильная державность, твердая государственность. Нелишне будет вспомнить, как чувствовал себя французский король в стольном граде Париже (величиной уступавшем многим азиатским городам): перед тем как отправиться куда-то, он осторожно приоткрывал парижские городские ворота и тщательнейшим образом озирался, чтобы, не дай бог, не случилось какой неприятности – под самым Парижем некий вольный барон построил разбойничий замок и непринужденно развлекался на больших дорогах в двух шагах от столицы, без малейшего почтения к королевской власти. То еще позорище, надо полагать...

Позже, под напором монголоязычных племен, рухнуло и государство енисейских кыргызов. Принято считать, что этими племенами как раз и предводительствовал «монгол» Чингисхан, но мы будем придерживаться другой версии...

Повторяю на всякий случай: все народы, которые я перечислял, все создатели каганатов – не монголоиды, а *тюрки*, то есть люди вполне европейского облика, сплошь и рядом светлоглазые и светловолосые. Разумеется, из-за контактов с монголо-язычными племенами среди них неминуемо должно было присутствовать некоторое количество «раскосых», но вряд ли слишком большое. Вот, например, в свое время венгерский антрополог Т. Тот, изучавший погребения Аварского каганата с целью выявления доли монголоидов, таковых обнаружил лишь семь с небольшим процентов...

Итак, X-XIII столетия от Рождества Христова. Время интереснейшее, сложное, насыщенное самыми разнообразными загадками.

Вот одна из них (чтобы отвлечь читателя от некоторой наукообразности повествования).

Знаменитый арабский путешественник Ахмед Ибн Фадлан, в 922 году ездивший к волжским булгарам, оставил описание таинственного зверя, обитающего в тех местах...

«...Обширная дикая местность, о которой рассказывают, что в ней есть животное, по величине меньшее, чем верблюд, но больше быка. Голова его – голова верблюда, а хвост его – хвост быка, тело его – тело мула, копыта его подобны копытам быка. У него посреди головы один толстый круглый рог. По мере того как он возвышается, он становится все тоньше, пока не сделается подобным наконечнику копья. Из рогов некоторые имеют в длину от 3 локтей до 5 локтей, больше или меньше этого. Оно питается листьями дерева халандж, имеющими превосходную зелень. Когда оно увидит всадника, то направляется к нему, и если под ним рысак, то он спасается от него с трудом, а если оно догонит всадника, то оно хватает его своим рогом со спины его лошади, потом подбрасывает его в воздух и вновь подхватывает своим рогом, и не перестает делать таким образом, пока не убьет его. А лошади оно ничем не вредит, никоим образом и никоим способом. И они преследуют его в диких местах и лесах, чтобы убить его. А это делается так, что они влезают на высокие деревья, между которыми животное находится. Для этого собирается несколько стрелков с отравленными стрелами, и когда оно окажется между ними, то стреляют в него, пока не изранят его и не убьют. Право же, я видел у царя три больших миски, похожих на йеменский оникс, о которых он мне сообщил, что они сделаны из основания рога этого животного. Некоторые из жителей этой страны утверждают, что это носорог».

Сказка? Но в том-то и штука, что ученому миру это животное прекрасно известно. Перед нами – эласмотерий, обитавший когда-то в Сибири. И рог у него в самом деле находился не на конце морды, как у носорога, а «посреди головы». Тут, правда, два нюанса: во-первых, эласмотерий начисто вымер миллионы лет назад, во-вторых, ростом он был

больше слона. Однако некоторые еретики от палеонтологии считают, что зверюга могла дожить «до появления человека» – чуточку при этом измельчав. Тунгусы, кстати, сохранили в своем древнем фольклоре память о каком-то «черном быке-единороге».

Кстати, у болгар Ибн Фадлан видел еще огромную змею, длиной и толщиной схожую с поваленным деревом. Тут самое время вспомнить, что герои древнерусских былин порой азартно сражаются как раз с исполинскими змеями. Араб, правда, пишет, что эта тварь на людей специально не нападает – но подобная змеища непременно разозлится не на шутку, когда вокруг нее начнет мельтешить богатырь в кольчуге и пырять молодецким копьём...

Теперь – о делах более серьезных.

Довольно долго неподалеку от Руси существовал Хазарский каганат, основанный выходцами из Великой Степи, ушедшими на запад после распада Уйгурской державы. Естественно, самый настоящий эль – города, крепости, засеянные поля, кузницы и ювелирные мастерские, письменность...

Этому государству в отечественной историографии не везло особенно, прямо-таки по-черному. Его сплошь и рядом и государством-то признавать отказывались: так, бродячий сброд... Иные ученые мужи бестрепетно именовали Хазарию «паразитической» – потому что она всюю пользовалась выгодами своего положения, располагаясь на оживленных торговых путях своего времени: устраивала ярмарки, склады, постоянные дворы, словом имела свой процент.

Замечу по этому поводу: вот если бы хазары старательно *грабили* проезжающих купцов, они и в самом деле могли бы считаться «паразитами». Однако торговый посредник, устроитель ярмарки, постоялого двора, удобного торгового пути такого определения безусловно не заслуживает.

А если учесть, что часть хазарской знати в те же времена имела неосторожность принять иудаизм, легко представить, что творилось в умах иных ревнителей Святой Руси: тут вам и форпост сионизма у славянских рубежей, и коварство жидомасонов, «пробравшихся» аж на Волгу с понятными замыслами...

Вот только дело приобретает особенную пикантность, когда появляется возможность выдвинуть гипотезу, что хазары со славянами находились в достаточно близком родстве... По крайней мере, так еще в XVIII веке писал Татищев, основываясь на каких-то утраченных ныне материалах. Более того, согласно его изысканиям, и обосновавшиеся в Киеве иудеи говорили не на иврите, а на... славянском языке.

На самом деле никакие такие палестинские евреи в Хазарию не «пробирались» – часть *местного* населения приняла иудаизм, вот и все. В архивах Западной Европы сохранилась переписка европейских евреев с хазарами: ученые раввины, прослышав об обитающих на Волге единоверцах, интересовались, не есть ли это то самое загадочно пропавшее «тринадцатое колено»? (У евреев было тринадцать родов-«колен», но одно из них куда-то таинственно запропастилось еще в давние-предавние времена. Где его только ни искали, даже среди американских индейцев...)

Однако хазары так и отписали в Европу: местные мы, местные, ниоткуда не приходили, разве что из Азии. *Веру* приняли, и не более того...

Кстати, именно у хазар славяне заимствовали столь полезное оружие, как сабли и кистени. Впоследствии хазарам наверняка долго от этого икалось. Дело в том, что их держава, полторы сотни лет процветавшая, потом оказалась меж трех огней. Из Азии после очередных тамошних политических потрясений переселились печенеги – и, ничуть не смущаясь тем, что приходится хазарам дальними родственниками, начали их жечь и грабить со всем усердием. Объявились и сорванные с места теми же азиатскими потрясениями огузы – и тоже весьма заинтересовались хазарским добром. Наконец, усилилась Киевская Русь – и ее *каган* Святослав решил однажды, что двум медведям в одной берлоге как-то тесновато... Короче говоря, кончилось все тем, что русские дружины разгромили Хазарию, захватили часть ее территории и перехватили под свою руку тех данников, которых до того крышевали хазары. Остатки Хазарского каганата подобрал с превеликой радостью Хорезм – ну и огузы с

печенегами подсуетились, подхватив все, что удалось...

Далее начинается обычная *придурь* историков касаясь бесследных «исчезновений» целых народов. Вновь стали утверждать, что хазар полностью «вытеснили» печенеги, после чего хазары «исчезли» – а там печенегов «вытеснили» половцы, и печенеги, не вынеся такого удара, от огорчения опять-таки исчезли до последнего человека...

В реальности хазары еще как минимум пару столетий продолжали жить-поживать, уже без прежней роскоши, конечно, и только потом не «исчезли», а попросту смешались с окружающими народами, превосходившими их численностью и силой. Еще в летописи 1203 года написано, что князь Мстислав, отправившись войной на князя Ярослава, взял с собой *хазар*.

После крушения Хазарии какое-то время в степи благоденствовали печенеги, с которыми опять-таки связана интересная загадка Древней Руси. Я имею в виду классический эпизод из «Повести временных лет». Когда печенеги впервые осадили Киев, князь Святослав воевал где-то в отдалении. К нему решили послать гонца, чтобы доложить о бедственном положении столицы. Некий храбрый юноша, взяв уздечку, слез со стены и отправился бродить по печенежскому лагерю, спрашивая, не видел ли кто его коня? Так он добрался до реки, переплыл ее и невредимым добежал до Святославовой дружины, каковая немедленно нагрянула и печенегов прогнала...

А теперь задумаемся. Чтобы печенеги не пристукнули сразу дерзкого лазутчика, а позволили ему долго шляться по лагерю в поисках якобы пропавшего коня, сей юноша должен был:

- а) не отличаться от печенегов внешностью;
- б) не отличаться от печенегов одеждой;
- в) говорить по-печенежски настолько хорошо, чтобы в нем не распознали чужака.

А ведь печенеги, как в летописи утверждается, появились на Руси *впервые*. Даже если летописец ошибся, что-то напутал, и это был не первый, а, скажем, десятый раз, все равно – как насчет внешности, одежды и владения языком? Ведь получается, что юный киевлянин нисколько от печенегов не отличался ни обликом, ни одеждой... (проистекающие отсюда выводы – в конце книги).

Печенеги сплошь и рядом предстают в русских источниках как лютые супостаты, только тем и озабоченные, как бы побольше навредить Святой Руси. На деле все сложнее: еще Святослав в союзе с печенегами, случалось, ходил на византийцев. *Каган* Ярополк, сын Святослава, некоторых печенежских вождей обложил данью, а других зачислил на службу. Уже при *кагане* Владимире печенежские князья Метигай и Кучюг приняли в Киеве крещение.

(Вот тут, как говорится, возможны варианты. Не исключено, что они не «крестились», а попросту, живя в Киеве, старательно исполняли церемонии тенгрианской веры. Которая, напоминая, включала в себя и почитание креста, и крещение водой, и еще многое, сближающее ее с христианством. Сближающее настолько, что порой закрадывается подозрение: учитывая, сколь скудны сведения о крещении Руси и как они друг другу противоречат, быть может, не Владимир печенегов в христианство крестил, а *сам* принял тенгрианскую веру? Существующие описания крещения Киева этому, между прочим, нисколько не противоречат: ведь, собственно, что мы наблюдаем? Крещение в воде и воздвижение креста, и не более того. А это, знаете ли, и к тенгрианскому крещению могло относиться...)

А что до разбоев – то русские князья, как нам ни неприятно вспоминать, в этом плане мало чем отличались от «диких печенегов». Совершенно неважно, подлинник или фальсификат «Слово о полку Игореве». Главное – оно описывает грабительский *набег русских* на половцев, а не наоборот.

Вот вам еще примечательный абзац из современной исторической книги: «В следующем году по просьбе владимирского великого князя Василько отправился в военный поход. Мария с печалью его проводила, поскольку ждала появления на свет второго ребенка.

Но все прошло благополучно. Князьям удалось захватить и сжечь мордовский город Серенск и с богатой добычей вернуться домой».

Мило и непринужденно. Когда *нам* удастся спалить дотла и вдоволь пограбить соседа, это – дело житейское. Но вот ежели на *нас* совершит грабительский набег какая-нибудь печенежская морда, то это, разумеется, жуткое непотребство.

Разумеется, нет оснований говорить об «исконно русском» двуличии. Подобная психология свойственна всем без исключения народам. Вот, скажем, целый пласт английской приключенческой литературы (и не только английской) посвящен тому, как лихо английские *пираты* вроде галантного капитана Блада грабят испанские города и корабли (кстати, при полном отсутствии адекватных мер с испанской стороны). Но вот ежели, не дай бог, испанцы такого пирата изловят и посадят, то они, естественно, предстают извергами рода человеческого...

Вспомним, кстати, начало классического романа Хаггарда «Прекрасная Маргарет». Главный герой гуляет по родному Лондону с кузиной, которую пьяный солдат из свиты испанского посла спьяну облапил и попытался поцеловать. Хулиганство, конечно. Но ответ больно уж неадекватный: наш герой с ходу насмерть убивает хама дубиной, с его мечом кидается на остальных, ни в каком хулиганстве не повинных, причем громогласно призывает земляков «истребить испанских собак» (при том, что покойный нахал и не испанец вовсе, а шотландец на испанской службе). И перед королевским дворцом едва не начинается резня, которую предотвращает, к слову, испанец. Главный герой, напоминая, положительный. Такова тенденция у британской литературы: испанец – вечный супостат и исчадие ада, а земляк-англичанин, что бы ни творил – рыцарь и светоч добродетели...

Но вернемся в южнорусские просторы. В 1036 году князь Ярослав нанес печенегам сокрушительное поражение, после которого они никогда больше не оправились – одни откочевали подальше и в конце концов смешались с окружающими тюрками, другие остались на русской службе (где, надо полагать, тут и к бабке не ходи, смешались уже с русскими. А как же иначе? Не «исчезли» же волшебным образом?)

Почти в то же время объявились тюрки-огузы, но с ними покончили довольно быстро, часть перешла в македонские области Византии, часть осталась служить в русских пограничных крепостях (и тоже, надо полагать, смешалась с русскими).

И наконец, появляются половцы, которым опять-таки чертовски не повезло с пиарщиками. Как водится, и половцев тоже сплошь и рядом объявляют «дикой кочевой ордой». Стандартный набор: и шубы у них из мышиных шкур, и писают-то они прямо с коня, и мясо сырым жрут по дикости своей...

Вот только половцы, наследники азиатских каганатов, едва обжившись на новом месте, начали активнейшим образом налаживать именно что оседлую жизнь. Рассказывая об одном из походов русских на половцев, Андрей Лызлов в своей «Скифийской истории» преспокойнейшим образом пишет, что были разрушены «*города, и крепости, и деревни половецкие*». Впрочем, и нынешние историки порой раздобьются до того, что скрепя сердце признают за половцами занятия земледелием – но, полное впечатление, сквозь зубы цедят: «начатки» земледелия, «своеобразные степные городки». То есть – как бы и не настоящие города вовсе, а так... своеобразные.

Меж тем, судя по сохранившимся описаниям, штурмом взятые киевскими дружинами половецкие Шарукань и Сугров – самые настоящие *города*...

У русских князей появляется новый национальный интерес – использовать половцев в своих междоусобных распрях. Те и рады стараться – чего ж воротить рыло, коли сами приглашают? А потому упоминаний об участии половцев в раздорах князей столько, что и сосчитать невозможно. Впрочем, кое-какие вычисления все же велись. П. В. Голубовский определил: с 1061 по 1210 год половцы совершили 46 больших походов на Русь исключительно по собственной инициативе – и за это же время 34 раза участвовали в качестве наемников в междоусобных княжеских войнах... Особенно тесные связи с половцами наладило Черниговское княжество, но и другие, имевшие к тому возможность,

старались всюду.

Несмотря на взаимные набеги и грабежи, с некоторой долей цинизма можно, пожалуй, сказать, что перед нами – нечто, носящее явные признаки не навязываемой сверху, как это бывало в СССР, а самой что ни на есть искренней «дружбы народов». В смысле пограбить половцы, конечно, своего не упустят (правда, по подсчетам современных историков, их набеги за все время затронули не больше одной пятнадцатой части русской территории). Но точно так же не упустят случая прогуляться за добычей русские князья. Половецкая земля сплошь и рядом принимает крещение (или попросту соблюдает обряды тенгрианства, что не ушло от внимания русских), русские князья охотно женятся на знатных половецких красавицах...

А на Руси тем временем крепнет то, что принято именовать классической феодальной раздробленностью. Князья жгут друг у друга города, не щадя ни церквей, ни монастырей, рязанцы весело ловят суздальцев и продают их в рабство, стараясь не продешевить, киевляне так же поступают с галичанами...

И, что интересно, в Константинополе еще в середине X века император и по совместительству писатель Константин Багрянородный, словно бы не замечая полного исчезновения с исторической арены скифов и гуннов, усматривает таковых... в войске киевского князя Святослава. Ну не читал человек в десятом веке современных «правильных» историков, что ты тут поделаешь! Что видел своими глазами, то и в книжку писал...

Итак, на Руси, что греха таить, наблюдается нечто больше всего похожее на пожар в сумасшедшем доме во время наводнения.

И тут войной на половцев идут воины Чингисхана. И впервые слышен грохот копыт его коня...

Глава шестая. Потомок волка

Сомневаться в реальности Чингисхана, в том, что он когда-то жил на свете, водил войска, составлял законы, нет смысла. Как нет смысла сегодня изображать дело так, будто «под именем» Чингисхана скрывался какой-нибудь русский князь. К превеликому сожалению, *настоящая* Киевская Русь, нравится это любителям версий о «мировой русской истории» или нет, была не более чем скопищем крохотных феодальных владений, не имевшим никаких возможностей к тому, чтобы распространиться на парочку континентов...

Так что будем исходить из того, что Чингисхан был. Был именно что Чингисханом...

А вот *монголом* он, безусловно, не был. Речь, конечно же, идет о *тюрке*.

Настоящие, а не сказочные монголы к XIII веку имели еще меньше возможностей к тому, чтобы создать ту великую империю, которую им склонны приписывать. Потому что, глядя правде в глаза, представляли собой не более чем рыхлое скопище *племен* (степных кочевников и лесных охотников). Легко сочинять красивые сказки: про то, как эти *классические* кочевники-скотоводы однажды, неведомо с какого перепугу, решили завоевать и ограбить весь окружающий мир до «последнего моря». Отыскали «среди здесь» подходящего мужичка, провозгласили его главным предводителем и за считанные годы захватили полмира...

В реальной жизни таких чудес не бывает, поскольку жизнью правят не романтические фантазии, а упрямые экономические законы. Быть может, неким степным мечтателям и впрямь грезилось после сытного обеда, как они грабят богатого соседа, обитающего не в юртах, а в городах. Но тут можно вспомнить фразу из классического анекдота: съест-то он съест, но кто ж ему даст?!

Чтобы совершить более-менее масштабные завоевания, нужна не просто «большая орда», а хорошо организованная армия с соответствующим вооружением. Поскольку у монголов не было ровным счетом никаких традиций *государственности*, они оказались бы решительно неспособны в кратчайшие сроки эту армию создать. А убогие *экономические* возможности ни за что не позволили бы эту армию вооружить должным образом – на мясо,

шкуры, сыр и молоко, будь ты хоть владелец тысячных стад, ни за что не выменяешь должного количества доспехов и оружия. Которые к тому же требуют постоянного ухода и починки – а ведь у средневековых монголов не замечено искусства обработки металлов...

Разбой и грабеж – идея, в общем, заманчивая. Но трудно представить себе разбросанные на огромной территории племена, которые внезапно, в едином порыве, воодушевились бы этой идеей и возопили, как один человек: айда, ребята, горожан потрошить! Реальные кочевые племена, например современные пуштуны, ведут более скромный образ жизни. О каких-то единичных разбойничьих набегах кочевников, осуществленных небольшими силами какого-то конкретного рода, племени, колена, еще имеет смысл говорить, примеров в истории достаточно – но, повторяю, большую организованную армию может собрать лишь предводитель, имеющий традиции государственности и обладающий неким *аппаратом*, способным воздействовать на население определенной территории.

Одним словом, мы вплотную подошли к простому, чуть ли не примитивному вопросу: а *кто* у нас к XIII веку в Азии обладал опытом государственного строительства, создания профессиональной армии, управленческого аппарата, организации больших масс людей на военные или «народнохозяйственные» проекты?

Ответ и искать не нужно, он лежит на поверхности.

Конечно же, *тюрки*. Имевшие за плечами многовековой опыт каганатов, опыт государственности, *эль*. Богатейший опыт!

Насколько с точки зрения реальной экономики, военной истории, техники и политики самым что ни на есть сомнительнейшим кандидатом на роль объединителей Великой Степи предстают монголы, настолько же подходящим – тюрки.

Не имеющие, напоминаю, никакого отношения к монголоидной расе. Старые китайские книги внешность тюрков оценивают однозначно: «голубые глаза и светлые волосы»; «они вообще рослые, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком»; «их жители телом все высоки и велики, с красными волосами, с зелеными глазами».

Казахский ученый О. Исмагулов (1977 г.): «У истоков древнего населения Казахстана... находится хорошо отличающийся, ярко выраженный европеоидный тип без какой-либо монголоидной примеси».

А меж тем древние источники рисуют Чингисхана высоким, длиннорылым, с «рысьими» зелено-желтыми глазами! *Современник* Чингиса, персидский историк Рашид Ад-Дин писал, что в роду Чингисхана дети «рождались большей частью с серыми глазами и белокурые». Согласно «монгольской» легенде, Бодуаньчар, предок Чингисхана в девятом колене – белокурый и голубоглазый. К чему тот же Рашид Ад-Дин добавляет: родовое имя «Борджигин», которое носили потомки Бодуаньчара, как раз и означает «Сероглазый».

Перед нами, таким образом, никакой не монгол, а обычный тюрк. Знатный представитель старинного рода, не гонявшего скот по степям, а имевшего тот самый многовековой опыт государственного строительства. Наследник *эль*, былых каганатов. У *такого* человека, естественно, есть откуда взяться опыту создания армии, государства, писаных законов. И экономические возможности имеются – во всех каганатах были свои «промышленные центры». Для *тюрка* Чингисхана создание нового государства было не каким-то экзотическим экспериментом, а делом самым что ни на есть обычным, которым на протяжении долгих столетий занимались его предки. Можно ли сказать о русских казаках, завоевывавших Сибирь, что они были «кочевниками»? Никтоим образом. За спиной у них, вдалеке, имелась *держава*, которая их отправляла в походы. Точно так же обстояло и с Чингисханом.

Можно допустить, что моментально зазвучат протестующие возгласы: как же так, ведь существуют обстоятельные монгольские источники, относящиеся к тому времени!

Ну что ж, давайте подробно изучим эти источники – и не средневековые, и, очень похоже, не монгольские вовсе...

Собственно *монгольская* письменность сложилась только в XVII веке. Так что никаких «современных Чингисхану» монгольских летописей в природе не существует. Есть на свете два варианта «древней монгольской истории»: «Сокровенное сказание» и «Алтан тобчи». Давайте присмотримся...

«Сокровенное сказание» (представляющее собой лишь *часть* книги «Алтан тобчи»), или, на китайский манер, «Юань-чао би-ши», объявилось только в *девятнадцатом* столетии. В 1841 году китайский ученый Чжан Му составил сборник редких старинных сочинений, в 1848 году напечатал его – и это-то *печатное* издание и попало в руки к знаменитому китаеведу Палладию Кафарову, привезшему его в Россию.

Никаких *оригиналов* «Сокровенного сказания», никаких более-менее старых рукописей обнаружить так и не удалось. Самая «древняя» рукопись относится опять-таки к первой трети девятнадцатого столетия...

С «Алтан тобчи» обстоит еще интереснее. Начнем с того, что даже сегодня неизвестно, что же, собственно говоря, это название означает. «Алтан» – «золотой», тут нет никакой головоломки. А вот «тобчи»... Это слово переводят и как «сокращенное содержание» и как «пуговица», и как «ружейная пуля».

История явления миру «Алтан тобчи» достаточно примечательна. В одна тысяча девятьсот двадцать шестом году председатель Ученого комитета Монгольской Народной Республики Джамьян-гун, отправившись отдохнуть, обнаружил в юрте молодого монгола из старинного рода единственный известный ныне экземпляр рукописи – и после долгих уговоров заполучил эту ценность для науки.

Оговорюсь сразу: хотя по поводу этой находки можно выдвигать, согласитесь, самые разные, деликатно выражаясь, версии, лично я нисколько не ставлю под сомнение порядочность Джамьян-гуна. Будем исходить из того, что он эту рукопись действительно *нашел* в юрте.

А вот рукопись сама по себе... Впрочем, слово авторам предисловия к изданию, осуществленному издательством «Наука».

«Уникальная рукопись ее, хранящаяся в Государственной библиотеке МНР, судя по некоторым палеографическим признакам, может считаться списком XVIII в. Однако вопросы монгольской палеографии еще недостаточно разработаны, поэтому установить дату списка можно только приблизительно. Впервые датировку списка рукописи предложил Ц. Жамцарано на основании почерка, который он назвал "канцелярским, XVIII века". Почерк этот вполне четкий и легко читается. Список написан тонкой камышинкой, черными чернилами на китайской бумаге. По мнению Х. Пэрлээ, такой способ письма был распространен в Халхе во второй половине XVIII века, что совпадает с выдвинутой Ц. Жамцарано датировкой списка. Никто из последующих исследователей летописи эту датировку не оспаривал».

Иными словами, перед нами манускрипт, написанный *неизвестно когда*, как, в общем, признают сами авторы вышеприведенного абзаца. Но даже если она и впрямь относится к XVIII веку, то, как легко подсчитать, отстоит от времени Чингисхана на пятьсот с лишним лет, а потому в роли «достоверного исторического источника» смотрится бледно – и это еще мягко сказано.

Что характерно, на протяжении *сорока* страниц предисловия старательно обходится вопрос: на *каком* же, собственно, языке рукопись написана? Прямо это так и не сказано – а приведенные образцы букв ясности не вносят, совершенно непонятно по двум скудным примерам, древний ли это уйгурский или более поздний монгольский? Упоминается вскользь, что «на китайском» – и на том спасибо... Зато в том же предисловии пара страниц отведена гаданиям на тему того, на каком же языке были написаны древние оригиналы, которых никто не видел: на уйгурском или китайском? Поскольку «древние оригиналы» в природе не существуют, это именно гадания...

Написал «Алтан тобчи» *вроде бы* ученый лама Лубсан Дан-зан. Повествующая о нем фраза предисловия столь прелестна, что я приведу ее целиком: «Не останавливая своего

внимания на более детальном определении того, кем был Лубсан Данзан, о котором достоверно ничего не известно, Ц. Жамцарано, тем не менее, в примечании указал, что Лубсан Данзан был также автором сочинения „Описание горы Утай“».

Господи ты боже мой, ну не в состоянии я, темный, понять логику этих шаманов, именуемых историками! «Достоверно ничего не известно» об этом самом Лубсане – но в то же время именно он считается автором «Описания горы Утай». Почему? «Я так думаю!» – сказал приятель Мимино, блестяще сыгранный Фрунзиком Мкртчяном...

Кстати, а почему именно Лубсан Данзан считается и автором «Алтан тобчи»? Да исключительно оттого, что историкам больше *некого* оказалось привлечь. Оглянувшись и поскребя по сусекам, они вспомнили, что в конце XVII – начале XVIII века жил и творил лама Лубсан Данзан, писатель и переводчик. Значит, он и написал. Почему? А потому, что некому больше. Вы не поверите, вы будете смеяться, но примерно так и излагается...

Правда, вскоре дело окончательно запуталось. Два пытливых историка обнаружили еще *одного* Лубсана Данзана – тоже лама, тоже ученый книжник, жил примерно в то же время. И вот уже много лет увлеченно дискутируют: который именно из двух Лубсанов написал «Алтан тобчи»?

Еще о датировке: «Указанный В. Хейссыгом год создания летописи, по его собственному признанию, был установлен им в результате "тщательного обдумывания". Это означает в переводе на язык нормальных людей, что *точную* датировку историки сделать не в состоянии, привязаться не к чему, годы жизни упоминаемых в рукописи монгольских князей XVII в. известны лишь приблизительно, так что, как водится в ученом мире, остается с грехом пополам *договориться*, то есть выбрать самую пристойную версию из кучи... гм, менее пристойных и уповать на «дальнейшие исследования», которые, мол, непременно внесут когда-нибудь совершеннейшую ясность.

И наконец, самое существенное. «Алтан тобчи» – вовсе *не историческая хроника* времен Чингисхана. Большею частью это – чисто лаамистские сочинения более позднего времени: рассказ о возникновении человека, о происхождении индийских и тибетских царей, о тех или иных буддистских догматах. О *самом* Чингисхане, его походах и свершениях сказано гораздо меньше, да и подход весьма своеобразен...

«Следует отметить одну интересную особенность монгольских летописей XVII века. Биография Чингисхана, особенно описание событий его юности, его борьбы с владыками монгольских племен, его деятельности как объединителя монголов, занимает в летописях много места; рассказ же о завоевательных походах всегда чрезвычайно краток. В большинстве случаев летописцы упоминают только названия завоеванных стран. Сведения о военных походах для летописцев XVII в. уже были утеряны, да и в памяти народной их не сохранилось, потому что монголы, совершавшие походы, расселялись по чужим завоеванным странам, а вернувшиеся из походов в Монголию были вовлечены в новые войны. Деятельность же Чингисхана как создателя государства монголов была, с точки зрения летописца, привлекательной и заслуживающей особенного внимания».

Это, простите за резкость, не ученый комментарий, а наглядное пособие к учебнику «Лечение психических болезней». Нужно же и меру знать, думать, что пишешь...

Если монголы «расселились» по завоеванным странам так, что и некому было передать оставшимся на родине сведений о военных походах, то каким же образом сохранились гораздо более *ранние* сообщения о *начале* деятельности Чингисхана? В те времена, когда он вроде бы был ничем не примечательным юнцом? Как-то предельно странно получается: о юности Чингисхана известно достаточно, о его первых шагах по созданию *небольшого* государства – достаточно, а вот от самых славных, масштабных дел, от покорения многих могучих царств, остался только краткий список названий?!

Простите, так не бывает. Случается как раз наоборот... Невозможно себе представить толстый том биографии Наполеона, в котором страниц пятьсот отведено его юношеским годам, учебе в военной школе, службе артиллерийским поручиком – и только на последней страничке, скороговоркой, упомянуто: «Бонапарт ходил войной на Германию, Италию,

Испанию, Австрию, Россию».

Не забудьте: нам старательно *впаривают*, что очень долго именно в *Монголии* существовал стольный град наследников Чингисхана Каракорум, не только административный, но и культурный центр, где жило много ученых книжников. Как же так получилось, что обладавшие таким культурным центром монголы ухитрились начисто забыть подробности завоеваний Чингисхана, сохранив лишь «названия завоеванных стран»?

Все мгновенно становится на свои места, если вернуться к тому, что Чингисхан никакой не монгол, а тюрк. Скучность *монгольских* сведений о нем получает простое и логичное объяснение: поскольку монголы не принимали никакого участия в свершениях Чингисхана, то и сведения о них имели самые общие. Кто бы специально посылал людей в монгольские кочевья, чтобы читать им лекции о достижениях соседей-тюрков? И только несколькими столетиями позже, когда у монголов завелась своя письменность и свои книжники, было написано чисто *литературное* произведение, имеющее мало общего с реальной историей.

Не просто беллетристика, а еще и «социальный заказ». Почему «Лубсан Данзан» (или кто он там) уделил непропорционально много места именно юности Чингисхана и его трудам по созданию государства, с простодушным цинизмом объясняется в том самом предисловии: «Что заставило автора столь много рассказать о Чингисе, изложить сведения из "Секретной истории монголов", собрать рассказы и легенды о нем, использовать приписываемые ему изречения? Вопросы эти правомерны, и ответ на них следует искать в той исторической обстановке, в которой жил и творил Лубсан Данзан. Только что кончилась неудачей последняя попытка объединения разрозненных монгольских княжеств ⁶ Лэгден-хаганом, погибшим в кукунорских степях, куда он бежал под напором маньчжуров. Одно за другим монгольские княжества попадали под власть Маньчжурской династии, агрессивные действия которой против монголов все усиливались. В этой напряженной обстановке и создавалась летопись, основной целью которой была пропаганда идеи объединения монгольских княжеств, а для этого удобным и ярким приемом было обращение к прошлому, когда из разрозненных племен создавалось единое монгольское государство».

Уяснили? Черным по белому признается, что перед нами не «летопись», а сочиненная на потребу сиюминутным интересам политическая агитка... Публицистика. Беллетристика. Так что следа исторической достоверности нет уже ни малейшего.

Ну, а кроме того, «удобным и ярким приемом» было, конечно же, объявление великого Чингисхана *монголом*. В политических целях с выдающимися деятелями прошлого и не такие финты проделывали, благо защититься они были уже не в состоянии...

Нужно уяснить себе как следует: то, что Чингисхан – монгол, утверждается *только* в «Сокровенном сказании» и «Алтан тобчи». Всего-навсего в двух неизвестно кем написанных книгах, появившихся в обращении спустя многие сотни лет после событий...

Ход, в истории известный, – вспомним, что Александра Македонского пытались сделать «своим» аж тридцать народов, и это далеко не единственный пример...

Мы имеем дело именно что с литературой, со сказкой. Как Александра Македонского мифологическая традиция превратила в сына бога Зевса, так и Чингисхан предстает прямо-таки сказочным героем: по одному из вариантов, он родился от волка и бурой лани, по второму – упомянутый волк (мифический предок – покровитель тюрков) превратился в луч света, оплодотворивший мать Чингиса Алангоа...

Чистой воды литературщина – и рассказ о детстве-юности Чингисхана со старательно нагнетаемыми страстями: еще в детском возрасте будущий великий завоеватель беспризорником скитается по чащобам, питаясь сусликами и диким чесноком, потом его, подростка, захватывают враги, напялив колодку, определяют в рабство, откуда он сбегает и

⁶ Иными словами, и в XVII в. *реальная* Монголия еще пребывала в состоянии самой пошлой раздробленности.

благодаря природным дарованиям в кратчайшие сроки становится правителем над многими народами...

В *реальной* Великой Степи подобная головокружительная карьера была бы попросту невозможна. Там был свой уклад жизни, достаточно сложный, освященный многовековыми традициями. У юного бесприютного бродяги не было никаких шансов стать великим ханом...

Кстати, нам растолковывают, что само имя «Чингисхан» в переводе означает «Океан-хан». Откуда бы такие словечки у *монголов*? А вот тюрки, повидавшие и Каспий, и Черное море, и Атлантику, такое имя своему правителю вполне могли дать...

В общем, по моему глубокому убеждению, следы реальной биографии Чингисхана следует искать не на востоке, в Китае и Монголии, а как раз *на западе*.

В первую очередь я обратился к «Скифской истории» Андрея Лызлова. Мотивировка проста: если кто-то считает вполне достоверным историческим источником сочинение Данзана, отчего таковым не может быть написанная примерно в то же время книга Лызлова, опиравшегося, к слову, на массу исторических трудов – русских, польских, итальянских? Нет уж, элементарная логика требует оба сочинения уравнивать в статусе...

Сведения о Чингисхане у Лызлова, прямо скажем, скуднейшие – но гораздо более реалистические, нежели китайское баснословие, написанное неизвестно когда неведомо на каком языке...

Никаких «монголов» у Лызлова, разумеется, нет – только *татары*. «Татары же, называемые еще Заволжская орда, обитают по той же реке Волге ниже болгарских границ даже до моря Каспийского».

Болгары имеются в виду, разумеется, не балканские, а волжские. Обратите внимание на слово «даже»: Каспийское море – крайний восточный рубеж Заволжской орды. Какая там, к дьяволу, Монголия... Татары, по Лызлову, «пришли из пустыней, отстоящих к китайским странам». Под «Китаем» имеется в виду вовсе не современный Китай, а какие-то среднеазиатские области. *Нынешний* Китай Лызлов, как было принято в его время, наверняка назвал бы «Чина».

«И начали жить около великих рек Камы и Яика». Далее уточняется, что татары – «единоправны» с волжскими болгарями. Ну разумеется! И те и другие – тюрки, что в особых доказательствах не нуждается.

«Иностранные же историки называют страну ту Заволжская орда, яко Гваньини пишет, глаголя: Орда татар заволжских названа есть от реки Волги, за нею же обитали; граничится та страна от востока морем Хвалиским». Гваньини – итальянский историк (1538–1614), автор «Хроники Сарматии Европейской», откуда Лызлов многое почерпнул. Хвалиское море – Каспийское.

А вот и Чингисхан – здесь же, в Заволжской орде!

«А о начале своем те ордынцы повествуют так. Якобы в тех странах, откуда они пришли, жила некая вдова знатного рода. Она некогда от прелюбодеяния породила сына по имени Цынгис, коего старшие сыновья, как незаконно рожденного, хотели убить. Вдова же, обращая вину свою к себе в оправдание, сказала: "От лучей солнечных зачала я сына"».

Здесь до Лызлова явно дошли сказания об Алангоа, оплодотворенной солнечным лучом. «Цынгис» – это, конечно же, Чингисхан. О котором Лызлов далее пишет: «И сын той вдовы, войдя в зрелый возраст, Заволжскую орду распространил и умножил, и множеством жителей, и дел мужественных деянием, и самого края изобилием едва ли не все тамошние орды превзойдя. Народ тот, мужеством превосходя все дикие поля, воинскими делами славу свою размножил».

Как видим, никаких монголов нет и в помине. Татары-тюрки в свое время переселились к Волге и Каспию. Первоначально они были одним из родов в царстве некоего Ункама, но когда этот род усилился и укрепился, Ункам стал всерьез его опасаться, а потому, чтобы малость «проредить» расплодившийся народишко, стал посылать его на все войны, какие только случались, ставя в первые ряды. Татары быстро догадались, что это не головопашество,

а продуманный геноцид и, чтобы избежать дальнейших трений, переселились всем народом подальше от Ункама, основав собственное государство. А потом избрали верховным правителем Цынгиса, Хингиса, Чингисхана. Первой крупной акцией был поход как раз против Ункама. Сначала Чингисхан мирно попросил в жены его дочь, но Ункам отказал, тогда Чингисхан пошел на него войной и захватил все его царство (дело, конечно же, наверняка не в девушке, а в тех самых старых счетах).

Как видим, сведения о Чингисхане поистине скуднейшие. Но другим просто неоткуда взяться, если не обращать внимания на монгольские баснословия. Молодой человек из знатного рода, чье появление на свет омрачено какой-то грязной историей с обвинением в незаконном происхождении. Юноша, надо полагать, незаурядный, поскольку со временем стал великим ханом Заволжской орды. По сути, это *все*, что нам известно о *реальном* Чингисхане, увы...

Кое-какие столь же скудные дополнения можно почерпнуть из обширной книги хорезмийского книжника ан-Насиви. Источник поистине бесценный, без малейшей иронии – поскольку был современником Чингисхана и *единственным* независимым свидетелем. Авторы других сочинений находились на службе у Чингисхана, а потому полной объективности от них ждать, согласитесь, трудно...

Ан-Насиви, конечно же, не заметил никаких «монголов». Народ Чингисхана – *тюрки*.

Согласно ан-Насиви, в свое время существовало государство Ас-Син, где правили совместно шесть тюркских ханов, подчинявшихся великому хану по имени Алтун. Ан-Насиви называет эту страну еще и Китаем, но из его же собственного описания следует, что к *нынешнему* Китаю она не имеет никакого отношения.

Чингисхан был правителем одного из шести ханств, а его соседями были Кушлу-хан и Души-хан, муж тетки Чингисхана. Души-хан неожиданно умер. Вдова, не имевшая сыновей-наследников, вызвала племянника Чингиса и передала ему удел покойного мужа.

Надо полагать, молодой хан управлял своими владениями неплохо – к нему стали стекаться окрестные роды, ханство усиливалось, крепло... Что вскоре вызвало явную неприязнь верховного повелителя Алтун-хана. Когда он вернулся из долгой поездки в свою столицу, *город* Тамгадж, ему по обычаю стали присылать подарки шестеро подвластных ханов (точнее, уже пятеро, потому что Чингис управлял сразу двумя «провинциями»). Подаренных остальными ханами коней верховный принял, а у Чингисхановых распорядился отрезать хвосты и прогнать их со двора, что было, мягко выражаясь, поступком не вполне дружественным.

Очень быстро из дворца великого хана стали распространяться слухи, что Чингису и его друзьям жить осталось всего ничего, и им очень быстро открутят головы. Естественно, Чингисхан не стал ждать, пока его прирежут, как барана, – с верными ему предводителями, он, выражаясь современным языком, провозгласил окончательный суверенитет своих владений.

Алтун-хан послал против мятежников войско. Чингисхан это войско моментально расколошматил в хвост и в гриву, так что Алтун-хан бежал в Индию с остатками войск приближенных, бросив страну на произвол судьбы. Естественно, Чингисхан со сподвижниками перенял бразды правления. Какое-то время его соправителем был помянутый Кушлу-хан, но после его смерти Чингисхан поссорился с его наследником и взял курс на единоличное правление, подчинил окрестные земли, а также занял тот самый город Хара-Баласагун в долине киргизской реки Чу, который позже станет одним из кандидатов на роль мифического Каракорума. Алтун-хан из своей эмиграции вел переговоры, в конце концов выговорил для себя какие-то земли, но потом умер, что окончательно развязало Чингисхану руки, и он стал активнейшим образом укреплять свое государство.

Это – *опять-так и реальность*, поскольку ан-Насиви жил в то время и не сказки сочинял, а добросовестно записывал все, что происходило вокруг.

Собственно говоря, у нас нет других сведений о Чингисхане, кроме тех, что можно почерпнуть из книг Лызлова и ан-Насиви (все остальное доверия не внушает). Но все же,

повторяю, и этого достаточно, чтобы иметь о нем кое-какое представление – есть та пресловутая печка, от которой следует плясать. *Тюркский* хан, своими руками выкроивший себе государство, что для той бурной эпохи было, в общем, делом житейским. Надо полагать, умен и смел. Хороший полководец и толковый управленец. В некоторых случаях – коварен и жесток, но это уж, господа мои, с его стороны не какое-то извращение, а всего-навсего следование традициям эпохи. Цари, султаны и ханы, к сожалению, в государственных делах особой добродетелью не отличались. Должность такая...

Восточные походы Чингисхана, по моему глубокому убеждению, попросту выдуманы теми же китайскими книжниками. Никакого сомнения, на территории Китая происходили какие-то войны с участием степняков (то ли монголов, то ли тюрков), но сведения о них большей частью откровенно баснословны: жуткие китайские боевые ракеты, выжигающие все живое чуть ли не на сто метров вокруг, девятьсот тысяч *гробов*, которые китайцы за пару дней изготовили для погибших во время осады и вынесли из города, и прочие ужасики. Мы почему-то считаем, что военная фантастика – изобретение столетия этак девятнадцатого, а ведь она существовала гораздо раньше. Когда господа историки сей факт уяснят, им станет куда легче жить и работать, а в том, что они пишут, появится больше логики и здравого смысла.

Безусловно, какие-то стычки у татар с китайцами случались – но не более того. Совсем недавно появилась любопытная статья о «Сокровенном сказании», где автор, аспирант Европейского института в Санкт-Петербурге (безусловно, не замеченный в симпатиях к «новой хронологии»), сообщает интереснейшие вещи: «Китайские ученые, занимавшиеся разбором дворцовых архивов после падения в 1368 г. «монгольской» династии Юань, обнаружили это сочинение в закрытом для постороннего доступа отделении архива и потому назвали его "Юань биши" ("Тайная история династии Юань"). Через 15–20 лет решили использовать в качестве своего рода хрестоматии для подготовки переводчиков с монгольского языка и перетранскрибировали монгольский текст китайскими иероглифами. Тогда-то недавно присвоенное китайское название и было переведено на монгольский язык как "Тайная история МОНГОЛОВ". То, что учеными первых лет Мин воспринималось как история легитимной китайской династии Юань, китайскими переводчиками и транскрипторами было переинтерпретировано как история «монголов» – опасных "северных варваров", присутствие которых на границах угрожало нарождавшейся "собственно китайской" идентичности».

Иными словами, как и в случае с «Алтан тобчи», понадобилось на потребу конкретной политической ситуации изрядно присочинить, изобразив прежних насквозь китайских императоров в виде страшных северных дикарей, то и дело тревоживших Китай набегами. Похоже, что и в стане «классических» историков начинает помаленьку формироваться «критическое» направление. Дай-то бог...

Итак, Чингисхан разделался с соседями, стал единоличным правителем, получив императорский титул. Чем же он занимается, неужели ведет жизнь «классического» кочевника?

Самое интересное, что – ничего подобного. На примитивное кочевое жительство никак не похоже...

Глава седьмая. Мир и война

Чингисхан прямо-таки ударными темпами начинает строить *государство*, проводя разнообразнейшие реформы во всех областях жизни. Делает все, чтобы превратить скопище кочевых родов в самый настоящий эль. Возникает *держава* – несомненно, по примеру прежних каганатов.

Начинается все с армии. До того войско было чертовски архаичным, построенным по принципу родового ополчения. Десятки, сотни и тысячи формировались из родичей,

своеобразных «станичников».

Чингисхан в первую очередь организует гвардию («кешиг») и использует ее, вот парадокс, в точности так, как пятьсот лет спустя Петр I: гвардия превращается не только в воинское подразделение, но и в некий административный аппарат. Гвардейцы Чингисхана выполняют функции полиции и охраны караванных путей, заведуют дворцовым имуществом, хранением воинских штандартов и барабанов, берут на себя судебные функции и даже наблюдают за тем, как ведется хозяйство в улусах. Все это им приходится делать, потому что администрации как таковой пока что попросту нет.

В армии вводится другой принцип, который можно охарактеризовать нынешними терминами как «всеобщую мобилизацию».

Воинские подразделения теперь формируют уже не из родственников, а распределяя «призывной контингент» по усмотрению командования.

Параллельно меняется законодательство. До Чингисхана действовала архаичная система, когда «мудрые люди», опираясь на прецеденты (совершенно как в Англии), разбирали те или иные частные случаи и выносили решение, как жизненный опыт подсказывает.

Чингисхан заменил этот пережиток системой писаных законов под названием «Яса» – уголовный, гражданский и административный кодексы, вместе взятые. Судьи отныне обязаны были судить по *писаным* законам, а не по прецедентам и «родовому праву». Для руководства ими Чингисхан назначил Верховного судью государства.

Точно такие же реформы начались и в экономике. Вместо прежних «обычаев» хозяйственной деятельностью теперь стали руководить специальные чиновники, занимавшиеся к тому же и налогообложением. Размеры и сроки взимания налогов, распределение пастбищ и прочие хозяйственные дела теперь все тщательно фиксировалось в особых пронумерованных книгах, которыми ведали специальные чиновники. Именно тогда и появилась знаменитая «татарская десятина» – как минимальная налоговая ставка, десятая часть скота, зерна, а потом и денег, которые следовало отдавать в казну. К слову, когда явившиеся на Русь татары потребовали с населения эту десятину, они вовсе не занимались каким-либо беспределом, а намеревались брать ровно столько налога, сколько брали и со *своих*.

Стало формироваться и чиновничество, где поначалу большую роль играли разнообразные «иногородцы»: китайцы, мусульмане, уйгуры – лишь бы были грамотными и дело знали...

В общем, подобные реформы вряд ли оказались бы способным последовательно и целеустремленно проводить «дикий кочевник», пусть даже и побуждаемый к тому «китайскими мудрецами», играющими роль этаких добрых гениев при «монголах». За преобразованиями Чингисхана явственно проступает весь предшествующий многостолетний опыт тюркских каганатов, опыт человека, опиравшегося на богатое наследие предков-государственников.

Некоторые статьи «Ясы» достаточно интересны. Так, смертной казнью наказывались сочинители ложных доносов, а также подданные обоюбого пола, уличенные в прелюбодеянии (вот со вторым, на мой взгляд, пережест совершенно излишний). И вовсе уж грустной философичностью проникнут раздел о пьянстве, сочиненный самим Чингисханом: «Если уж нет средства против питья, то человеку нужно напиться три раза в месяц. Как только он перейдет за три раза – совершит наказуемый поступок. Если же в течение месяца он напьется только дважды – это лучше; если один раз – еще похвальнее, если же он совсем не будет пить, что может быть лучше этого?! Но где же найти такого человека, который совсем бы не пил, а если уж такой найдется, то он должен быть ценим!»

Естественно, строительство нормального государства было не всем по вкусу – консерваторы везде одинаковы. А потому вскоре случился классический конфликт светской и духовной власти, какие бывали на всех континентах...

Судя по всему, «центром оппозиции» стал не кто иной, как верховный шаман

Чингисхана Кокочу, он же Тэб-Тенгри, «Самый Небесный». Именно он от лица Тенгри освятил избрание Чингисхана великим ханом. Насколько можно судить по дошедшим до нас скудным сведениям, человек был сильный, волевой, себе на уме, внушавший многим суеверный страх. Вспоминают, что в разгар зимы он любил, раздевшись догола, усаживаться на лед, который «таял от тепла его тела», так что клубы пара окутывали Кокочу, и суеверное простонародье считало, что шаман ненадолго возносится на небо на белом коне (нельзя исключать, что тут был еще какой-то фокус с пиротехникой соответственно техническому уровню того времени).

Трудно сейчас понять, в чем там было дело, но еще до образования государства многие соседи татар отчего-то упорно считали Кокочу затаившимся врагом Чингисхана. Вроде бы даже недруги Чингиса из числа соседних ханов пробовали привлечь шамана на свою сторону, но он отказался.

Как бы там ни было, с определенного момента Тэн-Тенгри начал вести себя предельно нагло, вмешиваясь во все, что его касалось и не касалось. Вокруг него стали *кучковаться* знатные татары, простые воины, всевозможные искатели приключений, обиженные, недовольные и прочие любители половить рыбку в мутной воде. Именно Кокочу своими интригами спровоцировал вражду между Чингисом и его братом Хасаром, из-за чего последний угодил в жуткую немилость. Понемногу в ставке шамана людей оказалось «столь же много, как у самого Чингиса». К нему даже стали перебегать люди младшего брата Чингиса Отчигина, и в конце концов «от Чингисхановой коновязи многие подумывали уйти к Тэб-Тенгри».

Начался натуральный беспредел. Отчигин отправил к Кокочу своего гонца, требуя вернуть беглецов, но посланника как следует отколотили, отобрали коня, навалили на спину седло и прогнали прочь, жизнерадостно вопя что-то вроде: «Какой посол, такой и господин!»

Отчигин, разъярившись, прискакал к Тэн-Тенгри, но тот уже, надо полагать, чувствовал себя настолько уверенно, что семеро его братьев силой поставили Отчигина на колени и заставили просить прощения за то, что побеспокоил.

В переводе на европейские мерки это выглядело бы так, как если бы братья архиепископа Парижского надавали оплеух явившемуся их отчитать брату французского короля. Ситуация, ясно, накалилась до предела...

На следующий день Кокочу как ни в чем не бывало явился в шатер Чингисхана со своим отцом и помянутыми братьями-безобразниками и преспокойно уселся на почетное место. Тут к нему подскочил Отчигин, схватил за ворот и заявил, что по старинному обычаю вызывает на единоборство. Чингисхан с невозмутимым видом процедил что-то вроде: «На улице, на улице разбирайтесь!»

Единоборства не получилось. Едва верховный шаман вышел за порог, к нему подскочили трое силачей, вмиг переломили спинной хребет и бросили под телегу. Возвратившийся Отчигин пояснил (надо полагать, не без злорадства):

– Тэб-Тенгри не хочет со мной силами мериться, лежачим притворяется...

Чингисхан и бровью не повел – скорее всего, прекрасно знал, в чем тут фокус. Братья Кокочу попытались было «качать права», угрожая Чингису, но ворвались гвардейцы, и им пришлось притихнуть.

Тело шамана, как вспоминали современники, загадочным образом исчезло. Чингисхан, не особенно удивляясь, невозмутимо объяснял это возмездием Неба: «Тэб-Тенгри бил моих братьев и несправедливо клеветал на них, за что Небо и невлюбило его, и отняло вместе и жизнь, и тело его».

Не исключено, что многие ему верили – при таком количестве личной гвардии как не поверить... И все же, полное впечатление, разбитая таким образом оппозиция, хотя и не пыталась больше что-то предпринимать против Чингисхана, какое-то время оставалась реальной силой: после некоторых колебаний Чингис так и не решился казнить ни отца Кокочу, ни его буйных братьев, хотя обвинение в мятеже и покушении на великого хана само собой подворачивалось...

Со смертью Тэб-Тенгри с тогдашней политической арены исчезла последняя крупная фигура, которая решилась бы встать вровень с Чингисханом и оказывать неповиновение. Чингисхан становится *настоящим* самодержцем...

К западу к границам его государства примыкал Хорезм – достаточно сильная и обширная держава. На престоле там восседал хорезмшах Ала-ад-Дин Мухаммед, личность своеобразная и, насколько можно судить, моральными принципами не обремененная вовсе. В свое время он смирехонько платил дань властителю кара-китаев, но едва соотношение сил изменилось в его пользу, без колебаний убил прибывшего за очередной выплатой посла с его свитой и, не мешкая, выступил в поход на столицу кара-китаев Хара-Баласагун, каковую взял штурмом и разорил. За это придворные официальным образом присвоили шаху титул «Второго Александра Македонского». Чуть позже Мухаммед уже по собственной инициативе распорядился добавить к своим именам еще и «Санджар» (так звали знаменитого сельджукского султана XI века), а на своей большой печати приказал изобразить надпись «Тень Аллаха на земле». Большой скромности был человек...

Сплошь и рядом можно встретить утверждение, будто зловердные Чингисхановы орды самым коварным и агрессивным образом ни с того ни с сего «вторглись» на территорию мирного, белого и пушистого Хорезма. На самом деле все обстояло чуточку иначе...

Сын Чингисхана Джучи с двадцатью тысячами всадников отправился в поход на территорию нынешнего Казахстана, преследуя отцовского неприятеля Кушлу-хана-младшего, сына бывшего сподвижника Чингиса. Догнал, разбил и повернул домой. Тут показалось войско с Мухаммедом во главе, с ходу изготовившееся к бою.

Джучи послал к Мухаммеду парламентеров, которые вежливо объяснили, что татары пришли воевать не с султаном, а со своими старыми неприятелями и сейчас возвращаются домой... Джучи выразил готовность отдать султану всю доставшуюся ему добычу. Как пишет ан-Насири, «он упомянул, что его отец приказал ему вести себя благопристойно, если он встретит в этой стороне какую-нибудь часть султанских войск, и предостерег его от проявления чего-либо такого, что сорвало бы покрывало приличия и противоречило бы принципу уважения».

Мухаммед, прикинув, что войска у него больше, ответил: «Если Чингисхан приказал тебе не вступать в битву со мной, то Аллах всевышний велит мне сражаться с тобой и за эту битву обещает мне благо. И для меня нет разницы между тобой, и Гюр-ханом (царь кара-китаев. -А. Б.), и Кушлу-ханом, ибо все вы – сотоварищи в идолопоклонстве».

И началось сражение. Арабский историк Ибн-аль-Асир уверяет, что оно длилось «три дня и три ночи» – но это, скорее всего, обычное цветистое восточное преувеличение. Более походит на правду сообщение ан-Насири, что битва продолжалась «до сумерек». Ночью татары разожгли множество костров, словно разбили лагерь, а сами тихонько отступили.

С тех пор султан Мухаммед, как отмечают его же придворные, форменным образом *подвинулся* на завоевании державы Чингисхана и Китая, рассчитывая на хорошую добычу: «Мы, его слуги и придворные, пытались отговорить хорезмшаха от этой навязчивой идеи, мотивируя свои соображения дальностью расстояний, трудностями пути и другими препятствиями, но хорезмшах стоял на своем».

Воевать он, правда, не решился – отправил к Чингисхану посольство. Чингисхан, судя по его поведению, на конфронтацию вовсе не нарывался. Послу он сказал так:

– Передай хорезмшаху: «Я – владыка Востока, а ты – владыка Запада. Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире, и пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои в таком же порядке пусть перевозятся ко мне».

Чингисхан отправил Мухаммеду подарки – не только нефрит и ткани, но и слиток золота «величиной с верблюжьей головой». Воевать он явно не собирался. Вскоре в Хорезм прибыл татарский караван и остановился в пограничном городе Отрар. Караван был солидный: 500 верблюдов, нагруженных золотом, серебром, китайскими шелками, соболиными шкурками и другими мехами. С ним пришли 450 мусульманских купцов и

татар, а также посол Чингисхана Ухун, везший хорезмшаху послание Чингиса, где говорилось: «Купцы являются опорой страны. Это они привозят владыкам диковинки и драгоценности, и нет нужды препятствовать им в этом. Я, со своей стороны, не намерен мешать нашим купцам торговать с вами. Надо, чтобы мы оба действовали совместно ради процветания наших краев. Поэтому мы приказали, чтобы отныне между всеми странами на земле установился мир, чтобы купцы безбоязненно направлялись во все края. Богатые и бедные будут жить в мире, и благословлять Аллаха».

В отличие от Мухаммеда, пылавшего страстью «борца за веру», Чингисхан руководствовался тенгрианской веротерпимостью. В «Ясе» так и было предписано: «Уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному, дома Божии и его служителей, кто бы ни был – щадить, оставлять свободными от налогов и почитать их».

Из всех, кто пришел с караваном, живым спасся и добрался до татарской границы один-единственный человек... Все остальные, включая посла, были убиты, а караван разграблен.

Ан-Насири считает, что в этом преступлении виноват исключительно наместник Отрара Инал-хан, сын дяди по матери Мухаммеда: «Его низкая душа стала жадной к имуществу этих купцов». Инал якобы написал хорезмшаху письмо, где утверждал, что все эти купцы и послы – переодетые шпионы, все до одного. Хорезмшах якобы распорядился взять «лазутчиков» под арест, но Инала уже *понесло*, он велел всех убить, а их богатствами завладел единолично.

Араб Ибн-аль-Аср излагает события по-другому: «Хорезмшах прислал ему (наместнику. -А. Б.) приказание убить их, отобрать имущество, находящееся при них, и прислать его к нему. Он убил их и отослал, что при них было, а вещей было много. Когда посланное прибыло к хорезмшаху, то он разделил его между купцами Бухары и Самарканда и взял с них стоимость его».

Вторая версия больше похожа на правду – учитывая то, что произошло потом...

Легко представить, что Чингисхан пришел в дикую ярость. Согласно древним тюркским обычаям, купец – лицо неприкосновенное, и уж тем более тягчайшим преступлением является убийство посла («доверившегося», как именовался любой дипломат). Существовала даже формула: «Посла не душат, посредника (т. е. парламентаря) не убивают».

И тем не менее в Хорезм поскакали не конные тумены, а посольство Чингисхана во главе с мусульманином Ибн Кафрадж Богра с двумя спутниками-татарами. Но еще до этого к Чингисхану вроде бы приезжали посланцы от хорезмшаха с письмом, где вся вина за гибель послов и купцов возлагалась исключительно на Инал-хана. Такой вывод можно сделать, потому что существуют *две* версии письма Чингисхана к Мухаммеду. Первая гласит: «Ты даровал подписанное твоей рукой обещание обеспечить безопасность купцов и не нападать ни на кого из них, но поступил вероломно и нарушил слово. Вероломство мерзко, а со стороны султана Силама еще более. И если ты утверждаешь, что совершенное Иналом сделано не по твоему повелению, то выдай мне Инала, чтобы мы наказали его за преступление, и помешали кровопролитию. А в противном случае – война, в которой самые дорогие души станут дешевы и древки копий переломятся».

Эта версия подразумевает, что хорезмшах не только письменно валил вину на родственника, но и заранее выдал каравану «охранную грамоту». Есть и другая – араба ас-Субки. По ней, письмо Чингисхана звучало так: «Сообщи мне, то, что произошло – случилось ли по твоему желанию? Если это случилось не по твоей воле, тогда мы требуем кровь убитых и твоего наместника в Отраре, которого надобно доставить к нам в самом жалком виде, униженным и обесчещенным. Но если это сделано по твоей воле, тогда ответственность несешь ты, ибо я не исповедую твою религию и не одобряю твоих действий. Ты принадлежишь к религии ислама, а ведь купцы эти тоже были твоей религии. Тогда как же расценивать приказ, который ты отдал?»

Даже собственный сын хорезмшаха Джелал-ад-Дин советовал отцу выдать Инала к чертовой матери, поскольку – заслужил. Но Мухаммед на это не пошел. Быть может, попросту оттого, что его родственник был в государстве человеком влиятельным и принадлежал к кипчакскому роду, который был военной аристократией Хорезма. Ага, вот именно. Первоначально в тех краях правил тюркский род Караханидов, но потом властители Хорезма, предки Мухаммеда, перехватили власть с помощью кипчаков-полководцев, так что население страны было неоднородным, состояло из нескольких национальных групп, в том числе и принявших ислам тюрок.

А быть может, все же сам хорезмшах действительно приказал разграбить караван? Это на него, в общем, похоже.

Как бы там ни было, Мухаммед велел убить посла Ибн Кафрадж Богра, а двум его спутникам-татарам в знак позора отрезать бороды и отправить в таком виде к Чингисхану...

Самое интересное, что практически все *мусульманские* авторы обвиняют в татарско-хорезмийской войне не Чингисхана, а как раз Мухаммеда. Характерное выражение: «И не было никогда более мерзкого действия, чем это». Некоторые уверяют даже, что, получив от Мухаммеда вызов на смертный бой, Чингисхан три дня молился и просил Тенгри «даровать ему силу для отмщения», поскольку «не он был виновником этой смуты». Об этом же пишет и Рашид ад-Дин: «В этом пламени гнева он поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову и приник лицом к земле. Трое суток он молился и плакал... После этого он почувствовал в себе признаки знамения благовестия и бодрый и радостный спустился оттуда вниз, твердо решившись привести в порядок все необходимое для войны».

А почему бы, в конце концов, не допустить, что Чингисхан был искренне верующим человеком? Что в этом такого странного?

Одним словом, больше посольств не было. К хорезмшаху прискакал татарский гонец с письмом, где стояла одна-единственная строчка: «Ты хотел войны – ты ее получишь».

И вскоре татарская конница тремя бешеными потоками ворвалась в Хорезм...

После шестимесячной осады был взят Отрар. Правда, Инал-хан, которому терять было совершенно нечего, еще месяц защищался во внутренней цитадели. Под конец он остался один (татары старательно выполняли приказ Чингисхана взять наместника живым), его загнали на какую-то крышу, откуда он еще некоторое время швырял в татар кирпичами, но потом его все же повязали и отвели к Чингисхану. По этому случаю хан вроде бы не произносил никаких исторических фраз – а вот от ругательств наверняка не удержался.

По приказу Чингиса сребролюбивому Инал-хану залили уши и глаза расплавленным серебром – видимо, и мимо рта не пронесли. Инал-хан, естественно, таких воспитательных мер не выдержал и быстренько помер...

Затем татары взяли Бухару (предварительно сравнив «злой город» Отрар с землей), а затем и Самарканд, – его защитникам не помогли даже технические новинки в виде боевых слонов, выдрессированных на индийский манер.

Самое примечательное, что хорезмшах Мухаммед, заварив эту кашу, вел себя, право слово, как последний идиот. После убийства татарских послов, прекрасно понимая, что Чингисхан нагрянет мстить, он не собрал свою немаленькую армию в один кулак, а небольшими отрядами разбросал ее чуть ли не по всей стране. Потом татары их старательно колотили поодиночке. Объяснение такой «стратегии» найти трудно – вероятнее всего, до пределов раздутое самомнение «тени Аллаха на земле». Чувяками собирался закидать «дикарей», быть может...

Сосед и единоведец Мухаммеда, багдадский халиф ан-Насир смотрел на происходящее в Хорезме, втихомолку радуясь: он давным-давно собачился с Мухаммедом на тему: «Кто из нас настоящая тень Аллаха на земле», а потому втихомолку поддерживал вполне дружескую переписку с Чингисханом, не смущаясь различиями в вере...

Немаловажная деталь: если перебежчиков из числа «местной администрации» из Бухары, Кундуза и Балха татары пальцем не тронули, то Карачу-хана из Отрара, даже когда

он капитулировал, все равно казнили – надо полагать, за причастность к истории с караваном. С Бухары и Самарканда взыскали стоимость товаров того самого каравана. Сдавшийся город Дженд разграбили, но людей не тронули. Зато Сыгнак, жители которого убили парламентариев, был разрушен до основания, и живых там никого не осталось.

Сплошь и рядом можно столкнуться с крайне поверхностной трактовкой вторжения Чингисхана в Хорезм: якобы татары буквально «в одночасье» захватили государство. На самом деле все было гораздо сложнее и интереснее...

О том, как хорезмшах по-дурацки рассредоточил всю армию (вдвое, кстати, превосходившую татарские силы), я уже говорил. Кроме этого, Мухаммед разослал по стране сборщиков податей с приказом собрать налоги за три года вперед – хотя налоги за текущий год были только что собраны с превеликим трудом. Как он утверждал, деньги ему срочно нужны на оборонные нужды. Но население отчего-то встретило такие налоговые новшества крайне неодобительно.

И наконец, в очередном приступе стратегической мудрости хорезмшах повелел сжечь дотла все селения на довольно большой территории, примыкавшей к татарской границе, а жителей всех поголовно оттуда выгнать – чтобы злые татаровья, когда придут, не нашли там себе ни крова, ни пищи. Его приказ выполнили в точности. Но жители, лишившиеся абсолютно всего, отчего-то не поднялись защищать своего мудрого повелителя, а ушли к татарам и поголовно, без малейшего принуждения присоединились к их войску...

О «кровожадности» татар рассказывают всяческие ужасы, но очень похоже, что все преувеличено самым беззастенчивым образом. Достаточно вспомнить, какие странности наворожены вокруг «трагической судьбы» города Мерва. В конце февраля 1221 года татары, взяв его, якобы опустошили до последнего человека: часть жителей перебили, а оставшихся угнали в плен. Между тем другие источники преспокойно повествуют, что в конце того же года «обезлюженный» Мерв восстал против татар, и они перебили там еще сто тысяч неизвестно откуда взявшегося народа. На сей раз, кажется, все? Ничего подобного. Уже через несколько месяцев будто бы дважды опустошенный Мерв как ни в чем не бывало выставляет против татар десятитысячное войско... Сам собой напрашивается вывод, что рассказы о «сотнях тысяч» жертв и «начисто опустошенных» городах – типично восточные преувеличения.

Никакого «всенародного сопротивления» Чингисхану не возникло. Ханы и эмиры наперегонки переходили на его сторону, да и простой народ, в общем, партизанить не рвался. Тут необходимо уточнить, что многонациональный Хорезм частенько сотрясался мятежами против Мухаммеда, и буквально перед самым вторжением Чингисхана с трудом подавили один такой, который возглавлял... собственный зять Мухаммеда, принадлежавший к старой династии Караханидов.

Судя по воспоминаниям современников, того же ан-Насири, хорезмшаха Мухаммеда просто-напросто *бросили* подданные, которым он, надо полагать, осточертел – и «тень Аллаха на земле» еще какое-то время с кучкой слуг болталась по стране, словно дворняжка с консервной банкой на хвосте. В конце концов Мухаммед укрылся на необитаемом острове в Каспийском море, да там и помер вскорости – видимо, от огорчения.

Но это был еще не конец Хорезма, «лоскутной империи». После смерти Мухаммеда султаном стал его сын Джелал ад-Дин...

Только не подумайте, что новый султан с ходу принялся организовывать то самое «всенародное сопротивление» татарам. Он, действительно, порой *повоевывал* с воинами Чингисхана, но главные задачи у него были другие. Например, он собрал войско (в то самое время, когда страну якобы «наводнили» и «опустошили» татары), отправился в Грузию, сжег тамошнюю столицу, нагреб немало добычи и с триумфом вернулся домой.

Потом отправился в Индию и активнейшим образом участвовал там в междоусобных войнах раджей. Потом водил войска штурмовать единоверный Багдад – за что против него ополчилась целая коалиция мусульманских правителей Малой Азии и Ближнего Востока, и Джелал, как-то забыв о татарах, воевал еще с коалицией.

Периодически он, правда, пытался организовать что-то такое под лозунгом «Смерть

татарским оккупантам!», но вяло, неубедительно и как бы не всерьез. Все его силы поглощали другие занятия, о которых араб ибн-Васил пишет без всякой деликатности: «Чинил несправедливости, враждовал с соседями, вел себя предательски и вызывал недовольство».

Чуть позже, когда последовательно провалились все интриганские предприятия Джелала, а грабить больше было некого, так как войско его покинуло, он заметался *всерьез*. Он утопил в реке свой немаленький гарем, чтобы красавицы не достались татарам, а сам принялся рассылать письма тем окрестным властителям, с которыми только что воевал, уговаривая сколотить антитатарский союз – под его, естественно, главенством и командованием.

Соседи эту идею дружно проигнорировали. Джелал ад-Дин, в точности как его папаша, еще какое-то время скитался с горсткой джигитов, пока его не взяли в плен дикие курды где-то в горах. Как водится, ограбили начисто. Султан начал уверять, что он – султан, и предводитель курдов, решив – а вдруг правда? – оставил его в живых и поселил в какой-то глухой деревушке.

Тут вернулся с охоты какой-то абориген, который стал интересоваться: что это за хорезмийская морда расселась тут, как порядочная? «Ошалел? – ответили ему односельчане. – Это ж великий султан, он сам сказал!» Увы, курд оказался вовсе уж дикий и недоверчивый: он сказал, что таких «султанов» на любом базаре на пятак пучок, и, недолго думая, проткнул Джелала копьем. На том и кончилась династия хорезмшахов, о которой никто особенно и не сокрушался...

Преследуя рассеявшиеся войска хорезмшаха, татары вошли и в Грузию, но быстро ее покинули после первого же сражения. Они, быть может, и остановились бы там пограбить, однако Грузия лежала в развалинах, только что опустошенная и разграбленная Джелал ад-Дином...

Полководцы Чингисхана Джебе и Субудай, преследуя отступающих хорезмских половцев, вышли в причерноморские степи. Половецкий хан Юрий Кончакович попытался дать им сражение, но татары его разбили и гнали до Днепра.

Тогда половцы бросились за помощью к русским князьям, живописно повествуя, как на них вопреки всяким понятиям, наехали чисто конкретные беспредельщики. Большинство князей не горело желанием тащиться в дикие степи – половцы, знаете ли, в конце концов, не братья родные – но часть Рюриковичей решила показать удаль молодецкую: киевский Мстислав Романович, галицкий Мстислав Удалой, еще один Мстислав, козельский и черниговский, смоленский Владимир, курский Олег и еще несколько.

Судя по всему, они искренне представляли нового противника какой-то кочевой бандой, которую нетрудно будет разогнать, а потом, как у князей принято, от души пограбить.

Получилось совершенно наоборот...

Сначала повторилась почти та же самая история с Джучи и Мухаммедом. Татары прислали к князьям послов, и те резонно, в общем, заявили, что воюют не с русскими, а с половцами, против русских же ничего не имеют и потому предлагают кончить дело миром.

Князья послов убили. По некоторым источникам, не просто убили, а *умучили*...

Не стоит усматривать в этом типично русскую специфику. Это был обычный пример свойственной *всей* Европе «рыцарственности», согласно которой короли и князья, бояре и герцоги были полными хозяевами своего честного слова: хотели – давали, хотели – брали обратно. Обещали под честное слово не трогать сдавшихся городов – а потом выжигали их начисто. Обещали сохранить жизнь сдавшимся пленникам – и вырезали поголовно, да еще и животы вспарывали, разыскивая в желудках проглоченные драгоценности (как поступил король Ричард Львиное Сердце с тремя тысячами сарацин). Степь жила по своим законам, а рыцарская Европа – по своим...

Интересно, что татары прислали послов и во *второй* раз – с теми же предложениями. *Этим* повезло, убивать их не стали, но всякие предложения о мире отвергли. И стали

переправляться на левый берег Днепра.

Поначалу Мстислав Удалой, оправдывая свое прозвище, одержал первую победу: разбил татарский сторожевой полк и захватил немало скота. Глядя на добычу, остальные князья воодушевились: вроде бы неплохо получается...

И девять дней преследовали отступающих татар, пока не достигли совершенно никому тогда не известной речушки по имени Калка...

Единогласного командования у русской рати не имелось. Вдобавок Мстислав Удалой уже в походе ухитрился пренебрежительно поссориться со своим киевским тезкой (и двоюродным братом). Так что отряды двигались каждый отдельно – а о том, чтобы обсудить единый план сражения, и речи не было.

И начался бардак... Мстислав Удалой, никого из союзников не предупредив – а то еще добычей заставят делиться! – переправился через Калку и вместе с половцами пошел на татар.

Поблизости от него вел самостоятельную баталью Олег Курский.

Мстислав Киевский наблюдал за происходящим с безопасного расстояния, по рассказам уцелевших, приговаривая что-то вроде: пусть копошатся, неумехи, я человек умный, подожду немного, а потом этих поганых татар в одиночку разобью...

Получилось все с точностью до наоборот. Татары ударили на половцев, те, пустившись бежать, врезались в галицкие ряды и совершенно их смешали, так что воинство кинулось врассыпную. Мстислав вновь показал свою удачу: он первым примчался к днепровской переправе, посадил своих людей в несколько лодок, а остальные приказал сжечь и изрубить, нимало не беспокоясь, на чем будут переправляться оставшиеся в степи русские дружины и что с ними будет вообще. Позднейшие историки оправдывали его тем, что он якобы «лишил татар возможности переправиться», но это совершеннейший вздор – идущие за ним в погоню татары тут же переправились без всяких лодок и продолжали преследование... Мстислав, правда, все же ускользнул.

Пока одни татарские отряды преследовали бегущего Удалого, другие взялись за Мстислава Киевского... Вот тут он спохватился, но было поздно. Три дня отбивался, потом попал в плен. Встречается утверждение, что татары победили его обманом – якобы предложили за выкуп отпустить восвояси, но когда Мстислав поверил и покинул укрепленный лагерь, татары его коварным образом убили вместе со всеми воинами.

История эта представляется недостоверной по двум причинам. Во-первых, совершенно непонятно, *кто* мог сообщить о ней на Русь, коли татары вырезали русских поголовно? Во-вторых, зная татарские обычаи, легко предположить, что они не стали бы вступать с убийцами своих послов ни в какие переговоры, а попросту приложили бы все силы, чтобы укоротить их на голову...

Вокруг битвы на Калке до сих пор сохраняется масса загадок и неясностей. Очень долго был неизвестен даже *год*, когда она состоялась – то ли 1223-й, то ли 1224-й. Только в 1854 году историки договорились считать, что – 1223-й.

Есть сведения, что на стороне татар воевала дружина неких «бродников», людей крещеных и вроде бы истинно русских, с воеводой Плоскиней во главе. Кто они были точно и каким образом ухитрились в сжатые сроки «покумиться» с татарами, остается загадкой – но не оставляет ощущение, что средневековая история сложнее, чем мы о ней думаем...

Во многих книгах современных авторов встречается утверждение, что на Калке погибли те самые легендарные богатыри из былин – Добрыня Никитич, он же Добрыня Золотой Пояс, и Алеша Попович со своим верным слугой Топором, а также еще семьдесят витязей...

Вынужден разочаровать. Еще сто лет назад было доказано, что это – более поздняя легенда, сочиненная древнерусскими книжниками уже значительно позже прихода «татаро-монгольского ига»...

Еще одна загадка: когда татары, преследуя бегущего Мстислава и его спутников, достигли города Новгород-Святополч на берегу Днепра, горожане отчего-то вышли им

навстречу *крестным ходом* — но были сгоряча перебиты.

История предельно странная: русские авторы «Повести о битве на Калке» (сами, как водится, участия в ней не принимавшие и писавшие с чужих слов) особо подчеркивают, что до того никто из русских с татарами не встречался, кто они такие, какому богу молятся и чего вообще хотят от жизни, совершенно не представлял. «Из-за грехов наших пришли народы неизвестные, безбожные моавитяне, о которых никто точно не знает, кто они, и откуда пришли, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры. И называют их татарами, а иные говорят – таурмены, а другие – печенеги».

Отчего же тогда навстречу совершенно неведомому, неизвестной веры противнику вышли именно что крестным ходом?

Лично я вижу одно-единственное объяснение: над подскакавшими татарами развевались тенгрианские знамена с крестами, те самые, что у Аттилы. Это-то и сбило с толку жителей Новгорода-Святополча. Если у кого-то есть более правдоподобная версия, не смею препятствовать...

Андрей Лызлов писал, что татары именно после битвы на Калке разорили *крепости, города и села* половецкие, заняли земли около Дона, Азовского и Черного морей, возле Перекопа – и преспокойным образом там поселились.

(На что, отмечу в скобках, русские князья не обращали внимания *пятнадцать* лет, не придав поражению на Калке совершенно никакого значения.)

Некоторая часть татар там наверняка и в самом деле поселилась – но вот *войско Джебе и Субудая* через нынешний Казахстан вернулось в пределы государства Чингисхана. Таким образом, не вполне соответствует истине встречающееся кое-когда утверждение, будто тумыны Джебе и Субудая вели «разведку боем».

За все оставшиеся ему годы жизни Чингисхан *вообще* не предпринимал больше походов на запад. Ему хватало дел и на востоке, там по-прежнему оставался его старый, упорный и последовательный соперник – царь тангутов: полководцы Чингисхана воевали и с ним, и с чжурчженями в Северном Китае (но, повторяю, все сведения о том, будто татары захватили *весь* Китай да еще неведомо как освоили в считанные годы мореплавание и отправляли боевые флотилии к Японии и Индонезии – чистейшей воды баснословие).

Чингисхан после всего вышеописанного выступил в новый поход, достиг со своим войском Восточной Индии, так что оставалось только перевалить горный проход Железные Ворота.

И тут...

Глава восьмая. Последнее лето

Один из китайских источников рассказывает, что несколько гвардейцев Чингисхана встретили диковинного зверя: похожего на оленя, но с зеленой шерстью, лошадиным хвостом и одним рогом, и он вполне членораздельно сказал им: «Пусть ваш повелитель поворачивает обратно!» Ошарашенные гвардейцы тут же помчались к Чингисхану. Тот позвал своего знаменитого советника Елюй Чуцая (который, кстати, был не китайцем, как порой утверждается, а из тюркского племени киданей). Елюй Чуцай, ученый книжник, тут же объяснил: «Это благовещий зверь, и зовется он Цзю-Дуань. Он умеет говорить на всех языках, любит жизнь и ненавидит убийство. Небо ниспосылает этот знак, чтобы предостеречь вас. Вы – старший сын Неба, а все люди Поднебесной – сыновья ваши. Внемлите воле неба и сохраните жизнь народам!»

И Чингисхан повернул армию назад, так что Индия оказалась спасена...

Судить о подлинности этой истории трудно. В обширном списке азиатского мифологического зверья Цзю-Дуань вроде бы не числится. Напоминаю: если исключить скудные свидетельства современников событий, *все*, что сообщается о Чингисхане и его деяниях, написано сотни лет спустя, а потому носит большую примесь легенды и «беллетристичности».

Однако... Нельзя исключать – и такие версии выдвигались – что гвардейцы и в самом деле пришли с рассказом о диковинном звере и его напуганности. Вот только это была заранее обдуманная попытка воздействовать на великого хана с помощью мифологии: войско устало от долгих и тяжелых походов, хотелось отдохнуть в родных местах... Не исключено, что хитроумный Елюй Чуцай был в игре с самого начала...

Существует и еще более житейская версия: что Чингисхан повернул назад, потому что гонцы сообщили ему о восстании в тылу совсем недавно усмирённых тангутов. Вот это уже совсем реалистично...

За полгода до смерти Чингисхана при странных обстоятельствах умер его старший сын Джучи (Души, Чжочи). Здесь мы снова сталкиваемся с какими-то непроясненными до сих пор тайнами – и не прояснятся они уже никогда...

Первая загадка – происхождение первенца Чингисхана. Возможно, он был родным сыном Потрясателя Вселенной. А быть может, и нет... Когда Чингисхан был совсем молод, не успел совершить еще ничего выдающегося, или, как цветисто выражается Рашид ад-Дин, «когда на страницах листов эпохи еще не появилось следов его миродержавия», воины из тюркского рода меркитов, воспользовавшись удобным случаем, разгромили его кочевье и вместе с добычей увезли жену, красавицу Буртэ. Пленницу потом отослали к правителю кераитов Онг-хану, побратиму отца Чингисхана (мотивы этого поступка не вполне ясны). Онг-хан, дружески расположенный к Чингисхану, жену ему вернул.

Вот только приехала она уже с новорожденным сыном, родившимся в пути. Практически сразу же поползли слухи, что ребенок родился от некоего знатного меркита, названного даже по имени – Чильгирбохо...

Как и многие другие тайны истории, эта может быть разгадана только в случае изобретения машины времени – или хотя бы того самого пресловутого «хроноскопа». Сам Рашид ад-Дин, современник событий, горячо отстаивал версию законнорожденности Джучи. К тому же и сам Чингисхан (тогда еще именовавшийся Тэмуджин) пресекал всякую болтовню, говоря, что Буртэ попала в плен уже беременной. Впрочем, это ни о чем еще не говорит... Рашид ад-Дин, напоминая, состоял на службе у Чингисхана и вряд ли стал бы писать нечто «диссидентское». Правда, он сам в своей книге поместил довольно странный абзац, где писал, что сыновья Чингисхана Чагатай и Угедэй всегда считали своего брата Тулуя законным сыном Чингисхана. Что до Джучи... «Между ним и его братьями Чагатаем и Угедэем всегда были препирательства, ссоры и несогласия по причине...»

По причине *чего*, сегодня установить невозможно – почему-то дальнейшие слова Рашид ад-Дина не сохранились...

Правда, никакие сомнения в законности появления Джучи на свет не повлияли на его место в государстве Чингисхана. Никто не попрекал его потом незаконным происхождением. Главой Чингисханова рода Борджигийн стал именно сын Джучи Бату, более известный нам как Батый. А сам Джучи, когда Чингисхан распределял владения меж матерью, младшими братьями и сыновьями, получил самый большой удел...

Обстоятельства смерти Джучи опять-таки темны и запутанны. По официальной версии, «озвученной» придворным историком Чингисхана Рашид ад-Дином, Джучи умер в кипчакских степях от какой-то болезни, как раз в то самое время, когда Чингисхан хотел поручить ему возглавить поход на башкир, волжских болгар и русских. Но это именно что точка зрения официального историографа. К тому же Джучи умер в начале 1227 года, а поход, о котором идет речь, совершил Батый, и только через десять лет. Неужели поход десять лет откладывался из-за отсутствия главнокомандующего? Так что есть вроде бы основания сомневаться и в «официальной» версии смерти первенца Чингисхана, и в том, что в 1227 году Чингисхан уже планировал большой поход на север.

Арабский книжник Джузджани приводит другую версию: якобы Джучи, очарованный степной страной Дешт-и-Кипчак, стал думать, что в мире нет лучшего места – и уже не стремился к дальнейшим походам. Более того, он якобы собрался устроить заговор против отца, умертвить его на охоте, заключить мир с Хорезмом, восстановить разрушенное и

осесть в Дешт-и-Кипчак, став правителем этой страны. Его брат Чагатай каким-то образом об этих планах проведал и немедленно известил отца. Как многие властители в подобной ситуации, Чингисхан не стал возбуждать официального следствия и предавать дело огласке – он попросту послал доверенных людей, которые то ли подсыпали Джучи яду, то ли выждали момент, когда он на охоте отделился от свиты, сломали спину и бросили в камышах...

Вот только одно многозначительное дополнение: автор этой версии Джузджани Чингисхана ненавидел, вынужден был бежать после разгрома Хорезма в Индию и там, по обычаю всех «политэмигрантов», писал книги сугубо «антитатарского» содержания, старательно выставляя Чингисхана и его земляков вырожденками человечества, повинными во всех смертных грехах...

Однако не все так просто. Версию о заговоре и убийстве поддерживает и автор «Алтан тобчи», то ли Лубсан Данзан, то ли попросту анонимный книжник-лама: старший сын Чингиса «задумал против своего отца плохое, и когда он ехал к нему, то навстречу ему отправился Очин Сэчен и дал ему яд».

А впрочем... И так – негладко, и этак – неладно. Автор «Алтай тобчи», кто бы он ни был, писал свою книгу через четыреста с лишним лет после событий и мог полагаться исключительно на труды предшественников. Он настолько плохо знает историю татар, что называет Джучи Чагатаем – хотя из текста ясно, что речь идет все же именно о Джучи.

Есть еще третья версия, основанная на степном фольклоре – в Великой Степи традиция устных сказаний очень развита, и память о событиях держится порой сотни лет. Так вот, степные предания в один голос твердят, что Джучи умер *не своей смертью* – но виной тому отнюдь не человеческие руки. Вариантов три: Джучи, преследуя стадо маралов, упал с коня, сломал себе шею и умер; его растоптало стадо куланов, когда он на охоте вылетел из седла; на Джучи напал тигр (в те времена тигры в кипчакских степях еще водились).

Сколько бы ни было гипотез, всей правды мы уже не узнаем никогда...

К тому времени Чингисхан, никаких сомнений, уже не раз задумывался о *смерти*.

Человеку, которому исполнилось шестьдесят, думать о таких вещах поневоле приходится, хочет он этого или нет (к тому же в те времена человек таких лет считался *старцем*...). С одной стороны, представляется невероятным проникнуть в мысли жившего чуть ли не восемьсот лет назад человека, с другой – с большой долей вероятности эти мысли можно достаточно достоверно угадать...

Нет никаких сомнений, *что любой* властитель, будь то хан из Великой Степи, европейский король или просто лидер могучей страны, размышляя о смерти, чаще всего употребляет слово «несправедливость». Это уж точно. Наверняка всякому, привыкшему повелевать миллионами людей и принимать решения, затрагивающие судьбы стран и континентов, подсознательно представляется чертовски несправедливым, что он – Он! Сам! Великий! – оказывается столь же бессилён и беззащитен перед костлявым лицом Той, Что Приходит За Всеми Людями, словно последний пастух или городской нищий. Наверняка так и обстоит – человеческая психология, знаете ли...

В общем, согласно старинным источникам, Чингисхан однажды начал искать способ продлить жизнь, а то и обрести бессмертие. Он попросту не мог не слышать о знаменитом Древе Бессмертия из китайской мифологии, о золотых пилюлях бессмертия или иных столь же чудодейственных эликсирах, тайнами которых, как люди говорят, владеют монахи-отшельники...

Один из приближенных Чингисхана, мусульманин Джабар-Ходжа (к слову, проживший 118 лет), отправился в далекое путешествие, чтобы привести к Чингису знаменитого даосского монаха Чан Чуня. Даосизм, одно из китайских верований, как раз и проповедовал, что бессмертие – вещь вполне достижимая, и его можно обрести с помощью медицины, алхимии и магии. Джабар-Ходжа был не простым придворным, а одним из военачальников Чингисхана и крупным чиновником его империи – так что миссия была серьезная...

Чан Чунь, живший отшельником где-то на берегах Иртыша, был еще и поэтом – а

также, никаких сомнений, романтиком и идеалистом. Сохранились свидетельства, что он искренне надеялся уговорить Чингисхана прекратить войны и «ввести» всеобщий мир. Так и писал в своих стихах:

Я иду к местопребыванию государя, что на вершине реки,
Для того, чтобы прекратить войны и вернуть мир!

Увы, как это частенько случается, мечты так и остались мечтами. Чингисхан охотно беседовал с ученым отшельником о тайнах мироздания, но любые намеки о милосердии и всеобщем мире решительно пресекал...

Едва они встретились, после обмена приветствиями Чингис спросил напрямую: если ли на свете, у Чан Чуня или где-нибудь еще, «лекарство для вечной жизни»?

Чан Чунь, что делает ему честь, не стал *охмурять* татарского великого хана шарлатанскими обещаниями. Ответил честно: нигде на свете эликсира бессмертия нет...

Потеряв к гостю всякий интерес, Чингисхан отпустил его восвояси, разрешив вместе с учениками поселиться в любом месте татарского государства, какое понравится, и молиться о долголетию великого хана.

Вероятнее всего, Чан Чунь это добросовестно и делал – но даже если так, молитв его хватило на пять лет...

В августе 1227 года (насколько можно вычислить, 2 августа) Чингисхан умер в своей ставке, расположенной под городом Чжунсин, столицей царства тангутов, которую великий хан осаждал.

Обстоятельства его смерти опять-таки весьма туманны. Рашид ад-Дин, свидетель, которому в данном случае можно верить безоговорочно, пишет, что великий хан скончался от «скоротечной болезни» – но никаких подробностей не приводит, что и неудивительно, учитывая уровень медицины того времени.

Одни книжники пишут о «нездоровом климате» тангутских земель, вызвавшем какую-то скоротечную хворобу (другие конкретизируют – малярию). «Сокровенное сказание» сообщает, что во время охоты на куланов пожилой государь не справился с конем, упал и сильно расшибся. «Алтан тобчи» упоминает про «сильный жар».

Разумеется, моментально, практически сразу же, стали распространяться мистические легенды. Джузджани повествует, что взятый незадолго до того в плен император тангутов предсказал Чингисхану смерть на третий день после своей собственной смерти – и у Чингиса с истечением этого срока якобы действительно открылась старая рана, оттуда потекла кровь «как белое молоко», и он «отправился в ад». Правда, Джузджани, как мы помним, находился далеко от места событий, да и к Чингисхану относился с лютой ненавистью.

В Европе ходили и другие версии. Плано Карпини пишет, что Чингисхан умер от удара молнии – но его книга представляет собой пример самого беззастенчивого баснословия, об этом я уже писал подробно и повторяться не намерен.

Гораздо позже, через несколько столетий, когда у монголов появилась своя письменность и они стали писать книги, в том числе и легенды о Чингисхане, появилась еще одна версия, насквозь мифологическая и к тому же крайне пикантная, а потому заслуживающая рассмотрения в качестве красивой и страшной сказки...

По этому сказанию, Чингисхан и царь тангутов бились долго – сошлись в единоборстве и превращались в кого только могли: царь тангутов – то в страшного змея, то в тигра, то в юного богатыря, Чингисхан – то в сказочную птицу Гаруду, то в льва, то в божество. В конце концов победил Чингисхан (в полном соответствии с исторической правдой). Тогда пленный царь тангутов сделал Чингисхану довольно странное предсказание: «Если убьешь меня, погибнешь сам, а если не убьешь, плохо придется твоему потомству». Чингисхан, подумав, царя тангутов все же убил и вознамерился провести ночь с его вдовой. Она-то Чингисхана и погубила: «к потаенному месту своему приладила щипцы», чем, конечно же, причинила

непоправимый вред «тайному месту» Чингисхана – после чего с чувством исполненного долга утопилась в реке.

Схожие легенды и в Великой Степи бытовали – якобы Чингисхан решил жениться на пленной тангутской царевне, и она его ночью зарезала. Но это чересчур уж напоминает расхожий сказочный сюжет (вспомним обстоятельства смерти Аттилы) и с исторической правдой, похоже, не согласуется.

Как бы там ни было, обстоятельства смерти Чингисхана остаются неясными. Как и точная дата смерти, известная лишь по долгим и старательным вычислениям историков, которые могут вовсе не совпадать с тогдашним степным календарем. Как и место смерти – до сих пор, кажется, не установлено точно место, где находился город Чжунсин.

И уж, конечно, так и неизвестно место погребения Чингисхана.

Погребение, никаких сомнений, состоялось в обстановке строжайшей секретности, практически все источники, и те, кому можно доверять, и более ненадежные, сходятся на том, что отправившиеся с похоронной процессией люди убивали всех, кто попадался на пути. Что-то подобное, несомненно, имело место в действительности: точное место, как и в случае с Аттилой, не известно никому (нельзя исключать, что были и ложные погребения, чтобы запутать след, ведь существовала вполне реальная опасность, что неприятели могут осквернить могилу, украсть богатые сокровища, по слухам, положенные вместе с Чингисханом).

Самый надежный в данном случае свидетель, Рашид ад-Дин, откровенно путается в «показаниях»: уверяет, что Чингисхана похоронили на горе Бурхан-Халдун в Монголии, но тут же пишет, что захоронение состоялось в *степи*. Нельзя исключать, что он был в тайну посвящен и умышленно запутывал след...

В его книге есть интересное место: «Говорят, что в том же самом году, в котором его там похоронили, в той степи выросло бесчисленное количество деревьев и травы. Ныне же лес так густ, что невозможно пробраться через него».

Деревья за год не вырастают. Быть может, это место – косвенное указание на то, что погребение состоялось в какой-то глухой чащобе?

Одним словом, существует длинейший список возможных «мест погребений Чингисхана», который здесь нет смысла приводить. Разве что стоит упомянуть: есть версия, по которой тело Чингисхана до Монголии не довели, похоронили неподалеку от места смерти – а вот какие-то его вещи, превратившиеся в реликвии, и сокровища спрятали в нескольких других местах.

В семнадцатом столетии, когда монголы увлеклись сочинением книг, когда среди них появилось немало образованных людей, когда великого тюрка уже стали помаленьку превращать именно что в монгола (невероятно лестно сделать такого героя *своим* предком!), книжники-ламы ухитрились каким-то чудом... Они не только узнали точное место погребения, некое местечко в Северном Китае под названием Ихи Эджен-Хоро, но и неведомо как раздобыли останки Чингисхана. Далеко не все им верили, но это место быстро превратилось в весьма доходное предприятие: паломники и просто любопытные шли косяком, и каждого скромненько просили сделать пожертвование на содержание мемориала... Сколько из этого шло на личные нужды ламаистских монахов (не имевших и отдаленного отношения ни к Чингисхану, ни к татарам, ни к тенгрианской вере), подсчитать никто, разумеется, не в состоянии. Но доход был приличный.

Во второй половине XIX века это место посетил сибирский ученый Г. Н. Потанин и оставил подробное описание. На невысокой четырехугольной насыпи, облицованной кирпичами, стояли две разукрашенные юрты. Внутрь входить не разрешалось. Потанин и сопровождавшие его монголы трижды поклонились, став у входа, потом из-за полога высунулась рука, державшая красное деревянное блюдо, на котором в медной вазочке горело масло. Потанину дали это блюдо ненадолго подержать, потом попросили вновь поклониться троекратно и объявили, что на этом церемония окончена. Хранители уверяли, что в юрте лежит серебряный ларец с костями Чингисхана, но этого ларца, не говоря уж о костях, никто

и никогда не видел.

У хранителей, надо отдать им должное, давным-давно было сочинено и удачное объяснение по поводу недоступности костей. Якобы в старые времена Чингисхану приносились человеческие жертвы, но явился некий тибетский лама, едва ли не живой бог, перепоясал высохшие останки Чингисхана красным поясом и заявил, что он «затворяет» человеческие жертвоприношения, и теперь предстоит ограничиться лошадьми. После чего запер ларец на три замка, ключи увез с собой, так что хранители, мол, и сами который десяток лет не знают, что у них там хранится...

Лично я в эти сказочки не верю совершенно. Чересчур уж фантастическую череду допущений придется сделать, чтобы признать всерьез, будто монголы через четыреста лет ухитрились обнаружить останки Чингисхана. Не ими погребено, не им и отыскать... *Хориг!* Или, как это звучит в другом варианте, *хэрэг!* В детали позволяйте не вдаваться. Поверхностно объясняя – в Азии с незапамятных времен существует система *заветов* на могилы особо выдающихся людей (отголоски этой давней тюркской практики нашли отражение в русском фольклоре о заклятых кладях – и, быть может, не только в фольклоре...). И, поскольку такие вещи выполнялись знающими свое дело людьми, совершенно не верится, что первый попавшийся предприимчивый лама мог добраться до могилы Чингисхана, пусть и четыреста лет спустя...

В тридцатые годы двадцатого века, когда в Китай вторглись японцы, эти две юрты вывезли в знаменитый тибетский монастырь Гумбум – правда, при этом опять-таки нет совершенно никаких сведений о пресловутой серебряной шкатулке с костями Чингисхана. Да и после окончания войны, да что там, вплоть до наших дней достоверных сведений о ней так и не появилось.

Зато денежки текут исправно. В 1956 году уже в коммунистическом Китае на месте Ихи-Эджен-Хоро был выстроен роскошный храм высотой 25 метров и площадью 2400 кв. м. Китайцы по непонятным мотивам стремятся сделать Чингисхана *своим* национальным героем – что абсолютно бессмысленно даже в случае «классической» версии его монгольского происхождения, не говоря уж о более реальной тюркской. Потому что никакого «китайского вклада» в свершения Чингисхана не было и быть не могло.

Но как бы там ни было, нынешний Ихи-Эджен-Хоро стал доходнейшим туристским комплексом, вот ведь в чем штука...

И еще о могиле Чингисхана. В Азии, кроме широко известного фольклора, есть еще *другая* устная традиция: кое о чем рассказывают не каждому, не в полный голос, и, разумеется, на трезвую голову. Так вот, давненько уже поговаривают, что *настоящая* могила Чингисхана не имеет ничего общего ни с одним из многочисленных мест, которые перечисляли досужая молва и ученые книжники. Называют даже точное место – правда, с точностью до нескольких десятков километров, а не географические координаты. И говорят еще, что за могилой Чингисхана есть кому присматривать до сих пор. Совсем уж понизив голос, могут рассказать, что не просто в советское – в сталинское время, когда интересовались не ценой, а результатом, – в тех местах бесследно сгнуло несколько экспедиций.

Человек европейский вправе ничему этому не верить. Азиаты к подобным вещам относятся гораздо серьезнее. Дело даже не в тех «великих сокровищах», которые просто обязаны были лечь с Чингисханом в могилу по давней степной традиции. Есть могилы, которые категорически не рекомендуется тревожить – из-за возможных последствий. Достаточно вспомнить, *что* грянуло буквально на следующий день после того, как любители удовлетворить любопытство за государственный счет открыли гробницу Тамерлана...⁷

Так *кто* же такой Чингисхан?

⁷ Гробница Тамерлана была вскрыта советской археологической экспедицией 21 июня 1941 года.

Уж безусловно не примитивный дикарь, одержимый лишь жаждой грабежа и разрушения. Будь он всего лишь грабителем и разбойником, разве что превосходившим предшественников по размаху, он продолжал бы вести привольную и незамысловатую жизнь кочевого вождя: соболя портянки, золотые стремяна, медовуха в бесценных нефритовых жбанах тончайшей китайской работы, толпы пленных красавиц, охоты, пиры и прочие увеселения...

Меж тем все обстояло гораздо сложнее. Начиная с определенного момента, Чингисхан старательно и упорно, ломая хребет консерваторам – когда в переносном, а когда и в прямом смысле – создавал из скопища полудиких племен, утонувших в бесконечных взаимных распрях, самое настоящее государство. Эль. Без малейшей натяжки, возрождал древние степные каганаты. И после его смерти на огромном пространстве от северных областей Китая до Каспийского моря вместо необозримых «ничьих земель», населенных ведущими вечную войну племенами, возникло огромное государство: с администрацией и безопасными торговыми путями, с писаными законами и аппаратом, следившим за их выполнением, с письменностью и ремеслами. У рядового степного грабителя, живущего по древним племенным законам, попросту никогда бы не возникло *потребности* в строительстве подобного государства. У наследника каганатов, наоборот, потребность эта вполне естественна, и удивить должно было бы скорее ее отсутствие.

Государство это, разумеется, было не идеальным – а что, где-то существуют *идеальные* государства? Оно было построено на крови... а знает кто-нибудь государства, которые создавались бы *иначе!*

Есть два непреложных тезиса, которые просто невозможно опровергнуть, поскольку их при нужде нетрудно подкрепить огромным фактическим материалом.

Во-первых, законы империи Чингисхана, по которым жила значительная часть Азии, содержали гораздо больше честности и благородства, нежели уклад жизни современных Чингисхану европейских государств.

Во-вторых, любые разрушения и жертвы, ставшие результатом завоеваний Чингисхана, не идут ни в какое сравнение с тем, что мы сплошь и рядом наблюдаем в европейской истории.

Так что Чингисхан (по легендам, родившийся со сгустком крови в руке) был жесток ровно настолько, насколько были жестоки сами времена. Взявшись пристально исследовать его походы, всю его жизнь, не найдешь одного – *бессмысленного* садизма и убийств ради самого убийства. Великий хан был железным прагматиком, чем чрезвычайно напоминает Сталина. И не будет преувеличением сказать, что у него были свои нравственные принципы. Например, все древние авторы единодушно отмечают примечательную деталь: Чингисхан терпеть не мог изменников и предателей, тех вельмож и приближенных его врага, которые *предавали* своего правителя. Иногда и воспользовавшись их услугами, он таких все равно потом казнил. И наоборот, приближал к себе, зачислял на службу многих из тех, кто до последнего момента дрался против татар или переходил на их сторону, но никого при этом не предавал. Между прочим, одним из полководцев, штурмовавших Рязань и Козельск, был как раз тангут Сили Цяньбу, в свое время до последнего дравшийся против татар и взятый ими в плен. Нравится это кому-то или нет, но Русь никак не является исключением из правила...

Именно после завоеваний Чингисхана Европа и Азия, Восток и Запад вступили в прямой контакт, и громадный континент в некотором смысле стал *единым*. И у русских, строго говоря, по отношению к Чингисхану не может быть никаких причин для неприязни – *его* войска на русскую землю никогда не вторгались. А за своих потомков он, разумеется, не ответчик... Ну, а о том, чем Русь *обязана* татарам (пусть кого-то и шокирует такая постановка вопроса), – мы поговорим чуть позже...

Современные исследователи давно уже пишут, что, судя по всему, Чингисхан с некоего не проясненного для нас момента искренне верил, что Тенгри, Великое Небо, именно ему предназначило власть над миром. Это, кстати, опять-таки прекрасно соотносится с

психологией *каганов*, одновременно и светских, и духовных владык. Все противники Чингисхана, не принимавшие эту идею, считались не просто врагами, а «булга ирген», мятежниками, выступавшими против воли Неба. И война против них, таким образом, была морально оправданной необходимостью. Так что Чингисхана вела не жажда грабежа, а некая *высокая идея*. Была ли она истинной или ошибочной, по нраву она нам, сегодняшним, или нет – это уже второй вопрос. Нельзя забывать, что и *наши* высокие идеи, во имя которых наши предки пролили немало кровушки, *другим* сплошь и рядом казались и не идеями, и не высокими. Все относительно, в конце концов...

Перед смертью (очевидно, все же не внезапной) Чингисхан в присутствии десятков свидетелей дал наставления двум своим сыновьям, которым предстояло принять государство – Угедэю и Тулу. Главные его требования, высказанные в предельно жесткой форме, – соблюдать целостность государства и не изменять «Ясу», свод писаных законов. Считается, что при этом было высказано еще и категорическое пожелание расширять татарскую империю «до последнего моря», но насчет *этого* достоверно ничего не известно. Эта сторона вопроса наиболее туманна, так что до сих пор нельзя сказать с уверенностью, в самом деле Чингисхан завещал сыновьям идти до «последнего моря», или эта идея возникла после его смерти и была приписана авторитету покойного властелина...

В 1229 году брат Чингисхана Отчигин, сыновья Джагатай и Тулуй в присутствии всех мало-мальски значимых в Великой Степи людей провозгласили Угедэя великим ханом. Девятикратно, как требовал обычай, поклялись ему в верности. А в 1235 году состоялся знаменитый курултай, совещание, в котором участвовали тысячи людей – не только знатные люди и военачальники, но и особо отличившиеся воины. Там-то и обсуждался серьезнейший вопрос: продолжать походы за пределы государства или удовольствоваться уже имеющимися?

И у той, и у другой точки зрения имелись свои сторонники – татары вовсе не были сплоченной ордой грабителей, только и мечтавшей о новых набегах. Бесконечные войны, как легко догадаться, тяготили и самих воинов – у каждого была семья, хозяйство, а любовь к приключениям хороша только в юные годы. Сам Угедэй, хоть и четверть века проведенный по воле отца в походах, военное дело не особенно любил, а ставший его первым министром Елюй Чуцай к «ястребам» тоже не относился и любил говорить, что главное – не воевать, а управлять. Тем более что бывшие враги – соседние государства были начисто разбиты и угрозы не представляли никакой. Во времена Чингисхана было добыто достаточно богатств, чтобы вести обеспеченную жизнь.

Однако «партия войны», как легко догадаться, сложилась сильная – потому что состояла из тех, кого с полным на то основанием можно именовать *генералами*. Очень возможно, что некий общетатарский референдум, проводившийся среди *простого* народа, показал бы, что большинство за мир – еще и оттого, что вводившиеся в случае войны чрезвычайные налоги по бедноте и «середнякам» били не в пример сильнее, чем по знати. «На войну» забирали обычно трех коней с каждого «хозяйства». Тот, у кого тысячный табун, такую реквизицию перенесет легко, если вообще заметит. А тот, у кого коней всего десяток?

Генералы, без сомнения, не хотели расставаться с той громадной властью, которой обладали только в *военное* время. Да и военная добыча... Мы прекрасно помним, что в сорок пятом году рядовой мог притащить домой только то, что помещалось в заплечном мешке – а вот генералы и маршалы вывозили из Германии добро вагонами. Точно так же обстояло и в тринадцатом веке, разве что вагонов еще не изобрели...

И знать *пробыла* идею нового военного похода. Именно тогда впервые в полный голос прозвучала ссылка на «завещание Чингисхана», призывающее идти до «последнего моря». Ситуация отнюдь не уникальная в мировой истории – когда непререкаемым авторитетом великого вождя освящалась идея, быть может, не имевшая к нему никакого отношения.

Весной 1236 года татарские тумены под командованием Бату-хана, Батыя, двинулись к Волге.

Но еще не на Русь...

Глава девятая. Волжская Атлантида

Прежде всего Батый ударил на страну, которая, думается мне, вполне заслуживает названия Волжской Атлантиды – на Великую Булгарию.

Собственно говоря, эта страна, в отличие от многих легендарных островов, никуда не погружалась, не оказывалась скрыта волнами, преспокойно оставалась на своем месте все последующие столетия. Но вот из *памяти* она оказалась вычеркнутой начисто. О ней если и упоминают, то непременно мимоходом, как о чем-то весьма несущественном – и потому у нескольких поколений школьников просто-напросто не сформировалось знание о Великой Булгарии как о большой, настоящей, развитой и сильной стране, что при скудости информации неудивительно. Жили на Волге какие-то не вполне понятные булгары, а потом куда-то подевались – что еще можно вспомнить, если деталям и подробностям никто не учил?..

Так вот, в свое время существовало государство Великая Булгария, которой правил царь Кубрат. После его смерти, как частенько случается, страна не просто распалась – из нее *ушли* люди. Булгария Кубрата располагалась на территории современной Украины и Северного Кавказа. Два сына покойного *балтавара* (именно так звался Кубрат), с подчиненными им родами отправились в разные стороны. Хан Аспарух ушел на Дунай, где основал существующее до сего дня государство, известное нам как Булгария. Хан Котраг отправился в другую сторону, на Волгу, где создал Волжскую Булгарию – в отечественной историографии ее называют чаще Булгарией, так что этого названия и будем придерживаться.

Столицей Волжской Булгарии стал город Булгар, располагавшийся примерно в 120 километрах вниз по течению Волги от Казани. Из-за выгодного географического положения Булгар уже в X веке стал крупнейшим торговым центром на Волге и Каме. Славяне везли в Булгар мед, хлеб, воск, меха, «рыбий зуб», то есть моржовые клыки, янтарь с Балтики. Арабы и хазары в обмен давали бисер, золотые и серебряные ювелирные изделия, булатные клинки, шелк, пряности и много чего еще, от гарпунов для рыбной ловли, до разнообразной бижутерии. Булгарские купцы, как все купцы на свете, были людьми хитрыми и оборотистыми: они давным-давно распустили слухи, что некоторые подвластные им племена – людоеды, и ездить к ним чужим нет никакого резону – сожрут, мол, моментально, по дикости своей. Ну а сами вовсю скупали у этих «людоедов» меха и с выгодой перепродавали арабам с хазарами.

Что до происхождения булгар, то лучше всего на этот вопрос ответили они сами: когда арабский книжник Димашки встретил в Багдаде идущих в Мекку булгарских паломников и поинтересовался их родословной, они ответили: «Мы булгары, а булгары – смесь турок со славянами» (под «турками» в те времена понимались не нынешние турки, а разнообразные тюркские народы из Великой Степи).

По вере булгары были магометанами – в 922 году их царь Ал-муш принял ислам, побудил к тому же своих подданных и стал «младшим братом» багдадского халифа. Именно в этом году из Багдада пришло большое посольство, и его секретарь Ахмед Ибн-Фадлан оставил интереснейшие записки, сохранившиеся до нашего времени: «Путешествие Ахмеда Ибн-Фадлана на Волгу».

Естественно, Булгария была не степным кочевьем, а «страной тысячи городов», как ее называли иностранные книжники. Городов, конечно, было гораздо менее тысячи, но это несущественно. Главное, что это было *государство* – черная и цветная металлургия, обработка металлов, ювелирное, гончарное, кожевенное ремесло, резьба по дереву, камню и кости. Волжские булгары, факт исторический, первыми в Европе стали выплавлять чугун. Именно в Булгарии русские князья в неурожайные годы закупали зерно.

Если прибавить ко всему этому ежегодные международные ярмарки, легко понять, что страна была зажиточная.

Те самые иностранные книжники оставили немало любопытных свидетельств о болгарских обычаях. В первую очередь, они отмечали свободу, которой пользовались женщины, повсюду появлявшиеся с открытым лицом и ничуть не похожие на «теремных затворниц» мусульманского мира или Руси. Согласно обычаю, мужчины купались вместе с женщинами (такие же порядки существовали и у славян). Правда, при сватовстве решающее слово оставалось не за самой просватанной, а за ее родителями (у болгар, как у правоверных мусульман, кстати, было в традиции многоженство). Ну, а наказание за супружескую измену, как и у татар, гуманизмом не отличалось: виновного или виновную привязывали к четырем столбам и рубили топором от всей души. Служило ли это стопроцентно высокому «облику морале», в точности неизвестно.

С убийцей поступали столь же сурово: его надежно запирали в крепкий сундук, а сундук вешали на высокое дерево и оставляли там, куда преступник сам не помрет.

Если в дом ударяла молния, болгары его покидали навсегда, считая, что это признак гнева божьего.

Некоторые обычаи, впрочем, никакой симпатии не вызывают. Ибн-Фадлан упоминает, что болгары имели привычку вешать людей, выделявшихся необычайной ученостью и превосходившим средний уровень умом, говоря не без цинизма, что такой человек не достоин скудного земного бытия, и ему следует «идти служить Богу».

Каждые двадцать лет всех старух обвиняли в чародействе и бросали в реку. Выплывших признавали колдуньями и сжигали на кострах, а тех, кто пошел ко дну, признавали невиновными. Сколько при этом захлебывалось бедолажных невиновных бабуль, которых не успевали откачать вовремя, история умалчивает. А впрочем, и у тогдашних славян был схожий обычай – регулярно устраивать «охоту на ведьм» в самом прямом смысле...

Страна эта никоим образом не была каким-то Эдемом. Сохранилась книга жившего тогда писателя Шереф-Эддина Булгари, который с горечью свидетельствует: «Наши болгары славились своим развратом. Ученые законными уловками разрешили брать проценты (в исламе одним из самых жутких прегрешений считается давать деньги в долг под процент. -А. Б), а равно много было грехов прелюбодеяния и смертоубийства; из-за пьянства оставили джуму (соборное моление в пятницу), не исполняли обрядов, считая дозволенным пить бузу и пиво; порицали имама Шади, называли его слова пустословием, не исполняли праздника жертвоприношений, стали весьма грешными перед Всевышним».

Ну что тут скажешь? У всякого народа, во всякой стране, к сожалению, эта тенденция присутствует: как только государство становится более-менее развитым и культурным, откуда ни возмись распространяются всевозможные пороки, и совершенно неважно, идет ли речь о христианском мире или мусульманском. Есть что-то этакой миной заложенное в самой городской культуре: за определенным пределом нравы падают, как пьяный в канаву...

И вот тут мы вплотную подступаем к крайне неприятному для нашей национальной гордости вопросу...

Нравится это ревнителям Святой Руси или нет, но русские князья в истории Волжской Булгарии играли совершенно ту же самую роль, что для Руси – степные ханы. Именно русские первыми стали устраивать набеги на болгар – за добычей. Началось это еще при Владимире Крестителе, а поскольку добыча была богатой, то князья взяли в привычку ходить на болгар точно так же, как половцы наведывались на Русь прихватить все, что лежит плохо, а особенно – хорошо.

Хаживал «за зипунами» и суздальский Андрей Боголюбский (1172), и великий князь Всеволод (1184), совместно с киевлянами, рязанцами и муромчанами. Всякий раз, как нетрудно догадаться, нападающие сжигали города, опустошали села, угоняли скот и пленных, которых, в соответствии с традициями эпохи, распродала в рабство. Булгары тоже не оставались в долгу – когда суздальский Всеволод умер и его сыновья принялись драться за опустевший «стол», болгары в 1217 году взяли Углич и вдоволь там побуянили.

Нижний Новгород был построен в 1221 году именно как крепость на стратегическом

месте, при впадении Оки в Волгу, необходимая в первую очередь как укрепление против болгар. Но не только – из Нижнего Новгорода русские князья устроили два похода на мордву (в 1226 и 1228 гг.), после чего, естественно, разобиженная мордва во главе со своим князем Пургасом предприняла ответный визит в Нижний Новгород, но крепость взять не смогла.

История этой осады, состоявшейся в 1229 году, весьма интересна. Мордовские князья были вассалами болгарских царей, а болгарам и самим надоели русские визитеры. Поэтому к Нижнему Новгороду подступили не только мордовские дружины, но и болгарские войска во главе с самим царем Мир Гази.

А командовал осажденным гарнизоном Нижнего Новгорода... тоже чистокровный болгарин по имени Гази Барадж, крупная и интереснейшая фигура того времени, совершенно выпавшая из русской историографии...

В свое время болгары выдали Андрею Боголюбскому в качестве заложников потомков болгарского царя Арбата и Азана. Заложники отнюдь не стали заключенными, наоборот, попали на русскую службу. Арбат даже стал воеводой в небольшой крепости под названием Москва (о которой тогда никто и думать не мог, что позже она превратится в столицу государства Российского). Азан, отец Гази Бараджа, вот парадокс, участвовал... в походе князя Всеволода на Булгарию.

И наверняка без малейшего душевного неудобства. Дело в том, что Всеволод хотел посадить Азана, как своего ставленника, на болгарский трон. Народ в те времена был ох как не лишен прагматического цинизма, а потому можно ручаться, что самому Азану эта идея весьма даже нравилась.

Однако это увлекательное предприятие сорвалось. Азан с сыном Гази попали в плен к болгарам – и оказались уже на болгарской службе: Азан – на гражданской, а Гази – на военной.

В 1219 году уже русские взяли Гази в плен и шесть лет продержали в темнице, а потом сделали предложение поступить на русскую службу. Гази Барадж согласился, и князь Юрий назначил его воеводой в Нижний Новгород, где Гази и отбил старательно нападение своих земляков. Удивляться тут нечему, в те времена и на Руси, и в Западной Европе подобное случалось сплошь и рядом. Да что там, такое положение сохранялось до наполеоновских войн – когда иные французские генералы из-за идейных разногласий с Бонапартом воевали на русской службе, и никто их этим не попрекал ни в России, ни в родной Франции... Традиция, знаете ли.

Потом в Булгарии умер своей смертью царь Чельбир, династия пресеклась, и болгары пригласили на опустевший трон как раз Гази Бараджа...

Кстати, не кто иной, как дореволюционный *русский* историк М. Н. Пинегин еще в конце девятнадцатого века писал о русско-болгарских войнах без всяких попыток выгородить земляков: «Первым внешним врагом были русские; они начали походы на болгар еще при князе Владимире Святом; болгары также не остались в долгу, грабили русские города, опустошали целые волости, уводили жителей в плен, то же самое производили и русские при своих нападениях на болгар; лишь большими окупам последние спасались от полного разорения. К началу XIII века Булгария доведена была русскими до совершенного изнеможения».

Еще и по *этой* причине наши историки не любят подробно излагать историю Булгарии – в самом деле, как-то стыдно признаться, что Русь играла в отношении этой страны ту же роль, что «степняки» в отношении ее самой...

В 1223 году, когда Гази Барадж еще сидел в русской темнице, татарские тумены Джебе и Субудай-багатура, разбив русских князей на Калке и гнавшись за ними до Новгород-Святополча, повернули на восток, к Булгару.

И получили там по полной программе. Булгары заманили татар в некую «полосу укреплений», специально построенную для засады, и разбили наголову. Было взято четыре тысячи пленных, которых потом болгары ради пущей насмешки вернули татарам в обмен на баранов – голову за голову. Позор был еще тот, и Чингисхан, узнав о «бараньей битве», как

она стала позже именоваться, разъярился не на шутку (хотя вряд ли стоит верить иным современным болгарским романтикам, что именно из-за этого поражения он впал в такую меланхолию, что скоропостижно скончался). Как бы там ни было, оплеуха татарскому самолюбию была болгарскими нанесена увесистая – за что их следует уважать, особенно в сравнении с поведением русских на Калке...

...А потом судьба Гази Бараджа продолжала выписывать причудливейшие зигзаги...

Надо полагать, Гази и в самом деле относился к русским с определенной симпатией – потому что против него в родной Булгарии почти мгновенно составилась нешуточный мятеж, главари которого всюду кричали, что новый царь – «тайный христианин», «тайный доброхот русских» и даже «враг исламской державы». Как всегда бывает в подобных случаях, невозможно определить, что здесь от правды, а что – вранье тех, кто сам под шумок хотел захватить престол...

И началась нешуточная заварушка. Крупные феодалы, образовав этакую фронду, двинулись с войсками на столицу Биляр свергать Гази Бараджа, у которого почти не было военной силы. А потому он, недолго думая, бежал на Русь, прихватив с собой останки русского священника Авраамия, чья судьба опять-таки, как выразился бы дон Румата, достойна баллады.

«Попище» Авраамий попал к болгарам в плен в 1219 году, будучи участником похода суздальского князя Ярослава на Булгарию. Его собирались было продать в рабство вместе со всеми, но персону в облачении священника заметил сам царь Чельбир – и велел немедленно освободить, поскольку, по давним болгарским обычаям, служителя какой бы то ни было веры в рабство обращать категорически не полагалось. Авраамий *прижился* в болгарской столице Биляре, стал священником тамошней христианской общины, а заодно занялся и торговлей, в чем преуспел.

В 1229 году в Биляре некий мулла Кылыч, очередной борец за чистоту веры, устроил христианский погром, при котором Авраамий погиб. На Руси, когда его останки были привезены Бараджем, Авраамия возвели в чин «христовых мучеников» – а Бараджа опять назначили воеводой в Нижний Новгород.

В 1232 году появилась татарская конница во главе с Батыем и направилась к Биляру посчитаться за прежнее. Вот только татарам второй раз выписали по первое число... В решающем сражении Батый потерял 15 тысяч воинов и отступил в степи, будучи ранен в поясницу. Именно в память об этой победе крепость, около которой шла битва, была названа Бугульма. В переводе на русский «бугульма» означает «не гнется», а раненый Батый действительно не мог согнуться...

Таким образом, как мы видим, Волжская Булгария *дважды* за короткий срок наносила татарам весьма чувствительные поражения – пример, прямо скажем, для истории татарских завоеваний уникальный.

Ну а русские князья повели себя как последние идиоты...

Отбив татар, болгарский царь Алтынбек прислал владимирскому князю Юрию Всеволодовичу в подарок мрамор (которым потом вымостили пол в церкви Владимирской Богородицы) и попросил помощи против татар, справедливо замечая, что угроза и для Руси нешуточная. Юрий отправил в Булгарию десятитысячное войско под командованием своего сына Всеволода, состоявшее из владимирских, рязанских и муромских дружин. Вот только, вместо того чтобы вместе с болгарскими выступить на татар, это войско... принялось жечь и грабить Булгарию (кто бы тогда знал, что всего пять лет спустя и Юрий, и Всеволод умрут от татарских сабель, и никто, даже соседние русские князья, не придет им на помощь?)

Булгары встретили русское войско и расколошматили его так, как только что татар. Участвовавший в походе Гази Барадж понял, что с русскими каши не сварить, и отправился в ставку Батыя. Батый представил его великому хану Угедэю, а тот назначил Гази «эмиром» Булгарии и пообещал вернуть ему царский трон.

А в 1237 году, как я уже говорил, начался большой поход Батыя на север...

На территории Великой Булгарии маршрут для татарского войска старательно составил

Гази Барадж. Его дядя, правитель одной из областей, перешел к татарам, но остальная страна упорно сопротивлялась. Защитники крепостей Сарман и Тубулгатау дрались до последнего человека. Внук Чингисхана Мункэ в знак признания их мужества велел сжечь тела на погребальном костре – что по татарским обычаям считалось большой честью: татары верили, что при сожжении тела удалца его душа сразу воссоединится с Тенгри и вернется обратно на землю в облике нового храбреца.

В сентябре татары подошли к Биляру и после двухнедельного яростного штурма взяли город. Уговаривавший земляков сдаться Гази Барадж успеха не имел – в ответ его ранили со стены стрелой. Точно так же меткий стрелок, сын кипчакского хана Миннебай Ямат, имевший с татарами свои счеты, убил из лука сына Чингисхана Кюлькана (правда, известный наш писатель В. Ян отчего-то приписал это русским витязям).

Разъяренные татары разрушили Биляр полностью и перебили всех пленных. Против этого выступал не только Гази Барадж, но и Мункэ с Батыем и Субудай-багатуром, но хан Гуюк, человек злобный и мстительный, велел истребить всех под корень. Биляр так никогда больше и не оправился, он попросту перестал существовать.

Гази Бараджа, рассчитывавшего на царский титул, татары быстро *окоротили*, признав за ним только право на звание эмира, то есть правителя вассальной области...

Однако еще держался большой цветущий и богатый болгарский город Банджа. Татары осаждали его год – потому что разрушать не хотели. Батый именно из него намеревался сделать столицу своего Кипчакского улуса. Вот только жители с этой идеей были категорически не согласны...

Любопытно, что оборону Банджи возглавляла женщина – царица Алтынчач, дочь царя Алтынбека. После годичной осады все же начался решающий штурм. Оставшиеся в живых защитники города отступили в деревянную мечеть «Сабан» и еще долго там отбивались, пока Мункэ не велел мечеть поджечь. Не выдержав жара и дыма, оставшаяся горстка болгар выбежала наружу и попала в плен. Но царицы Алтынчач среди них не оказалось, как ее ни искали, не нашли ни живой, ни мертвой. Есть народная легенда, что ей все же удалось ускользнуть из Банджи, и она еще долго нападала на татар во главе небольшого отряда...

По какому-то неисповедимому вывиху сознания правившие в прилегающих к Булгару княжествах русские Рюриковичи разгром и покорение татарами Булгарии... проигнорировали совершенно, не придав этому никакого значения. И после Калки, и после занятия татарами Булгарии они, полное впечатление, упорно не понимали, что столкнулись не с каким-то очередным кочевым племенем, а с армией сильного государства, всерьез намеревавшейся продолжать завоевания...

Несмотря на все жертвы и разрушения, болгары сохранили себя как *народ*, хотя и стали вассалами татар. Разрушенный Батыем город Булгар был восстановлен и какое-то время был резиденцией ханов Золотой Орды, а также оставался крупнейшим торговым центром.

Последующий ущерб для Булгарии – опять-таки дело рук русских, нравится нам это или нет. В 1278 году страну опустошал русский князь Андрей Городецкий и его помощник князь Федор Чермный – не по своей, разумеется, личной инициативе. Оба помянутых князя много лет принимали самое активное участие в татарских походах – и в Осетии, и в Булгарии, и в карательных экспедициях на Русь. После художеств в Булгарии Городецкий с русско-татарскими отрядами за «непокорство» опустошал и жег Муром, Переяславль, Владимир, Суздаль, Тверь и Торжок. По сообщениям *русских* летописцев, воинство Андрея угоняло людей в рабство, насиловало монахинь, разграбило все церкви, попадавшиеся на пути...

Но вернемся к Булгарии. В 1396 году город Булгар был до основания разрушен правителем Золотой Орды Темир Аксаком и уже никогда не возродился. Столицей Волжской Булгарии стала Казань, которую еще долго именовали Болгар-аль-Джадил, то есть «Новый Булгар».

С этого времени и начинается история Казанского ханства, чье население мы привыкли

называть *татарами*. Однако, не отрицая полностью существования народа под названием «казанские татары» (что было бы просто глупо), не нужно забывать, что *часть* населения Казанского ханства составляли все же *булгары*, сохранившие себя как нацию.

Присутствие *булгарского* элемента в истории Казанского ханства прослеживается четко. Турецкие документы 1550 года называют Казань столицей *Болгарского* вилайета. После завоевания Казани Иван Грозный присоединил к длинному списку своих титулов еще и «князь Болгарский» – не «татарский», а именно что *болгарский*. Кстати, именно на основании этого скверновато знающий средневековую историю Фоменко и сделал вывод, что Россия правила-де некогда *дунайской* Болгарией – иначе, мол, почему русские самодержцы до самого краха монархии именовались «князьями Болгарскими»? Меж тем речь идет как раз о *Волжской* Болгарии, чье существование для Фоменко, насколько можно понять, так и осталось тайной за семью печатями. Впрочем, это не его личная вина – отечественная историография со всем усердием, достойным лучшего применения, погружала Булгарию в совершеннейшее забвение. Поистине Волжская Атлантида, скрытая от глаз исключительно людскими усилиями, а не катаклизмами природы...

При Петре I хлынувшие в Россию западноевропейские ученые кое к каким вопросам подходили с восхитительным простодушием. Ни в коей мере нельзя отрицать их вклад в развитие российской науки, но и благоглупостей они напоролы изрядных. Как это было с «татарами». Иностранцы специалисты (сплошь и рядом не знавшие не только татарского, но и русского) не утруждали себя тщательными поисками родословной народов Российской империи. Живут в Сибири? Значит – сибирские татары, и точка! В Казани? Казанские татары, ясен пень. Говорите, некоторые из этих «татар» упрямо именуют себя «булгарами»? Антинаучный подход, батенька. *Европейские* ученые труды никакой такой Великой Булгарии знать не знают, а значит, и болгар на свете быть не может, и они – чисто мифологическая фигура, вроде единорога или песьеглавца...

Вероятнее всего, логика рассуждений была именно такой. Хотя булгары не раз поднимали восстания (как это было, скажем, в 1753–1755 гг.), стремясь к возрождению именно *Булгарии*. А русские летописи, составленные после Ивана Грозного, частенько пестрят фразами вроде «*болгары* окаянные опять восстали».

В 1862 году появилась организация «Совет волжских болгарских мусульман», чья суть ясна из названия и дополнительных разъяснений не требует.

В июле 1917 года волжские булгары созвали в Казани съезд и решили возродить Волжскую Булгарию (будем отныне писать это название через «о», как делают сами представители данного народа в наше время). Съезд возглавил Садри Максуди, человек ученый и эрудированный, прекрасно знавший историю своего народа, получивший в Сорбонне высшее юридическое образование и ставший депутатом Государственной думы двух созывов.

В ноябре того же года была провозглашена национально-культурная автономия Идель-Урал, территория которой включала исторические земли Волжской Булгарии.

(Уточню сразу: мне категорически не по душе откровенные *перехлесты* современных болгарских идеологов, которые в полемическом запале заявляют, будто никаких татар «нет вообще», будто все казанские татары – это булгары, вот только одни булгары «правильные», сохранившие историческое самосознание, а другие – нет. Это уже перебор – поскольку татары реально существуют как нация и не стремятся признавать себя «неправильными булгарами». Межнациональные отношения – штука тонкая, особенно в нашу непростую эпоху, а потому следует семь раз отмерить, прежде чем резать. Татарский народ существует – и точно так же *существует* болгарский, хотя наверняка не в тех масштабах, которые представляются восторженным романтикам. От подобных романтиков, скажем откровенно, иногда бывает больше вреда, чем пользы.)

С. Максуди, подготовивший Конституцию Идель-Урала, вовсе не был ни узколобым националистом, ни сепаратистом, не требовал никакого «суверенитета» и писал: «Мы не хотим быть свободными против русского народа... мы твердо верим в возможность

свободного существования совместно с русским народом, которого мы никогда не смешивали с правительственной властью, не исходящей из народа».

Против Максуди и его идей выступили те «татаристы», которые *вообще* не признавали существования отдельного «болгарского» народа.

А потом пришли большевики... Вовсе не склонные ломать себе голову над проблемами болгарского народа – у них был *свой* план действий, предписывавший в том числе избегать лишних сложностей. Какая, в сущности, разница – одни татары живут в Поволжье, или еще и какие-то болгары, если всем народам предстоит плечом к плечу сражаться за мировую республику Советов? К чему забивать себе голову ненужными подробностями?

27 мая 1920 года Ленин подписал декрет об образовании *татарской* республики... До этого большевики старательно разгромили и Идель-Урал, и Совет волжских болгарских мусульман как сугубо «контрреволюционные» организации. С. Максуди, за голову которого большевики предлагали крупное вознаграждение, сумел бежать за границу и обосновался в Париже. Он направил в адрес Парижской мирной конференции стран Антанты, подводившей итоги Первой мировой войны, меморандум о проблемах болгар, где писал: «Представляется целесообразным обратить внимание на то, что название представляемой мною нации „татары“ не что иное, как историческая ошибка». Однако высокая конференция решала гораздо более судьбоносный вопрос, нежели восстановление исторической справедливости в отношении какого-то полузабытого азиатского народа. Члены Антанты увлеченно грабили побежденных и строили новый мировой порядок с самими собой, любимыми, во главе – где уж тут вспоминать о болгарах, которые, вот чудо, обитают не на Балканах, а на Волге...

Между прочим, еще в марте 1920 года на территории Казанской губернии вспыхнуло восстание болгар, не желавших «приписываться» в татары – а заодно и против большевиков, успевших надоесть хуже горькой редьки. Большевики, не мудрствуя, объявили мятеж обычной контрреволюционной вылазкой и самым кровавым манером подавили силами регулярных войск. В чем с превеликой охотой участвовали иные «красные татарские деятели», которых потом Сталин (правда, за совершенно другие «заслуги») прислонил к стенке, отчего они до сих пор считаются «безвинными жертвами культа личности».

Потом появилась и Башкирская республика – как своеобразная плата башкирам за поддержку красных против Колчака. Болгарам снова не нашлось места в этом «параде суверенитетов». Но болгары оставались болгарами. В 1922 году автор книги «Мусульманская культура в Среднем Поволжье» М. Худяков писал: «Масса современных казанских мусульман и в настоящее время не считает себя татарами, а зовет себя болгарами». В 1926 году, во время Всесоюзной переписи населения, болгарами себя назвали полтора миллиона человек – но к тому времени уже стали появляться «научные труды», изображавшие волжских болгар попросту «пришедшими из Монголии монгольскими кочевыми племенами»... А там и всеобщая паспортизация с «пятой графой», куда всем поголовно, чтобы не умничать, вписывали «татарин».

Максуди еще много лет прожил за границей, был профессором Сорбоннского, потом Стамбульского и Анкарского университетов, преподавал право и историю, умер в 1957 году, и вернуться в Россию ему было уже никогда не суждено...

В апреле 1946 года в Москве состоялась научная сессия при Академии наук СССР, организованная отделением истории. В ней участвовали известные историки, археологи, этнографы, лингвисты. Было сделано немало серьезных выводов: о том, что современные татары не имеют никакого отношения к «монголам», что такая нация, как волжские болгары, существует в действительности, что она никогда не была «истреблена дочиста». Увы, никаких последствий для восстановления исторической справедливости не последовало.

Когда началась перестройка (не к ночи будь помянута), журнал «Известия ЦК КПСС» в 1989 году опубликовал перечень народных просьб, отправляемых письменно в адрес ЦК. «Во многих письмах из разных регионов страны казанские татары просят именовать их «болгарами» или «булгарами».

Ну а когда в последние годы трудами энтузиаста Ф. Нурутдинова был опубликован

свод болгарских летописей, на многие события в истории *всей* России пришлось взглянуть по-иному (позже мы и этого коснемся).

Можно привести и свидетельство человека, безусловно авторитетного в данном вопросе. Талгат Таджуддин, муфтий и шейх-уль-ислам, глава Центрального духовного управления мусульман России и европейских стран СНГ: «И так уж нас татарами обзывают, хотя на самом деле мы болгары... А болгары – это ближайшие родственники болгар. Просто одни остались на Волге, а другие ушли дальше, на Дунай, и смешались с остальными».

Так что выводы просты: не претендуя на право татар считать себя народом, нужно все же признать, что некоторая *часть* татар является *болгарами*. Какие бы причудливые этнические смешения ни происходили в результате Батыева нашествия с превеликим множеством этносов, древние болгары сохранили себя, свой язык и культуру.

И следовало бы почаще вспоминать об их стране и отводить ей в истории то место, какого она, безусловно, заслуживает – не шарахаясь от «скользких» тем и «острых» вопросов...

Глава десятая. Царь Батый и все-все-все

История татарского нашествия в современной ее передаче изобилует не то чтобы мифами – просто-напросто значительными искажениями. Все вертится вокруг нескольких незатейливых штампов, сплошь и рядом не имеющих ничего общего с давней реальностью. Либо сводится к общим фразам, которые создают впечатление, будто вторжение татар было неким невиданно жутким катаклизмом – прямо-таки в стиле голливудских боевиков о природных катастрофах, неким совершенно небывалым прежде несчастьем, превосходящим все случавшееся ранее.

На самом деле (хотя кто-то, воспитанный на устоявшихся штампах, может этому и не поверить) татарское нашествие сплошь и рядом *уступало* по числу жертв и разрушений прежним княжеским междоусобицам. Нравится это кому-то или нет, но это суровый факт. Мы как-то подзабыли, что «литература хоррора» – вовсе не изобретение двадцатого века. В Средневековье тоже прекрасно умели сочинять разнообразнейшие ужастики, особенно когда на это имелся недвусмысленный социальный заказ...

В последние годы не то чтобы началось некое «ревизионистское» переписывание истории – всего-навсего ученые, не имеющие никакого отношения к «новой хронологии» и прочим ересям, начали все *же размышлять* над скудными источниками. К тому же в оборот вошли те источники, которые еще лет двадцать назад попросту не рассматривались – например, болгарский летописный свод, откуда можно почерпнуть массу интересного и напрочь расходящегося с «канонической» версией.

Начнем с того, что подвергшаяся удару Батыев Южная Русь чуть ли не пятьдесят лет до того, с последних лет XII века и до вторжения татар, была охвачена непрерывными и кровопролитными войнами князей. Они брали штурмом, сжигали и грабили друг у друга стольные города, захватывали чужие «столы», подсылали убийц, преспокойно брали в заложники жен и детей соперников, сплошь и рядом нарушали честное слово («крестное целование»).

Между прочим, все это была, собственно, одна большая семья – потомки по прямой линии Владимира Святого. Но когда речь идет о власти, престоле и прочих благах земных, никакие родственные отношения во внимание не принимаются – а потому сплошь и рядом убивали, свергали, ослепляли и подсиживали друг друга родные и двоюродные братья, дядья и племянники и прочая близкая родня. На дворе стоял классический феодализм, и русские князья, в точности как их западноевропейские братья по классу, дружно плевали на лирические мелочи вроде кровного родства и клятвы на кресте...

И, главное, практически все русские летописи известны только по «спискам» пятнадцатого-шестнадцатого столетия, то есть были написаны не непосредственными очевидцами и участниками событий, а жившими лет через двести-триста книжниками, перед

которыми стояла уже совершенно *другая* задача: создать собирательный образ «злых татаровей», людоедов и супостатов, злейших врагов Святой Руси. Поскольку в те времена политическая ситуация коренным образом изменилась: избавившись от вассальных обязательств перед татарами, воюя со всеми без исключения ханствами, созданными после распада Золотой Орды, русские великие князья нуждались в идейном обосновании своей политики и в идеологической обработке масс в нужном направлении. Насущная политика требовала показывать татар исключительно злобными демонами, не имевшими другой задачи, кроме как опустошить начисто русскую землю, да так, чтобы она и не возродилась более. Давным-давно умершие Батыевы татары стали демонами во плоти...

А вот в последние годы начали всплывать интереснейшие факты. Выяснилось, например, что летописный рассказ о взятии и разорении Батыем Суздаля составлен из фрагментов, заимствованных летописцами из рассказов о событиях, *предшествовавших* татарскому нашествию – например, из описания разграбления Киева *половцами* в 1203 году (половцы, замечу в скобках, не сами по себе окаянствовали, а были приглашены претендовавшим на Киев князем Рюриком Ростиславичем). Вообще получается, что о татарском «разорении» повествуется общими фразами, без претендующих на достоверность деталей...

Если мы возьмемся подробно изучать ситуацию вокруг Киева, то обнаружим, что события эти чертовски сложны и по закрученности сюжета не уступают толстеному приключенческому роману.

С 1235 по 1240 год Киев *семь* раз перехватывали друг у друга русские князья – как легко догадаться, всякий раз с боем, с пожарами, разрушениями и грабежом (иного в Средневековье и ожидать не следовало). Так что татары в конце концов штурмовали уже в значительной степени разрушенный и обезлюдивший город, жители которого, надо полагать, осатанели от подобной неустойчивости жизни и вряд ли горели желанием стоять до последнего. Восемь нашествий за пять лет – это, знаете ли, многовато...

События, непосредственно примыкающие к появлению Батыя, выглядят следующим образом.

Жил-поживал на свете крайне амбициозный и непоседливый князь Михаил Черниговский. Княжил-то он в Чернигове, но, вульгарно выражаясь, стремился прихватить все, что плохо лежит. В 1238 году он ненадолго захватил Галич – но из очередного похода вернулся тамошний законный князь Даниил Галицкий и вышиб непрошеного гостя к чертовой матери обратно в Чернигов.

В следующем году объявилась Батыева рать, к тому времени вот уже два года нападавшая то на одно, то на другое княжество (на что соседи не обращали особого внимания, продолжая собачиться меж собой). Прослышав, что татары взяли Владимир, великий князь Киевский Ярослав Всеволодович решил не геройствовать и, прихватив немалую дань, отправился в Булгар, где довольно быстро договорился с татарами, что те признают его титул, а он согласен платить дань и сопротивляться не намерен.

Вот только он и понятия не имел, что в Киеве уже сидит тот самый Михаил – прослышав об отъезде Ярослава, он нагрянул с дружиной, захватил «мать городов русских» и великим князем непринужденно провозгласил себя. Увлеченный этой процедурой, он совершенно не обращал внимания на то, что творится в покинутом Чернигове – на который тем временем напали татары, разбили оставшегося «на хозяйстве» Михайлова двоюродного брата Мстислава и пограбили как следует.

Затем Менгу-хан, сын Угедэя и племянник Батыя, вышел к Киеву. Подивившись красоте города (надо полагать, не дотла все же его выжгли князья-претенденты), он стал выяснять, где Ярослав.

История не сохранила подробностей состоявшегося разговора, но наверняка это выглядело примерно так:

– Ярослав! Эгей, Ярослав! – кричал хан Менгу, разъезжая у городских ворот.

Тут на стене объявилась совершенно неизвестная ему фигура осанистого вида.

– А Ярослав где? – изумился Менгу.

Я за него! – бодро ответил Михаил.

Так ли это происходило, в точности неизвестно. Фактом является то, что Менгу отправил в город послов, предложивших сдаться добровольно. Как полагалось по европейской рыцарской традиции, князь Михаил велел послов перебить. У Менгу было мало войска, чтобы идти на штурм, и хан уехал восвояси, заявив, что они еще непременно увидятся. Едва татары отступили достаточно далеко, Михаил велел оседлать коней и что есть мочи припустил в Венгрию вместе с сыном Ростиславом – без сомнения, уже кое-что слышал об обычаях татар и боялся, что за послов придется ответить.

Он так спешил унести ноги, что где-то меж Киевом и Венгрией *потерял* ближних бояр и собственную супругу – которую тут же захватил Ярослав Всеволодович, уже прослышавший, как Михаил вместо него распоряжается в Киеве. И томиться бы бедной княгине в плену, не заступись за нее родной брат Даниил Галицкий...

В Венгрии Михаил не придумал ничего лучшего, кроме как сватать своего Ростислава за дочь венгерского короля Белы IV. У мадьяра это предложение восторга не вызвало – на кой черт ему в зятя бесприютный бродяга, да еще с довеском в виде столь же бесприютного папы? – и он велел гостям убираться восвояси. Михаил с Ростиславом уныло поплелись в Польшу, к своему родственнику князю Конраду Мазовецкому, просить польского войска, чтобы отбить Киев.

Но в том-то и юмор, что в Польше в то время бушевала вовсю *своя* междоусобица, и знатым господам было не до бедных родственников. Михаил вернулся домой и как-то ухитрился поладить с Даниилом Галицким, который его и приютил.

Все это было гораздо позже – а в Киев, едва только Михаил оттуда сбежал, нагрянул с дружиной Ростислав Смоленский и, как легко догадаться, объявил себя великим князем киевским.

Прослышав о таких новостях, в Киев примчался со своими орлами Даниил Галицкий, разбил смолян, захватил город, а не успевшего сбежать Ростислава взял в плен. Он, однако, предусмотрительно не стал обустраиваться в «матери городов русских», а вернулся в Галич, оставив в Киеве распоряжаться от своего имени некоего тысяцкого Дмитрия (Дмитра).

Вот тут-то, уже осенью, через несколько месяцев после убийства послов, под Киевом и появился сам Батый с немаленьким войском. Через несколько дней город, истерзанный прошлыми вторжениями, был взят. Тысяцкий Дмитрий невредимым попал в плен и без особых моральных терзаний перешел на службу к Батыю, которому удалец приглянулся.

С падением Киева связана прямо-таки детективная история, которую сегодня уже не распутать. После взятия его татарами пропал без вести, словно в воздухе растворился, глава русской церкви митрополит Киевский Иосиф. Татары, напоминая, с почтением относились ко всем религиям и священнослужителей обычно не трогали.

Пикантный нюанс здесь в том, что глава русской церкви был греком, чуть ли не перед самым нашествием прибывшим из Константинополя – а на Руси многим и многим весьма не нравилась церковная зависимость от Царьграда. В этих обстоятельствах бесследное исчезновение Иосифа выглядит как-то... двусмысленно. Тем более что русские летописи ясности не вносят: одни скороговоркой упоминают, что митрополит неопознанным погиб в развалинах Киева, другие выражаются еще загадочнее: «удалился в другое место и сгинул там безвестно». Формулировка, мягко скажем, странная. Глава всей русской церкви – фигура достаточно крупная для того, чтобы «сгинуть безвестно»... Одним словом, темная история. Через три года князья выбрали в митрополиты *своего* – русского игумена Кирилла, а касаясь Иосифа с подобающей скорбью отписали в Константинополь: дескать, сгинул безвестно от злых татаровей... скорбим дружно... память сохранится в сердцах...

Вот кстати, Даниил Галицкий, узнав о взятии Киева, на всякий случай поспешил укрыться в той же Венгрии – и, как совсем недавно Михаил, попытался просватать венгерскую принцессу за своего сына Льва. Король Бела, еще не отойдя от предыдущих сватов, и этих отправил по тому же адресу, так что Даниилу с сыночком пришлось податься

в ту же гостеприимную Мазовию, где их по-родственному приютил до ухода татар один из тамошних князей...

Появилась информация, позволяющая по-новому взглянуть на знаменитую битву на реке Сити. По канонической версии, там собрали войско владимирский князь Юрий Всеволодович и три его племянника – но были разбиты татарами наголову, причем одного из племянников погибшего Юрия, Василько Константиновича, татары взяли в плен и пытались обратить в свою веру, заставить воевать на их стороне. Но гордый князь категорически отказался «бусурманиться», за что и был убит. Брат Юрия, Ярослав Всеволодович, спешил ему на помощь, однако опоздал...

На самом деле, очень похоже, все обстояло гораздо сложнее – и не совсем так...

Начнем с того, что Ярослав Всеволодович (тот самый, что ненадолго захватывал Киев) на помощь брату не особенно и спешил. Он появился на сцене очень кстати, в самую пору – когда русское войско Юрия перестало существовать, а татары ушли. Вот *тут* Всеволодыч быстренько примчался в разоренный Владимир и взял в свои руки управление «осиротевшим» княжеством: провозглашает себя князем, раздает уделы родственникам. Ни малейшей попытки схватиться с татарами он не предпринял, наоборот, быстренько с ними договорился...

Но и это еще не все. Есть даже версия, что Юрий погиб не от татарской сабли, а от руки своих же бегущих воинов, которых пытался остановить. Выдвинул ее не очередной ересиарх а-ля Фоменко, а профессор-славист из Оксфордского университета Дж. Феннел. Трудно по причине скудости источников определить, прав ли англичанин, но фактом остается одно: *собственный* летописец Юрия старательно избегал каких бы то ни было подробностей его кончины, а соседи-новгородцы в своих летописях поведали, что версий смерти Юрия кружит множество...

Зато *булгарские* летописцы сообщают вовсе уж интересные подробности. Не кто иной, как уже знакомый нам эмир Гази Барадж оставил обширную «Летопись Гази Бараджа», охватывающую 1229–1246 гг. и на русском языке появившуюся совсем недавно. Так вот, Гази Барадж утверждает, что никаких татар на Сити не было – против дружины Юрия сражалась *булгарская* конница и четыре тысячи *русских* пеших воинов из Нижнего Новгорода и Ростова, примкнувших к Батыю. Не верить «басурманину» нет никаких оснований.

И смерть князя Василько Константиновича в изложении Гази Бараджа выглядит совершенно иначе. Оказывается, не кто иной, как наш добрый знакомый Ярослав Всеволодович, привезя хану Гуюку ту самую дань, *наклепал* на Василька, уверяя, будто тот увел у него часть этих самых повозок с данью, чтобы передать ее не татарам, а булгарам. Хан Гуюк, человек сердитый, разбираться не стал и сгоряча велел отрубить Васильку голову... На фоне всего, что нам уже о Ярославе известно, такой поступок был бы совершенно в его стиле.

Теперь – о Рязани. О знаменитой легенде, мимо которой не проходит никто из «традиционных» авторов, пишущих о Батыевом нашествии. Я имею в виду печальное сказание под названием «Повесть о разорении Рязани Батыем», где подробно живописуется трагическая гибель сына рязанского князя Феодора Юрьевича. Якобы сластолюбивый хан Батый, прослышав о поразительной красоте супруги Феодора, вызвал его к себе и потребовал отдать жену, а когда князь отказался, велел убить и его, и его свиту до последнего человека.

Узнав о гибели мужа, княгиня Евпраксия, чтобы не достаться охальнику Батыю, вместе с малолетним сыном бросилась с высокой башни и, естественно, погибла.

Красиво, конечно. Но никакими историческими источниками не подтверждается. Во-первых, в истории татарских завоеваний попросту не отмечено ни единого случая, чтобы хан или военачальник требовал жену у *живого* (на *вдовах* погибшего противника, конечно, женились сплошь и рядом). Во-вторых, Феодор был *послом*, то есть личностью, по татарским понятиям, неприкосновенной, и трудно поверить, что Батый сделал бы послу

такое предложение, да еще приказал его убить. В-третьих, неизвестно когда и кем написанная «Повесть» – *единственный* источник, сообщающий о сексуальной невоздержанности Батыея и случившейся из-за этого трагедии. Изобилует он прямо-таки фантастическими «детальями»: «свидетелем» всего этого якобы послужил доверенный человек князя Феодора, его «пестун» Апоница. Когда татары, выполняя приказ Батыея, поголовно истребляли русское посольство *посреди* ханской ставки, располагавшейся *в центре* татарского лагеря, оный Апоница тем не менее где-то ухитрился укрыться – а потом тут же, недалеко от Батыевой юрты, похоронил по-христиански тела всех умученных, выбрался из лагеря незамеченным и добрался до русских, где поведал всю эту историю летописцам...

Да это же попросту древнерусская *беллетристика!* Сентиментальный роман, каковой вовсе не является порождением галантного восемнадцатого века.

В чем нас убеждают кое-какие многозначительные детали. В Чернигове, как писали дореволюционные русские фольклористы, «старожилы показывали курган Черная Могила и курган княжны Черны, считавшиеся соответственно могилами князя Черного и его дочери, которая якобы выбросилась из окна своего терема и лишилась таким образом жизни во время осады Чернигова князем древлянским, пленившимся ее красотой».

А согласно болгарским летописям, когда татары уже захватили город Биляр, жена царя Алтынбека Фатима обняла своего малолетнего внука, сына царевны Алтынчач, и вместе с ним бросилась с вершины минарета «Сулейман»...

Таким образом, есть серьезные основания подозревать, что в «Повести о разорении Рязани Батыем» просто-напросто использован бродячий литературно-фольклорный сюжет того времени, опиравшийся, очень возможно, как раз на историю гибели царицы Фатимы. Которая, правда, была уже бабушкой преклонных лет и вряд ли была способна разжечь страсть в сердце татарского полководца – но на то и существует изящная словесность, чтобы романтически приукрашивать скучные бытовые подробности...

Вот, к слову, о рязанских князьях. Есть любопытная статистика, основанная на доподлинных исторических фактах. Татары убили – обратите внимание, в честном бою лицом к лицу – всего одного рязанского князя, Юрия Игоревича (смерть Феодора отнесем к разряду баснословии). А вот за двадцать лет до того, в 1217 году, не дикие степные кочевники, а доподлинные Рюриковичи Глеб Владимирович и его брат Константин убили *шесть* членов рязанской княжеской фамилии. Дело, можно сказать, житейское, вполне в стиле той эпохи: Глеб и Константин хотели захватить власть в Рязани, а потому пригласили этих шестерых князей на почетен пир, но вместо пира велели своим дружинниками всех перерезать. Те и перерезали. Нужно непременно уточнить, что один из шести убитых был родным братом Глеба и Константина, а остальные пятеро – двоюродными... Кто у нас в этой истории (и тьме ей подобных) выглядит благороднее – татары или Рюриковичи?

К слову, о знаменитом граде Козельске – том самом, который якобы семь недель героически отбивал приступы Батыея. Булгарская летопись уточняет, что Козельск держался не семь недель, а семь *дней*. И жители его вовсе не погибли поголовно: когда настал седьмой день осады, находившиеся в Козельске конные дружинники, то есть профессиональные бойцы, ранним утром прорвались из города. Татары, застигнутые врасплох, не сумели их перехватить, и конники, потеряв несколько человек, благополучно ускользнули.

Летопись на этом прекращает рассказ – но его можно продолжить. Обратите внимание, спаслись только *конные*. Те самые военные профессионалы. А как же *остальные!* Городские жители, у которых наверняка не было коней?

Вывод напрашивается сам собой: горожан конные витязи попросту *бросили*. Сами спаслись на борзых конях, а «лапотников» преспокойно оставили на произвол судьбы. Их-то и перебили до последнего человека разъяренные татары... Вряд ли эту историю можно отнести к тем, что прославили русское оружие. А в общем древнерусских дружинников не зря сравнивают с западноевропейскими рыцарями. Совершенно рыцарское поведение:

господа в кольчугах, профессиональные бойцы, спасают в первую очередь свои драгоценные персоны, нисколько не заботясь об участии сиволапых простолюдинов...

Не будет преувеличением сказать, что Батыево нашествие затронуло лишь *некоторую* часть Руси, а не всю «Русскую землю». *Некоторые* города были и в самом деле взяты штурмом, сожжены, разграблены, а население понесло немалые потери. Но в то же время значительная часть князей и городов преспокойным образом *полюбовно* с татарами договорилась. Князь Ярослав Всеволодович, отправившийся к татарам с данью в то время, когда они еще и не объявлялись под Киевом, вовсе не выглядит каким-то одиноким выродком – он всего-навсего успел первым...

Богатый торговый Углич практически моментально нашел общий язык с татарами – дал лошадей и провизию, заплатил дань, и татары ушли. Точно так же поступили другие поволжские города – Ярославль и Кострома. Интересно, что Четвертая Новгородская и Первая Софийская летопись о каком-либо *штурме* Киева не упоминают вообще, излагая события совершенно иначе: татары, мол, «придоша с миром к Киеву и смирившеся с Мстиславом и с Владимиром и с Даниилом». Имеется в виду Даниил Галицкий – который с татарами не воевал ни дня, а именно что «смирившеся»! Такая вот загадочка. Ясно одно: далеко не *все* русские летописцы считали, что Киев был взят штурмом и разорен...

Да и с Господином Великим Новгородом все, как выяснилось, неоднозначно. Принято было считать, что татары до него не добрались из-за распутицы. Или вообще не собирались на Новгород идти.

Булгарская летопись излагает другую версию: в Новгород прибыли послы от великого хана Угедэя с его письмом, в котором он обещал не трогать город, если новгородцы не станут помогать великому князю владимирскому и будут держать нейтралитет. Князь Александр Ярославич, будущий Невский, посоветовавшись с остальными двумя «ветвями власти», городскими и церковными, это предложение принял. Учитывая последующие теснейше-дружеские отношения Невского с Золотой Ордой, как-то больше верится булгарам, нежели отечественным книжникам...

Точно так же моментально признали себя вассалами татар Волховские княжества – самый загадочный элемент русской средневековой истории. Историки до сих пор не пришли к согласию, где же, собственно, эти княжества располагались – то ли в Подолии, то ли на юге Черниговщины. Но в том, что они существовали, сомневаться не приходится: очень уж часто они упоминаются в древних источниках.

И вовсе уж неведомым образом избавились от татарского нападения жители богатого торгового Смоленска. Известно, что передовые отряды татар были от него в 25 верстах – а потом отчего-то ушли. Никаких достоверных сведений нет, но, когда речь заходит о «богатом» городе, «торговом», то выводы напрашиваются совершенно несложные: кто-кто, а купцы испокон веков умели договариваться с любым захватчиком, пересыпая нечто звенящее и приятно поблескивающее из горсти в горсть...

Одним словом, никакого «общенародного сопротивления» татарам так и не получилось – поскольку Русь состояла из превеликого множества княжеств, смотрящих друг на друга волками, у всех были свои, местные интересы, и ни о каком таком «общенациональном» интересе еще и речь не шла, *тогдашние* люди попросту не поняли бы, что это такое.

Пора понять, что наших далеких предков ничуть не унижает тот факт, что многие князья полюбовно договорились с Батыем и признали себя его вассалами, и, более того, русские из самых разных княжеств преспокойно вступали в татарское войско. Сие вовсе не свидетельствует о какой-то «исконно русской ущербности».

Все тогда жили по законам феодальной эпохи. Понятия «национальное государство» попросту не существовало. Во Франции его буквально вдолбил в головы землякам не кто иной, как кардинал Ришелье – а до того «ля Белль Франс», как и остальная Европа, от Атлантики до Урала, жила по другому принципу: есть сеньор, и есть его подданные. Совершенно неважно, как сеньор зовется – герцог Бургундский, великий князь Киевский или хан Батый. Главное, при соблюдении некоторых не особенно и сложных правил можно

преспокойно переходить от сеньора к сеньору. Сегодня рыцарь служит королю французскому – а завтра «отъехал» в ту же Бургундию. Сегодня богатырь на службе у князя Галицкого – а завтра уехал к Батыю. Сегодня барон у прусского короля, а мурза у Казанского хана – а завтра они с разных сторон направились к царю Московскому, и он преспокойно зачислил их на службу... И никто, ни одна живая душа не считает всех этих людей «изменниками родины» – поскольку такого понятия не существует вовсе. Поменять сеньора – дело житейское. И эта система, как я уже говорил, дожила аж до девятнадцатого столетия.

Порой жизнь людей, эту систему свято соблюдавших, выписывала преудивительные зигзаги... В те же времена, о которых я рассказываю, однажды случилось так, что русский князь едва не оказался... на австрийском престоле!

История интереснейшая, и о ней безусловно стоит упомянуть, пусть даже чуточку отклонившись от главной темы.

Для этого надо вернуться к непоседливой парочке – Михаилу Черниговскому и его сыну Ростиславу, которых мы оставили в тот благодный момент, когда они помирились с Даниилом Галицким и клятвенно пообещали никогда более против него не злоумышлять...

Обманули, конечно, как среди рыцарей положено. Не прошло и пары годочков, и они вновь стали думать, как бы им примоститься на Галицком «столе». Папа Михаил, правда, от дел отошел и смиренхонько сидел где-то в глуши, но Ростислав, взяв в компанию изгнанного из Рязани князя Константина Владимировича (того самого, что вместе с братцем Глебом перебил шестерых родственников), собрал войско и, воспользовавшись отсутствием Даниила, захватил Галич.

Даниил вернулся и вышиб обоих в два счета, хотел поймать и повесить, но кони у них оказались быстрее. Ростислав по старой привычке помчался в Венгрию – и *вновь* попросил у тамошнего короля Белы руку его дочери.

Хотя он вновь был бесприютным бродягой без всяких видов на будущее, на сей раз король отчего-то согласился. Быть может, ему показалось выгодным занять этакого вот зятя – тот еще парнишечка, ни принципов, ни моральных устоев, одна мечта – выбиться в люди. Палец в рот не суй – голову откусит. В хозяйстве может и пригодиться, одним словом.

В общем, какими бы мотивами король Бела ни руководствовался, на этот раз он согласился отдать Ростиславу то ли ту же самую, то ли другую дочку (их у него было несколько) и закатил свадебный пир по всем правилам. Тут в Венгрии объявился Михаил и слезно попросил у сыночка подмогнуть венгерским войском, чтобы восстановиться на каком-нибудь «столе», пусть завалышеньком.

Ростислав папе отказал – поскольку венгерское войско было нужней ему самому. Он вторгся в Галицкое княжество – но был разбит Даниилом. Вернулся к тестю, собрал новое войско, позвал еще и поляков, снова пошел на Даниила и снова был бит.

После этого Ростислав прекратил всякие попытки утвердиться на Руси и стал мирно жить-поживать в Венгрии. Король-тесть пожаловал ему достаточно высокий титул бана. Впоследствии Ростислав выдал свою дочь за чешского короля, другую – за болгарского царя Михаила Асеня, а своего сына женил на сестре царя Марии. Вскоре, в полном соответствии с европейскими нравами, царя Асеня убил его родной брат Коломан. Ростислав, считая себя, очевидно, в Болгарии уже своим человеком, вторгся туда с войском и провозгласил болгарским царем мужа царевны Марии, своего сына Михаила. И тот просидел на престоле десять лет. Сам же Ростислав в конце концов умер своей смертью, что для человека его положения и образа жизни было, в общем, немалым достижением.

Его папенька, Михаил Всеволодович, кончил куда как печальнее. Оказавшись совершенно не у дел, он поехал в Орду что-то выклянчивать, там его при достаточно туманных обстоятельствах и прикончили *русские*. Впоследствии сочинили красивую сказочку, будто Михаила умучили «злые татаровья» за отказ совершить языческий обряд – но все за то, что это «подсуетился» старый недоброжелатель Михаила Ярослав Всеволодович, тот еще голубь мира и образец благородства. Как бы там ни было, но Михаила в конце концов по каким-то политическим надобностям, уже при Иване Грозном,

канонизировали, и останки его ныне покоятся в Архангельском соборе Московского Кремля...

Где же Австрия, спросите вы? А сейчас...

После двух военных кампаний Ростислава против Галицкого княжества Даниил Галицкий прибыл в Венгрию вести переговоры о мире. Удачно их завершив, он, как и Ростислав, вторично попросил у Белы руки его второй дочери – не для себя, а для сына Льва. На сей раз Бела и ему не отказал. Стали, как говорится, дружить домами. И однажды Роман, другой сын Даниила Галицкого, при венгерском дворе познакомился с молодой красавицей по имени Гертруда, вдовой маркграфа Баденского. Через два года они обвенчались. Приданое у означенной Гертруды было примечательное – именно что Австрия. Потому что красавица была дочерью покойного Фридриха I, герцога Австрийско-Штирийского. Тогда еще Австрия была не империей, а достаточно скромным герцогством.

В том же году, когда Роман обвенчался с Гертрудой (история умалчивает, по католическому обряду или по православному), Даниил Галицкий получил от папы Римского титул «короля Русского». Нежданно-негаданно ставший не просто князем, а натуральным европейским принцем, Роман моментально рискнул: а чем он не герцог Австрийско-Штирийский? Жена на герцогство имеет все права...

Загвоздка оказалась только в одном – у Фридриха было две дочери, и вторая, будучи замужем за чешским королем Ото-каром, вместе с муженьком полагала, что Австрия как раз ее приданое, а сестричка Гертруда – так, сбоку припека...

Ну, что тут прикажете делать? Воевать, конечно!

Быстренько сколотили коалицию: король Даниил Галицкий, Бела IV и его зять, краковский князь Болеслав Стыдливый. В то время Польша из королевства превратилась чуть ли не на двести лет в скопище феодальных владений на манер русских княжеств: король Болеслав III Кривоустый на смертном одре не придумал ничего лучшего, кроме как поделить страну на уделы меж сыновьями («старшим» как раз и считался Краковский, как Киев в России).

Бравое воинство вторглось в Чехию, чтобы отбить у короля Ото-кара охоту строить из себя австрийского самодержца. Однако Ото-кар стал сопротивляться, и довольно успешно. Сначала разбил гостей в чистом поле, а потом несколько его городов отбили все попытки взять их штурмом. Спалив и разорив с горя все, до чего смогли дотянуться, галичане, ляхи и мадьяры из Чехии отступили.

Роман в этом увлекательном предприятии участия не принимал – потому что сам оказался в осаде. Еще до начала войны он с Гертрудой поселился в австрийском городе Нейбурге под Веной, куда тут же нагрянули чехи и взяли город в осаду.

Правда, ничего путного из этого не вышло – «стены замка были крепки, бароны отважны». Нейбург был хорошо укрепленной крепостью, и у чехов ничего не получилось. Тогда Ото-кар отправил послов, которые от его имени передали Роману следующее: мол, парень, мы ж с тобой свояки, на сестрах женаты, какого черта нам воевать? Брось ты этого старого прохвоста Белу, который тебя обязательно обманет, и поделим с тобой Австрию пополам. Папу Римского в свидетели беру!

Черт его знает, Отокара – всерьез он собирался поделить Австрию пополам или обманывал. Как бы там ни было, Роман его не послушал, и зря. Насчет короля Белы Отокар оказался совершенно прав – тот и в самом деле хотел заграбастать Австрию исключительно себе, а потому войском Роману не помог. В конце концов Гертруда уговорила мужа уехать, они каким-то образом пробрались через кольцо осаждающих и благополучно добрались до Галича.

Через шесть лет Даниил Галицкий с венграми вновь вторгся в Чехию – и Отокар его вновь разбил. После этого ни король Русский, ни его сын не предпринимали больше попыток заполучить Австрию. Правда, и Отокар ею владел не так уж долго: нагрянул Рудольф, германский король и герцог Габсбургский, которому Австрия тоже чрезвычайно нравилась. В одном из сражений Отокар погиб, а Рудольф основал Габсбургскую династию,

просуществовавшую аж до 1918 года.

Вот такие головокружительные курбеты случались с людьми, странами и династиями в феодальные времена...

Нужно еще упомянуть, что Даниил Галицкий и его потомки оказались первой и единственной на Руси королевской семьей. И очень скоро королевство перестало существовать: Даниил, как было принято в то интересное время, поделил его меж четырьмя сыновьями, которые, таким образом, стали уже не королями, а черт-те чем. Их преемники привели Галичину к окончательному краху, и лет через сто после смерти Даниила ее захватил литовский князь Миндовг, который решил, что в сложившихся исторических условиях Галичина тяготеет как раз к Литве, а не к Венгрии, как отчего-то полагают мадьяры. Войск у него оказалось поболее, чем у мадьяр, а потому быстро выяснилось, что Галичина точно тяготеет именно что к Литве...

А еще через несколько столетий – история любит иногда замысловатые шутки! – Галиция после веселого раздела Речи Посполитой попала под власть той самой Австрии, которую сама когда-то пыталась заполучить...

Обозревая деятельность первого и единственного русского короля Даниила Галицкого, приходишь к выводу, что ничем особенным он себя не проявил, потому что никаких особенных свершений, поднимавших бы его над неким «средним княжеским уровнем», не добился. Всю жизнь занимался двумя забавами: активнейшим участием в междоусобных войнах на Руси и вмешательством в западноевропейские дела, и то, и другое – без серьезных достижений. С татарами он отнюдь не горел желанием затевать «священную войну» за идеалы. Одну-единственную кампанию он все же провел – правда, не против самих татар, а опустошил земли тех самых болховских князей, татарских союзников. Татары за своих вассалов вступились, послали к Даниилу гонцов с требованием определиться: враг он им или друг. Даниил быстренько, согласно татарскому ультиматуму, уничтожил укрепления вокруг своих городов – а потом на всякий случай долго отсиживался в Польше и Венгрии, выясняя, не серчают ли на него ордынцы.

Его сын Лев Данилович тоже стал королем, но как бы не вполне настоящим, поскольку «королевствовал» не самодержавно, а совместно с двумя братьями. По примеру отца он тоже пытался прихватить еще какой-нибудь соседний престол: предлагал свою кандидатуру в великие князья литовские – но литовцы о нем и слышать не захотели; вторгся в Польшу, чтобы занять опустевший престол Краковского удела, но поляки его разбили наголову.

В общем, династия Даниловичей получилась какая-то чуточку опереточная – а впрочем, и не получилось нормальной династии, очень быстро перестала существовать...

А теперь самое время поговорить о «страшном», «жутком», «невероятно тягостном» явлении, которое эмоционально, но без малейшего соответствия с исторической правдой именуют «монголо-татарским игом». До сих пор можно встретить утверждения, что это была жутчайшая тирания басурман над Святой Русью, каковая беспрерывно стенала втихомолку, несла сплошные лишения, одним словом, откровенно прозябала в самом что ни на есть рабском положении...

Более вдумчивые исследования неминуемо приводят к выводу, что ничего этого не было: ни особого гнета, ни тирании, ни стenanий. Даже больше того, возникают уже совершенно крамольные мысли: что власть татар над Русью оказалась для Руси *благом*. Кому-то это утверждение может показаться диким? Давайте попробуем разобраться.

Прежде всего зададимся вопросом: *что* представляла собой Русь до прихода татар? Как уже говорилось, скопище абсолютно суверенных владений, иногда совсем крохотных, которые увлеченно воевали друг с другом и со всем окружающим миром. Причина не только в царившем на дворе феодализме...

К моменту прихода татар потомков Владимира Мономаха, исконных Рюриковичей, насчитывалось, если называть вещи своими именами, несметное количество. Лиц княжеского рода, имевших более-менее законные права на «стол», было в несколько раз

больше, чем самих «столов». К тому же одновременно действовали сразу *три* варианта, по которым можно было «сесть на княжеский стол».

1. «По завещанию» – когда правящий князь сам назначал себе наследника.

2. «По избранию» – когда жители той или иной земли сами приглашали того, кто им больше нравился.

3. «Возложение старшинства» – общерусский совет князей возлагал на кого-то права наследования того или иного «стола».

Как легко догадаться, при всех трех вариантах обязательно находилось немалое количество людей, считавших себя обойденными, ущемленными, наконец попросту не признававших решений очередного «исторического съезда» – как, например, недоброй памяти Рюрик Ростиславович, который несколько раз захватывал Киев по своему хотению. В конце концов его поймали и постригли в монахи, но после кончины инициатора этого мероприятия Рюрик скинул рясу, в который раз собрал рать и вновь принялся навязывать свою кандидатуру всем, кто не успевал вовремя увернуться...

Именно оттого, что количество претендентов в несколько раз превышало число «столов», и творились все эти злодеяния и клятвопреступления – когда охваченные жаждой власти индивидуумы резали на пиру родных братьев, дядья ослепляли племянников, а отцы недобро поглядывали на сыновей, глядя засапожный булатный ножичек...

Можно еще добавить, что сплошь и рядом претенденты на престол приводили с собой чужаков – половцев, чехов, венгров, поляков, а уж те, ничем с данными землями не связанные, грабили всюду. И наконец, попадались еще откровенные, право слово, «махновцы» – вроде князя Владимира, выгнанного с Галицкого «стола» за пьянство и разврат, изрядно превышавшие все достаточно зыбкие моральные кодексы той буйной эпохи. Владимир сколотил форменную банду из искателей приключений и, прекрасно понимая, что захватить какой бы то ни было «стол» у него силенок не хватит, просто-напросто колесил по Галицкой земле, пробавляясь откровенным разбоем: священников во время богослужения его орлы убивали, как о том повествуют летописи, коней в церкви ставили...

А потом в этот сумасшедший дом пришли татары и водворили строгий порядок. Один князь становился «старшим», получив от них ярлык на великое княжение. Остальные тоже должны были «проходить утверждение в столице Золотой Орды». На тех, кто по старой памяти пытался устраивать штурмы и перевороты, всякий раз выступала татарская конница, сплошь и рядом вместе с вассальными князьями. И этот новый порядок, двух мнений быть не может, покончил с прежним кровавым хаосом.

А теперь попробуем вычислить, что случилось бы, победи на курултае, где решалось будущее татарской державы, «партия мира», считавшая, что следует отказаться от крупных завоеваний и жить мирно в существующих границах. Предположим, войско Батыя так и не объявилось ни на Руси, ни в Булгаре... Что было бы в этом случае?

Несомненно, на Руси продолжалась бы та же заварушка. Князей было столько, что покончить с их бесконечными войнами-заговорами-налетами могла только могучая *внешняя* сила, какой и стали татары. Так что *без* Батыя все катилось бы по накатанной: сильные князья воевали бы друг с другом, временами отвлекаясь от этого занятия, чтобы устроить очередной набег на булгар или вмешаться на манер Даниила в европейские дела. Соседи не оставались бы в долгу – и, нет сомнений, понемногу прибирали бы к рукам те или иные окраинные области Руси. Поскольку хватало *крепких* соседей. Булгария и Венгрия были едиными государствами, Польша тоже после междоусобиц объединилась в неслабое королевство, да вдобавок подрастало как на дрожжах Великое княжество Литовское...

Не будет чересчур уж беспочвенной фантазией предположить, что подобное состояние для Руси могло затянуться на *столетия*. Напомню, что именно так и обстояло с Германией и Италией – они долгими столетиями оставались скопищем независимых «суверенов» и только во второй половине *девятнадцатого* века сумели объединиться в единые державы. Потому что нашлись достаточно сильные личности, сыгравшие роль объединителей. А если

бы у Германии не было Бисмарка, а у Италии – Кавура? Нельзя исключить, что и двадцатый век означенные страны встретили бы, пребывая в пошлой раздробленности.

Францию *согнал* в единое государство кардинал Ришелье – а если бы он умер в юности или стал жертвой одного из многочисленных заговоров?

В те времена, когда Колумб плыл в Америку, еще не существовало никакой такой «Испании». Колумба отравила в море страна, именовавшаяся «Кастилия и Леон»: два государства из нескольких, на которые была разъединена Испания, объединились совсем недавно – и прошло еще много времени, прежде чем возникла та Испания, какую мы знаем...

Короче говоря, была серьезная вероятность, что без татар Русь так и осталась бы разобщенной. Строго рассуждая, возвышение Московского царства при Иване Грозном никак нельзя считать «победой русских над басурманами». Называть это следует несколько иначе: после распада Золотой Орды ее бывшие улусы, то бишь провинции (как-то: Московия, Казанское и Астраханское царства, Ногайская и Сибирская орды и Крымское ханство) начали меж собой ожесточенную борьбу за гегемонию над бывшим пространством империи – и в этой борьбе победил Московский улус...

Кто-нибудь ехидный может напомнить, что на Русь, когда она уже была вассалом Золотой Орды, иногда устраивали натуральные разбойничьи набеги те или иные татарские предводители.

Все правильно, кто ж спорит. Но, во-первых, все эти набеги, если их сосчитать и изучить, *уступали* размахом прежним чисто русским войнам и войнушкам. Во-вторых, не происходило ничего *нового* – до татар русские князья точно так же грабили и опустошали земли соседей. Еще Владимир Мономах, автор сохранившихся морализаторских наставлений, как о чем-то само собой разумеющемся вспоминал о *полном* опустошении им Минска: «не оставил ни челядина, ни скотины». Сможет кто-нибудь внятно объяснить, *чем* татары хуже русских? Что они совершили такого, *превышавшего* бы «достижения» русских князей? Да ничего...

А когда речь заходит о русских людях, угнанных татарами на чужбину, следует сделать парочку немаловажных уточнений.

Во-первых, во времена «ига» татары не занимались продажей русских пленников за границу своей державы – разве что в ничтожном количестве. Они угоняли к себе, в первую очередь, умелых ремесленников, которые потом не в цепях спину гнули где-нибудь в подземелье – наоборот, судя по воспоминаниям иностранных путешественников, жили свободно, получали плату за труд и пользовались всеми теми же правами, что и татары. Это гораздо позже, после распада Золотой Орды, Крымское ханство сделало торговлю русскими пленниками главной статьей экспорта...

Во-вторых, как это ни прискорбно напоминать, но и *сами* русские практиковали работоторговлю задолго до прихода «злых татаровей», причем торговали такими же христианскими душами, как и сами (хотя, например, и у католиков, и у мусульман категорически запрещалось продавать в рабство единоверцев). Самые первые русские купцы, с которыми еще в X веке столкнулись в Булгаре арабские гости, привозили туда не только меха, но и молодых девушек, уж безусловно, не «бусурманских». Позже, в Константинополе, когда там образовался целый русский торговый квартал, среди его обитателей было немало русских работорговцев. Арабский путешественник XII века встретил торгующих невольниками русских аж в Александрии Египетской – надо полагать, мужички были ушлые и предпочитали сами возить товар, а не прибегать к услугам посредников. Русский епископ Серрапион, умерший в 1275 году, в числе грехов, навлекших разные беды на русскую землю, упоминает и такой: «...братью свою ограбляем, убиваем, в *погань продаем*». То есть речь опять-таки идет о том, что русские преспокойно продавали «бусурманам» своих единоверцев, захваченных во время очередной княжеской междоусобицы – для того сплошь и рядом эти усобицы и затевались, чтобы, помимо прочего, разжиться живым товаром, обладавшим приличной стоимостью на иностранных рынках. Сохранилась письменная жалоба рижского купца на самоуправство витебского князя, который в 1300 году посадил его

в тюрьму без всякой вины, «по беспределу». Так вот, рижанин прибыл в Витебск, чтобы «девки купити» – причем князь упек его за решетку вовсе не за это.

Так что работоторговлей русские занимались и до татар, и во время «ига» и после его окончания... *Чем* в данном случае татары хуже?

А теперь поговорим об одном существеннейшем отличии татарских нашествий от русских усобиц.

В отличие от русских, татары не грабили церкви и не обижали священнослужителей. Погибших во времена Батыева нашествия русских священников можно пересчитать по пальцам – причем их смерть последовала в горячке боя, при том, что большая часть татарских воинов была безграмотным *простонародьем*, попросту не способным опознать русского попа.

1169 год. Суздальский князь Андрей с примечательным прозвищем Боголюбский берет Киев штурмом, а потом победители увлеченно грабят город. Не ограничиваясь «мирскими» пожитками, воины одиннадцати князей, составлявших войско Боголюбского (половцев там не было), опустошили и монастырь, и церковь Святой Софии, и Десятинную церковь. «И церкви опустошили от икон и книг, и ризы с колоколами все вынесли. И Печерский монастырь Пресвятой Богородицы зажгли».

1204 год. Рюрик Ростиславич в очередной раз напал на Киев: «...и митрополию Святой Софии разграбили, и Десятинную церковь Богородицы разграбили, и монастыри все, и иконы захватили, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и платье блаженных первых князей, что висело в церквах святых памяти ради... Монахов и монашенок почтенных годами изрубили, а попов старых, и слепых, и хромых, и иссохших в трудах всех тож изрубили...»

Могут сказать, что войско Рюрика состояло из половцев, и это будет чистая правда – но в летописях не отмечены попытки Рюрика хоть как-то унять свое расшалившееся воинство...

В 1372 году тверские дружинники, взяв новгородский Торжок, обобрали с икон все серебряные оклады, а церкви спалили. Новгородцы тоже не уступали – в 1398 году они, взяв Устюг, «пограбиша» тамошнюю соборную церковь (а ведь дело происходило уже после окончания «ига»). В 1434 году великий князь Василий Васильевич, взявши Галич, хладнокровно спалил все тамошние церкви и монастыри...

Дело в том, что христианская практика тогдашних русских носила некий явственный отпечаток язычества. *Свои* иконы, чтимые в том или ином княжестве, считались неприкосновенной святыней, и любого *земляка*, посягнувшего на них, истребили бы без пощады. Зато иконы и церковное имущество *других* княжеств чем-то святым не считалось совершенно...

И главное, никак нельзя сбrehнуть, что это-де «безбожные татаровья» научили чистых душой русских грабить церкви и насиловать монахинь, вот что печально...

«Злые татаровья», наоборот, во исполнение писанных законов Чингисхановой «Ясы», относились к русской церкви с величайшим уважением. Уже Батый сразу после покорения Руси дал церкви привилегии, каких она *никогда* не имела при русских князьях. Представление об их характере дает ярлык великого хана Менгу-Тимура, выданный чуть позже, в 1270 году: «На Руси да не дерзнет никто посрамлять церквей и обижать митрополитов и подчиненных им архимандритов, протоиереев, иереев. Свободными от всех податей и повинностей да будут их города, области, деревни, земли, охоты, ульи, луга, леса, огороды, сады, мельницы и молочные хозяйства. Все это принадлежит Богу, и сами они Божьи. Да помолятся они о нас».

Еще дальше пошел позднее хан Узбек: «Все члены православной церкви и все монахи подлежат лишь суду православного митрополита, отнюдь не чиновников Орды и не князьему суду. Тот, кто грабит духовное лицо, должен заплатить ему втрое. Кто осмелится издеваться над православной верой или оскорблять церковь, монастырь, часовню – тот подлежит смерти, без различия, русский он или татарин».

Каково? «Злой татарин» не только рубит головы всем, кто осмелится богохульствовать,

но еще *полностью* выводит церковь из-под какой бы то ни было светской юрисдикции. Кстати, русские патриоты с древности и до наших дней издержали немало чернил и желчи, порицая папу Римского именно за то, что он к подобному стремился – не осуществил это на практике, а лишь стремился...

Попробуйте догадаться, была ли у церкви в таких условиях охота поднимать народ русский на сопротивление «басурманам»?

Ни малейшей. Они, как с некоторым смущением отмечают историки русской Церкви, и не пытались. Наоборот, повсеместно в церквях в обязательном порядке звучали молитвы во здравие «царя ордынского». Татар официально объявили вовсе не супостатами, а «батогом Божиим, вразумляющим грешников, чтобы привести их на путь покаяния».

В столице Золотой Орды Сарае практически с момента ее основания появилась православная Сарайская епархия, а ее глава епископ Феогност успешно совмещал обязанности как пастыря, так и ордынского дипломата: три раза ездил послом от хана в Константинополь.

Что любопытно: если исходить из русских документов, получается, что татарские сборщики налогов, пресловутые баскаки (среди которых хватало и русских, в том числе в монашеском чине), похоже, каким-то образом подчинялись именно сарайскому епископу. Иначе как расценить грамоту епископа Феогноста, адресованную «детям моим, баскакам, и сотникам, игуменам и попам, и ко всем крестьянам Червленого Яру, и всем городам». Ордынские сборщики налогов поименованы *среди* русских жителей, попов и чиновников...

И наконец, вовсе уж пикантный факт. Уже гораздо позже, в *шестнадцатом* веке, когда и след простыл татарского «ига», сначала Иван III, великий князь Московский, а потом его сын, царь Иоанн Грозный предпринимали попытки слегка поумерить аппетиты церковников, ставших крупнейшими на Руси собственниками. Оба раза, сопротивляясь таким богомерзким новшествам, отцы церкви требовали признать за ними все их исконные права и привилегии, в качестве главного аргумента предъявляя... семь ярлыков от разных ханов!

Церковь, как видим, откровенно держала сторону татар. Как и подавляющее большинство князей, которые с превеликой охотой ездили в Сарай, интриговали там друг против друга, подкупали татарских сановников, одним словом, стали частью золотоордынского истеблишмента. Их тоже сложившееся положение дел вполне устраивало. Ну а если на княжеском столе вдруг объявлялся некий, с точки зрения общепринятой морали, выродок, решивший восстать против татар, на него сплошь и рядом обрушивались не татарские тумыны, а войска русских же князей – как поступил и Александр Невский со своим родным братом Андреем, осмелившимся на бунт. Прогнал его за пределы Новгородской земли, а новгородцам, замешанным в мятеже, резал уши, носы и пальцы...

Именно тем, что русская правящая верхушка, и светская, и церковная, без особого сопротивления *срослась* с татарской элитой, и объясняется то, что за все годы «ига» так и не последовало каких-то более-менее масштабных народных выступлений против завоевателей. Хотя нам старательно пытаются впарить, что происходило это-де от некоего патологического страха многих поколений русских перед татарами. Страх если и был, то в первую очередь перед *своими* князьями и церковными иерархами, которые ни за что не поддержали бы бунт, а наоборот, приняли бы все меры, чтобы с ним разделаться.

И еще один немаловажный нюанс: как частенько бывает в человеческой истории, татарская империя была притягательна сама по себе именно из-за того, что она – империя. Одно дело – старательно строить карьеру в крохотном княжестве, где всего-то и достоинств, что суверенность, и совсем другое – делать то же самое в империи, раскинувшейся на половину тогдашнего обитаемого мира.

Вот, например, князь Федор Ростиславович Чермный (что на тогдашнем русском языке означало «Красавец»). Сын смоленского князя, он при разделе наследства получил не княжество, а крохотный удел с городом Можайском. Прозябать в такой глуши Красавцу не хотелось, он с еще тремя такими же «бесперспективными» юными джентльменами собрал

войско, отправился в Золотую Орду и зачислился там на службу. Участвовал в походе татар на осетин, потом руководил карательной экспедицией в Булгар, в конце концов получил немаленький по тем меркам придворный чин, став виночерпием хана Менгу-Тимура. Ну а чистого развлечения ради порой отправлялся с татарскими войсками, выступавшими против мятежных князей – как, например, было с Переяславлем. В конце концов он женился на принявшей крещение дочери Менгу-Тимура. Когда опустел ярославский «стол», хан дал зятю войско, и тот без особого труда овладел Ярославским княжеством. «И какие были Федору обиды, он отомстил за них повелением царским, а татар отпустил с честью в Орду».

Впоследствии его произвели в святые – но тут уж была чистой воды политика: соперничавшие с Москвой ярославские князья хотели поднять престиж Ярославля, заведя собственного святого. Вот только современники отнеслись к этому иронически, судя по сохранившейся Ермолинской летописи...

Федор был не один такой – хватало его земляков и единоверцев, с превеликой охотой делавших карьеру в Орде. Империя – вещь привлекательная...

Между прочим, в те времена все же существовала, и довольно долго, одна-единственная организованная и серьезная сила, *всерьез* воевавшая с татарами. Звалась она – новгородские ушкуйники. Но дело тут было вовсе не в святых идеалах национально-освободительного движения, а в презренном металле, увы...

Название «ушкуйник» произошло от слова «ушкой» – так назывались довольно большие морские и речные суда. На них плавала лихая новгородская вольница, которую в другое время и в других морях именовали не иначе как «пиратской».

Первые походы ушкуйников, против шведов, еще носили кое-какие признаки «защиты Отечества». Господин Великий Новгород тогда воевал со шведами, и ушкуйники совершили против «свеев» несколько морских походов. Но потом был заключен мир, лихие ребята остались не у дел – а возвращаться к мирным занятиям им чертовски не хотелось, потому что это было скучно, уныло и неприбыльно. И тогда ушкуйники, оглядевшись как следует, вспомнили, что далеко на юге располагается богатая держава под названием Золотая Орда. С Новгородом она, правда, никоим образом не конфликтовала, но такие мелочи никого не волновали...

В 1360 году ушкуйники спустились по Волге и взяли штурмом большой татарский город Жукотин – все же они были не ватагой разбойников, кое-как одетых и вооруженных чем попало, а дружиной профессиональных вояк, отлично экипированных и вооруженных. Захватив богатую добычу, ушкуйники на обратном пути остановились в русской Костроме, чтобы как следует отдохнуть и развеяться.

Тогдашний хан Золотой Орды Хидырбек, не мешкая, отправил гонцов к тамошним князьям. Князья повязали ушкуйников и выдали татарам. Чуть позже коллеги арестованных в отместку спалили дотла и Нижний Новгород, и Кострому, а потом стали эти города грабить всякий раз, как проплывали мимо по пути из варяг в татары («Вы что ж это, козлы позорные, правильных пацанов ментам сдали?!»).

В общем, ушкуйники что ни год отправлялись в пределы Золотой Орды, а по дороге не обходили вниманием и вполне русские города. Хан посылал гонцов к московскому князю, прося навести порядок. Князь отправлял сердитые послания новгородцам. Новгородцы лукаво отписывали в ответ, что это-де самоуправствуют молодые и бесшабашные ребята, которые москвитян не трогают, а бьют только «басурман». Это была далеко не вся правдочка: сплошь и рядом ушкуйниками руководили опытные новгородские воеводы, а оружием и деньгами вольницу втихомолку снабжали новгородские купцы – за долю в прибыли...

Город Булгар, пока он еще существовал, ушкуйники брали трижды – а в 1374 году осмелели настолько, что с налету захватили и разграбили столицу Золотой Орды Сарай.

На следующий год они на семидесяти ушкуях (под началом опять-таки не выборного атамана, а новгородского воеводы) объявились у Костромы. Управлявший там московский воевода Плещеев с пятью тысячами войска вышел им навстречу. Ушкуйников было только

полторы тысячи, но они, ударив из засады в тыл, Плещеева разбили, после чего заняли беззащитную Кострому и две недели там оттягивались (детали представить нетрудно).

Окрыленный успехом, новгородский воевода Прокоп со своими орлами поплыл вниз по Волге и объявился в Булгаре. Тамошние власти, наученные горьким опытом, откупились, не задавая лишних вопросов. Прокоп двинулся к Сараю, вторично взял его штурмом и разграбил. А поскольку аппетит приходит во время еды, поплыл дальше, в устье Волги, и бросил якоря в городе Хаджи-Тархан (нынешняя Астрахань), где правил хан Салгей.

Хан задираться со столь грозными гостями не стал – он беспрекословно заплатил дань, сколько потребовали, за приличные деньги купил всех взятых в Булгаре пленников (чем безбожно нарушил мусульманские обычаи, поскольку пленники были его единоверцами), а потом закатил для новгородцев роскошный пир. Потерявшие бдительность ушкуйники быстро перепились, набежала толпа ханских нукеров и сделала им кирдык...

Примерно в те же годы ушкуйники устроили даже свою *столицу*, этакую российскую Тортугу – заняли крепость Хлынов на реке Вятке, откуда было очень удобно ходить в набеги как за Урал по Оби, так и на Золотую Орду по Волге. Карамзин: «Малочисленный народ Вятки, управляемый законами демократии, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и самих единоплеменников, за что стяжал себе не особенно почетное название – хлынские воры».

Да уж, стоит только развести демократию, как воря и разбойников неведомо откуда набегит столько, что диву даешься...

И татарские ханы, и московские воеводы не раз пытались с Хлыновом покончить, но крепость отбивала все атаки. Давным-давно стало «делами давно минувших лет» татарское владычество над Русью, а эта пиратская республика, управлявшаяся «ва-таманами», процветала.

Покончить с ней удалось только отцу Ивана Грозного Ивану III. В 1489 году он послал на Хлынов войско, к которому охотно примкнули и казанские татары с ханом Ураком. Целая армия числом в шестьдесят четыре тысячи человек, имевшая категорический приказ без победы не возвращаться, после долгой осады и штурма взяла-таки «русскую Тортугу». «Авторитетов» перевешали, а прочих выселили на жительство в московские города. Правда, часть хлыновцев сумела бежать еще до взятия крепости, обосновалась на Дону и, как считают некоторые исследователи, и стала родоначальниками донских казаков.

Такое вот «национальное сопротивление татарским оккупантам», гораздо больше похожее на трудовые будни флибустьеров Карибского моря, грабивших все, что плывет...

Да вот, кстати. Не угодно ли посмотреть, как выглядит *настоящее* иго? Тогда давайте познакомимся с жизнью доброй старой Англии после завоевания ее герцогом нормандским Вильгельмом в 1066 году.

Победив в битве под Гастингсом тамошних правителей, Вильгельм первым делом велел переписать имена *всех* участвовавших в сражении против него – и погибших, и живых, не только тех, кто дрался с оружием в руках, но и тех, кто только *собирался* идти на войну, но не успел. У оставшихся в живых и у детей убитых отобрали все имущество, движимое и недвижимое. Тем, кто «собирался, но не успел», сначала пообещали оставить часть нажитого добра, но потом тоже все отобрали. Лично для себя новоявленный король Англии Вильгельм забрал казну прежних королей и все церковные ценности.

Затем «раскулачили» *всю* местную, саксонскую аристократию, от самых крупных землевладельцев до самых мелких – отобранное, опять-таки в строгом соответствии с положением в обществе, Вильгельм раздал своим сподвижникам. Саксонских богатых наследниц насильно выдавали замуж за знатных нормандцев, сочетая, надо полагать, приятное с полезным.

Самый задрипанный из солдат, выбив дверь пинком, входил в дом самого знатного сакса и делал, что хотел, со всем и всеми попадавшимися ему на глаза. По сообщениям хронистов, ошалевшие от легкой добычи нормандцы проигрывали в кости целые *города*. Ну а чтобы покоренные не вздумали бунтовать, специальным указом было объявлено, что за

каждого убитого нормандца будет казнено сто саксов, имевших неосторожность проживать в той местности, где случилось убийство.

Монастыри Вильгельм тоже обложил налогами и податями, на что его предшественники не решились. И начал строить повсюду укрепленные замки, что опять-таки привело к нешуточным разорениям: укрепления возводили сплошь и рядом не в чистом поле, а посреди покоренных городов. В Йоркшире после таких новшеств из 411 жителей осталось 43, а остальные разбрелись куда глаза глядят – в совершеннейшую неизвестность. В Йорке из 1800 домов снесли тысячу, в Рочестере, Норвиче и Честере – аккурат половину строений. В Оксфорде 300 домов оставили нетронутыми, обложив их владельцев дополнительным налогом, а остальные 500 либо снесли, либо разграбили дочиста. И наконец, огромные леса, где охотиться мог каждый, объявили личными королевскими заповедниками, а «браконьеров» вешали...

Вот так, судари мои, выглядит *настоящее* иго – всеобщее разорение, повсеместный узаконенный грабеж среди бела дня, куча новых налогов, покоренная аристократия практически уничтожена или, по крайней мере, лишена *всех* земель...

Наблюдалось на Руси нечто хотя бы отдаленно похожее после того, как она стала провинцией Золотой Орды? Ну, не смешите. Никакого сравнения. Десятипроцентный налог ничуть не превышает тот, который взимается с «коренных» татар, абсолютно все собственники остались при своем, церковь благоденствует, немало народу по своей воле уходит делать карьеру у татар, национальной культуре не наносится ни малейшего урона. Зато прекратились беспрерывные междоусобные войны, да вдобавок внешний неприятель уже не рискует вторгаться в пределы Руси, поскольку имеет дело не с прежним скопищем дохленьких княжеств, а с провинцией могучей империи, которая не дает свои улусы в обиду...

Это, знаете ли, никакое не «иго». Это что-то другое, гораздо более привлекательное и вполне устраивающее большинство населения. Все «страшилки» появятся гораздо позже, через пару столетий, когда возникнет к тому насущная политическая необходимость и потребуется образ лютого супостата...

Впрочем, даже татары не смогли *полностью* отучить русских от усобиц – они, хотя и в гораздо меньших масштабах, продолжались весь «золотоордынский» период истории Руси. Еще классик русской исторической науки С. М. Соловьев собрал прелюбопытную статистику (не сделав из нее, правда, должных выводов): «Круглое число неприятельских нашествий будет 133; из этого числа на долю татарских опустошений приходится 48, считая все известия о тиранстве баскаков в разных городах; приложив к числу опустошений от внешних врагов число опустошений от усобиц, получим 232».

Интересная статистика, не правда ли? На первом месте усобицы – 99, на втором вражеские нашествия – 85. И только на третьем стоят «татарские опустошения», причем в их число внесены не *набеги*, а «тиранство сборщиков налогов» – а это вещь, конечно, неприятная, но все же несопоставимая с классическим набегом. Кстати, *сколько* же было набегов и *сколько* – случаев «тиранства»? Вот тут Соловьев отчего-то не дает точных цифр – ой неспроста. Вполне может оказаться, что пресловутые татарские набеги по своему количеству стоят на последнем месте, позади всех других напастей... Кстати, любопытно было бы знать, сколько зачислено в «набеги» простых подавлений бунтов, которыми сплошь и рядом занимались не «злые татаровья», а сами князья?

Особое уточнение: вся эта статистика, по Соловьеву, охватывает период в *двести сорок* лет – с 1240-го до 1480-го, который считается «официальным» окончанием «ига». Так что картина выглядит еще примечательнее: за двести сорок лет – всего 48 татарских набегов, из какового числа следует вычесть «тиранства баскаков» в неустановленном количестве... Нисколько не похоже на «национальную катастрофу»...

И налоги для Орды, к слову, собирали тоже князья – уже с конца XIII века «ордынские баскаки» исчезают из русских летописей. Сколько при этом, как водится, прилипало к рукам самих сборщиков, история скромно умалчивает...

Между прочим, значительную часть дани ордынские ханы не с танцовщицами прогуливали, а пускали на содержание дорог, ямских станций, на государственный аппарат и прочие необходимые расходы... Напоминаю, Орда была нормальным *государством*, которое строило, развивало ремесла, обеспечивало безопасность своих граждан – а вовсе не кочевой разбойничьей шайкой. Таковой были как раз доблестные ушкуйники, которые, когда приходила нужда в деньгах, преспокойно продавали в тот же Булгар захваченных ими *русских* пленных.

А собственно, как выглядело государство, звавшееся Золотой Ордой? Давайте посмотрим...

Глава одиннадцатая. Золотая юрта

Именно это значение в первую очередь имеет в тюркских языках слово «орда» – не войско или толпа, а «юрта» (под чем понимается не только одиночная юрта, но и целое поселение).

Золотая юрта, по давней традиции, ставилась для верховных властителей. Арабский путешественник Ибн-Баттута оставил описание такой юрты, принадлежавшей хану Узбеку: «В пятницу, после молитвы, он садится в шатер, называемый золотым шатром, разукрашенный и диковинный. Он из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листками. Посредине его деревянный престол, обложенный серебряными позолоченными листками; ножки его из чистого серебра, а верх его усыпан драгоценными камнями».

Страну под названием Золотая Орда до сих пор частенько объявляют таким грандиозным кочевьем, скопищем «монгольских» бродяг, которые ничем другим не занимались, кроме как грабили коренные народы, а потом, свалив вокруг юрт награбленное добро, с дикарским простодушием жарили конину на бесценных рукописях, отправляли поэтов и астрономов пасти стада, а землю полагали плоской, как доска...

Реальность не имеет с этой ублюдочной картиной ничего общего. Золотая Орда – страна городов. Тот же Ибн-Баттута оставил описание столицы Сарая: «Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня... и все сплошной ряд домов, где нет ни пустопорожных мест, ни садов».

Это описание смотрится особенно многозначительно при сравнении со стольным градом Парижем, который за полчаса неспешным шагом можно было пересечь из конца в конец что вдоль, что поперек, а на большинстве парижских улочек двум пешеходам, чтобы разойтись, приходилось поворачиваться боком и прижиматься к стене. К тому же славный город Париж, уж простите за грубость, был *засран* в самом что ни на есть прямом смысле. Ночные горшки непринужденно выплескивали на улицы, где вольготно бродили вносящие свой вклад в благоухание улиц свиньи, нечистоты текли с подворий, так что, по многочисленным свидетельствам очевидцев, лишь посреди улиц оставался узкий проход меж куч дерьма, но все равно и люди, и лошади в нем вязли. Классическим примером является описанный хронистами случай с одним из французских королей: он стоял у окна своего дворца, но тут по площади поехали телеги и как следует размесили дерьмо. Вонючка поднялась такая, что его величество грохнулся в обморок.

Уточнение: Париж существовал уже несколько сот лет, а Сарая, воздвигнутому на голом месте, едва исполнилось девяносто – но разница меж ними ошеломительная...

Согласно сегодняшним исследованиям, в Золотой Орде было до сотни торговых и ремесленных городов. Разумеется, можно сказать, как это звучит сплошь и рядом, что города для татар «возводили покоренные народы», но даже если так, то это означает, что «дикие кочевники» отчего-то чувствовали *потребность* в строительстве больших и красивых городов. Потребность в развитии архитектуры, торговли, наук и искусств – все это весьма

странно для образа «дикого кочевника», которому подобные потребности совершенно чужды. Но поскольку европейские историки не любят вспоминать о величии древних степных каганатов, ничуть не уступавших европейским странам, то сплошь и рядом попадаются кудрявые, логически противоречивые фразы типа: «Пышно распустилась совершенно чуждая номадам (кочевникам. – А. Б.) яркая урбанистическая восточная средневековая культура, культура поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской ученой духовности, толкователей Корана и математиков-алгебраистов».

Это – о золотоордынских городах. Средневековая восточная культура кочевникам якобы совершенно чужда – но отчего-то они ее с превеликим усердием развивают, поддерживают и финансируют... Тот же автор, совершенно не чувствуя противоречий, порой абзацев далее пишет: «Ханы вывозили из Средней Азии, Ирана, Египта и Ирака ученых, астрономов, богословов, поэтов». То есть опять-таки тратили немалые деньги на поддержку якобы чуждой им культуры... Воля ваша, так не бывает. Если хан поддерживает городскую культуру, науки и искусства, ремесла, значит, он чувствует в том нешуточную потребность – а следовательно, он вовсе не дикарь, и культура ему нисколько не чужда...

А вот составленный «дикими кочевниками» документ – ярлык хана Узбека, выданный венецианским купцам (его перевод на латинский сохранился в Венеции): «Отныне и впредь венецианские купцы, приезжающие к нам на кораблях и совершающие торговые сделки в городе Азове и других городах, пусть платят в нашу казну торговый налог в размере трех процентов; если купля-продажа не производится, пусть никто не требует с них торгового налога. Также у нас исстари не брали торговый налог с торговли драгоценными камнями, жемчугом, золотом, серебром, золотой канителью; и ныне пусть не берут.

Также, если какой-либо товар продается на вес, то от ханского таможенника и консула выделяются соответственно по одному уполномоченному, которые стоят вместе, следят за точностью взвешивания и уплаты продавцом и покупателем в казну по закону торгового налога и весового сбора.

Также стороны, совершающие между собой куплю и продажу, дают посреднику или принимают одна от другой задаток; такой задаток считается действительным и входит в стоимость покупки.

Также, если поссорится наш человек с венецианцем и один на другого подаст жалобу, то пусть наш правитель края и соответственно венецианский консул тщательно расследуют конфликт и определяют меру ответственности каждого; пусть не хватают невинного взамен виновного...»

Прикажете верить, что подобные документы составлялись «степными дикарями»?! Как и все прочее, торговля в Золотой Орде регулировалась подробно разработанными *законами* – а потому любой купец, путешественник, «командировочный» или ученый мог безопасно странствовать по огромной территории от Черного моря до китайских границ. К слову, в Европе в те времена ситуация была качественно иная: купцам, отправившимся с товаром, приходилось то и дело развязывать кошельки или делиться грузом, потому что старушка Европа была покрыта бесчисленными «шлагбаумами» на границах бесчисленных феодальных владений, и каждый убогий барончик драл три шкуры за проезд по своей земле, если не все отнимал...

Даже Карамзин, отнюдь не склонный хвалить татар, вынужден был отметить: «Знаменитый Могольский город Крым (коего именем называли всю Тавриду), столь великий и просторный, что всадник едва мог на хорошем коне объехать его в половину дня. Главная тамошняя мечеть, украшенная мрамором и порфиром, и другие народные здания, *особенно училища* (курсив мой. – А. Б.), заслуживали удивление путешественников. Купцы ездили из Хивы в Крым без малейшей опасности, и, зная, что им надлежало быть в дороге около трех месяцев, не брали с собою никаких съестных припасов, ибо находили нужное в гостиницах; доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлю!»

Самое интересное, что современные историки искусства скрепя сердце вынуждены

признать: с середины XIV века русское ювелирное искусство полнится *заимствованиями* из Золотой Орды! Оказалось, что золотой оклад иконы «Богоматери Млекопитательницы» в Новодевичьем монастыре выполнен в *ордынском* стиле и, мало того, на полях оклада узор составлен из... многократно повторенного слова «Аллах». В панаягах Желтикова и Кирилло-Белозерского монастыря тоже четко прослеживается ордынский стиль...

Великий хан Угедэй, нужно признаться, был горьким пьяницей (от чего в конце концов и помер). Но в то же время он оказался весьма талантливым государственным деятелем. Якобы потомок кочевников, кочевую жизнь он отчего-то терпеть не мог – и занимался градостроительством на широкую ногу, создал разветвленную сеть почтовых станций, прокладывал дороги, приказал вырыть в безводных местах множество колодцев и соорудить немало государственных складов зерна, откуда в неурожайные годы населению раздавали продукты (позже эту ордынскую практику будет применять русский царь Борис Годунов, кстати, далекий потомок ордынского мурзы).

Вообще сохранилось немало свидетельств о том, как Угедэй раздавал просителям и просто бедным немалые деньги из государственной казны. Чиновники его канцелярии частенько пеняли великому на это расточительство – на что он ответил так: «Те, кто в этом (накоплении сокровищ. -А. Б.) усердствуют, лишены разума, так как между землей и зарытым кладом нет разницы – оба они одинаковы в своей бесполезности. Поскольку при наступлении смертного часа (сокровища) не приносят никакой пользы и с того света возвратиться невозможно, то мы свои сокровища будем хранить в сердцах, и все то, что в наличности и что приготовлено, или поступит, отдадим подданным и нуждающимся, чтобы прославить доброе имя».

Переходя к религии, стоит рассказать еще об одном случае, связанном с Угедэем. Однажды к нему явился некий араб, ярый противник ислама, и заявил, что якобы видел во сне великого Чингисхана, который просил передать своему сыну Угедэю, чтобы тот убил побольше мусульман, «так как они очень плохие люди».

Угедэй, не особенно и задумываясь, спросил:

– Он тебе это передал через кого-то или сам сказал?

– Собственными устами! – заверил хитрый араб.

– А ты татарский знаешь? – поинтересовался Угедэй. Араб сознался, что не знает.

– Вот и выходит, что ты, пес смердящий, брешешь, как нанятый, – спокойно сказал Угедэй. – Мой отец, кроме татарского, других языков не знал, как же он мог с тобой разговаривать, что бы ты его понимал?

Потом кликнул охрану, хитромудрого араба вывели прочь и укоротили на голову...

О веротерпимости подробно писал персидский историк Джувейни: «Они не принадлежали ни к одной из главных религий и не отдавали предпочтение никакой вере. Они избегали фанатизма и исповедания той или иной религии, избегали выделить одну из религий и поставить ее над всеми остальными. Скорее, они чтили и уважали ученых и набожных людей каждого вероисповедания. Они относились к мусульманам с большим почтением, так же как к христианам и идолопоклонникам. Многие из детей и внуков Чингисхана выбрали религию в соответствии со своими наклонностями: некоторые приняли ислам, другие – христианство или стали идолопоклонниками, некоторые примкнули к старинным верованиям своих отцов и дедов... они остерегались проявить хоть малейший фанатизм и не отклонялись от закона Чингисхана: уметь уважать все веры и не делать различия между ними».

Европа к подобной терпимости пришла только в конце *двадцатого* столетия...

Мельком об уровне науки. В стихах золотоордынского поэта Сайфи-Сараи (1321–1396) есть прелюбопытнейшие строчки:

«Узнала любви притяженье душа, Землей вокруг Солнца круженье верша».

За сто пятьдесят лет до Коперника... То, что Земля обращается вокруг Солнца, предстает не как ошеломительная научная сенсация, а как проходная фраза, содержащая всем известные истины...

А если спуститься с небес на землю, в «Книге Марко Поло» отыщутся сведения о неизвестном европейцам способе топить печи: «Правда, что во всей провинции киданей есть способ применения черных камней: эти камни добывают в горах, и они горят, испуская пламя, как поленья: они сгорают полностью, как древесный уголь. Они долго горят, и готовить на них легче, чем на древесине... потому что они лучше и стоят меньше, чем древесина, которую таким образом экономят».

Совершенно неважно, существовал в действительности Марко Поло или нет, была ли приписываемая ему книга написана в XIII веке или в XV-м, когда была впервые напечатана. Главное тут в другом: в отличие от «диких» татар, «цивилизованная» Европа и в XV веке совершенно не умела топить печи каменным углем, хотя в Европе имелись немалые его залежи. Европа начисто сожгла свои обширные леса – вот и пришлось совершенно отказаться от мытья, и благородные дамы с кавалерами смердели вовсю – не от неряшливости, а оттого, что леса истребили, а углем пользоваться не умели...

О высоком положении женщин в Золотой Орде сохранилось немало свидетельств. Добропорядочный мусульманин Ибн Бат-тута изрядно возмущался тем, что тюркские женщины не сидят затворницами по теремам и разгуливают с открытыми лицами.

И записал добросовестно: «Я был свидетелем в этой стране одной удивительной вещи – уважения, которым пользуются женщины: они имеют действительно более высокий ранг, чем ранг, занимаемый мужчинами... часто жену сопровождает ее муж, которого многие принимают за одного из ее слуг».

Плано Карпини: «Девушки и женщины ездят верхом и несутся вскачь так ловко, как и мужчины. Мы даже видели, как они неслись со стрелами и колчаном... Женщины выполняют все работы: шьют шубы, одежду, обувь и все, что делается из кожи; они ведут телеги, чинят их, нагружают верблюдов и делают все быстро и ловко».

Речь идет, разумеется, о простолюдинках – дамы благородного сословия гораздо более утонченны.

Итальянец Рикольди дель Монтекроче (1291 г.): «Татары относятся с большим уважением ко всем женщинам в мире, но особенно к своим. Именно женщины занимаются общественными и домашними делами, они же покупают и продают. Женщины горды и воинственны. Они ездят верхом, как мужчины, и я их видел часто въезжающими в города, как мужчины, с луком и стрелами. Они очень верны своим мужьям».

После всего этого с нешуточным удивлением читаешь проникнутые простодушным цинизмом рассуждения историка С. Соловьева о некоем «превосходстве» Европы над всеми прочими: «Превосходство древнеевропейских народов над восточными нам понятно, потому что у первых мы видим чрезвычайно благоприятные природные, племенные и исторические условия, или условия народного воспитания... Также понятно нам превосходство новых европейских народов перед древними, потому что к той же выгоде условий природных и племенных присоединился запас древней цивилизации, да еще выгоднейшие исторические условия, лучшее воспитание, присоединилась общая жизнь народов при высшей религии».

Отсюда следует непререкаемый вывод: «Но мы не имеем никакого права сказать, что... племена монгольские, малайские и негрские могут перенять у арийского племени дело цивилизации и вести его дальше».

«Арийский» мыслитель, забавлявшийся подобными упражнениями за полсотни лет до герра Розенберга, и не подозревал, насколько вторична и убога европейская цивилизация в сравнении с азиатской, понятия не имел о высокой культуре тех, кого высокомерно назвал «монгольскими племенами»...

В Золотой Орде, кстати, никаких монголов нет. Нет, хоть ты тресни. Куда ни глянь – повсюду тюрки, тюрки и еще раз тюрки. И уже совершенно не убеждают ритуальные утверждения множества историков – были монголы, были, непременно были, только они, вот незадача, в кратчайшие сроки «растворились» среди тюрков... Вздор. Если монголы смогли буквально в течение пары десятков лет без следа «раствориться» в тюркском море, значит, они и с самого начала не играли в событиях особой роли – вполне возможно, что огромное

войско Чингисхана мимоходом подхватило в свои ряды и какое-то небольшое монгольское племя – но не более того...

Выше уже говорилось, что и «Чингисхан», и «Темуджин» – совершенно не монгольские имена, а тюркские. Рассмотрим еще несколько любопытных фактов.

Довольно часто в качестве «доказательства» прихода на Русь именно *монгольской* орды кстати и некстати поминают о нескольких находках (и в Киеве, и в других местах) черепов людей, несомненно принадлежавших к монголоидной расе. И в простоте душевной полагают это неопровержимой уликой. Цепочка рассуждений простая: если есть монголоидные черепа – значит, их хозяева когда-то пришли из Монголии.

Святая простота... Суждение логически вроде бы верное, но насквозь неправильное...

Дело в том, что обладатели «монголоидных черепов»... обитали в европейской части России за многие столетия до прихода Чингисхана.

В погребениях VIII–IX веков на территории так называемого Цимлянского городища, неподалеку от Дона, давным давно обнаружены черепа «со значительной монголоидной примесью» – просто-напросто в те отдаленные времена в Северном Причерноморье *уже* обитали как жители сарматского (европейского) облика, так и самые натуральные монголоиды. Не имеющие, таким образом, никакого отношения к расположенной за восемь тысяч километров от них Монголии...

Более того, в гораздо более ранние времена, примерно пятнадцать тысяч лет назад, наряду с кроманьонцами в Западной Европе обитали и люди так называемого лапоноидного типа, т. е. с явными признаками «монголоидности». Ученые считают, что именно от них и произошли живущие ныне в Финляндии саамы – по своему облику классические монголоиды. Которые, кстати, вполне могли оказаться в том или ином количестве среди тех, кто меж собой воевал на территории Руси. Так что «монголоидные черепа», относящиеся к периоду взятия Киева Батыем, доказывают лишь одно: что далеко не все обитатели Европы были европеоидами, только и всего...

Да что там монголоиды... Когда-то в Европе в качестве коренных жителей обитали самые натуральные *негры*. Еще в 1954 году на знаменитой стоянке древнего человека в Костенках ленинградские археологи раскопали погребение, и, когда профессор М. М. Герасимов восстановил по черепу облик похороненного, получился классический... негроид! Обитавший в незапамятные времена под нынешним Воронежем.

Ничего удивительного: еще в самом начале двадцатого столетия и во Франции, и в Италии раскопали немало черепов, принадлежавших опять-таки негроидам. А позже и в Причерноморье – но, насколько мне известно, никто даже не пытались выдвигать гипотезы, будто в седой древности из далекой Африки пришла некая «негритянская кочевая орда». Все гораздо проще: в кроманьонские времена в Африке обитали не только негроиды, но и племена вполне европейского облика, а в Европе, соответственно – негроиды. Точно так же обстоит и с монголоидами, которые мирно – или не всегда мирно – обитали по соседству со славянами и шведами за сотни лет до Батыя...

Интересные вещи обнаруживаются при вдумчивом чтении киргизского народного эпоса «Манас». Разумеется, подобные произведения никак нельзя считать историческими источниками, но все же в них неминуемо отражаются какие-то исторические детали. Взять, скажем, европейскую средневековую «Песнь о Роланде», славном рыцаре Карла Великого, согласно балладе, оставшемся прикрывать отступление армии Карла, преследуемого мусульманами-сарацинами и геройски погибшем при этом. *На самом деле* Карл Великий воевал тогда не с сарацинами, а с басками-язычниками – но вот *остальное* полностью соответствует исторической правде: маркграф Роланд был реально существовавшим человеком, он действительно погиб в горном ущелье, защищая проход...

Так вот, «Манас», что называется... в упор не видит никакой такой «великой *монгольской* империи». Согласно эпосу, у средневековых киргизов было только два серьезных противника, с которыми они постоянно боролись: это китайцы и кочевые племена калмыков, как раз и обитавших тогда в районе современной Монголии.

Разумеется, историки, не в силах игнорировать этот очевидный факт, еще с полсотни лет назад предложили свое объяснение: по их убеждению, киргизы попросту «называли калмыками все монголоязычные народы».

Написать такое мог только человек, совершенно не знающий древних традиций Великой Степи. Там как раз принято было скрупулезно доискиваться до *корней*. Всем, наверное, помнится извечный вопрос, с каким обращаются к герою в русских сказках: «Ой ты, гой еси, добрый молодец! Ты какого будешь роду-племени?»

Так вот, этот вопрос позаимствован из старой тюркской традиции, где его следовало понимать в *буквальном* смысле: путник, какого *ты рода*, какого *племени*! В степи не бывает каких-то абстрактных «казахов» – есть кият, меркит, жалаир. Не бывает абстрактных «хакасов», обязательно поинтересуются: ты саганец или шорец? И так далее. Так что насчет «обобщенных» калмыков – чушь собачья. Тут другое: средневековые киргизы просто-напросто не видели поблизости от себя никаких таких сильных, могучих, представлявших реальную опасность монголов, вот и все...

Кстати, «кият», «меркит», «жалаир» и «аргын» – роды, упоминающиеся при перечислении «монгольских» родов Чингисхана, – это *современные* казахские роды! К монголам никакого отношения не имеющие.

Наконец, «древнемонгольский» обычай избрания нового хана отчего-то неизвестен в *монгольской* традиции, зато, как оказалось, как две капли воды похож на обычай, сохранившийся у казахов и узбеков до конца XIX века: когда кандидат получает большинство голосов участвующих в избрании знатных лиц, его сажают на кошму из тонкого белого войлока и трижды приподнимают войлок за концы, громко провозглашая: «Хан! Хан! Хан!». Потом вслед за знатью ту же процедуру повторяет «простой народ», кошму рвут на мелкие кусочки, за которые идет форменная драка – каждый старается унести такой лоскуток в память о том, что он лично участвовал если не в избрании хана, то в его торжественном провозглашении. В тюркских языках этот ритуал именуется «хан кутармак», на персидском «хан бар даш-тан». Монгольского аналога не существует...

Есть интересное объяснение слова «монгол» применительно к татарам, взятое из средневекового китайского документа «Краткие сведения о черных татарах», написанного книжниками Пэн Да-я и Сюй Тингом: «Государство черных татар называется Великой Монголией. В пустыне имеется гора Мэнгу-шань, а в татарском языке серебро называется мэнгу. Чжурч-жени называли свое государство "Великой золотой династией", а потому и татары называют свое государство "Великой серебряной династией"».

В том, что речь идет именно о Чингисхане и его державе, легко убедиться из дальнейшего текста: «Тот их правитель, который первым узурпировал титул императора, звался детским именем Тэмочжэнь, а по узурпированному им титулу императора – Чэнцзисы»...

Масса словесной эквилибристики применяется, чтобы «загнать» столицу татарской державы в невероятно полубившиеся «классическим» историкам монгольские степи. Еще Карамзин «корректировал» книгу Плано Карпини, добавляя свои *догадки*. Вот, скажем, Карпини пишет: «Далее мы увидели обширное озеро, оставили его на левой стороне и чрез землю кочующих найманов на исходе июня прибыли в отечество монголов, которые суть истинные татары».

Карамзин добавляет в скобках к упоминанию об озере: «Байкал». Что является не более чем его домыслами, поскольку это озеро вполне может оказаться и Аральским морем. Тем более что Карпини пишет, как сначала приезжает в Хиву и Бухару, а потом как-то сразу оказывается у того самого «озера», которое все же больше похоже на Арал – между Бухарой и Байкалом расстояние весьма даже немаленькое, но Карпини-то не дает об этих землях, по которым вроде бы должен был проезжать, никаких подробностей.

Зато он дает координаты татарской державы, с «монгольской» версией категорически не сочетающиеся: «К востоку же от них расположена земля китайцев, а также солангов, к югу – земля сарацин, к юго-западу расположена земля гуиров, с запада – область найманов, с

севера земля татар окружена морем-океаном».

Сарацины – это попросту среднеазиатские мусульмане. Гуиры – уйгуры. По поводу загадочных солангов один современный комментатор утверждает, что речь идет о корейцах. Корея к востоку от Монголии – это, знаете ли, оригинально. Всегда она находилась от монголов к югу.

Уйгуры – это жители нынешней китайской провинции Синь-цзян, расположенной неподалеку от того места, где сходятся рубежи Киргизии и Казахстана. Если уйгуры обитают «с юго-запада» от татар, то татары, соответственно – еще не обязательно в Монголии, а в том же Казахстане.

Но особенно мне нравится упоминание о «море-океане». Это какое же море-океан омывает с севера *Монголию*?! Зато если речь идет о той самой Заволжской Орде, то все становится на свои места – с севера вполне может оказаться «море», то есть Арал...

Довольно интересные вещи пишет о татарах и польский историк начала XVII века Михалон Литвин: «Хотя татары считаются у нас варварами и дикарями, они, однако, хвалятся умеренностью жизни и древностью своего *скифского* (курсив мой. – А. Б.) племени, утверждая, что оно происходит от семени Авраама, и они никогда не были ни у кого в рабстве, хотя иногда бывали побеждаемы Александром, Дарием, Киром, Ксерксом...»

Иными словами, татары – или по крайней мере какая-то их часть, – считают себя потомками «исчезнувших» скифов, живущими в Причерноморье достаточно давно, чтобы иметь дело с Александром Македонским, Дарием, Киром и Ксерксом. Батый, по Литвину, родился опять-таки в Заволжской Орде. Причем татары отчего-то считают своим праотцом именно Авраама, родоначальника еврейских племен, а пить вместо браги молоко им заповедал не кто иной, как... библейский царь Соломон! Я устал повторять, что до восемнадцатого века существовала совершенно *другая* историография, ничего общего не имевшая с нынешней – именно стройная система исторических знаний, а не «скопище заблуждений и анахронизмов»...

Как и все без исключения его современники, Литвин полагает, что русские были вассалами не «монголов», а тех самых «заволжских татар». Что до «скифов», то и византийцы, и западноевропейские историки часто писали, что скифы преспокойно обитали в Крыму и в Средневековье, общаясь с генуэзцами. Лызлов на основании каких-то не дошедших до нас летописей считает, что половцы и «давным-давно исчезнувшие готы» – это один и тот же народ. Так, может быть, длинная череда народов, якобы на протяжении тысячи лет старательно «вытеснявших» друг друга, а потом поочередно самым загадочным образом «исчезавших», существует только в буйном воображении нынешних историков? И все означенные народы не «сменяли» друг друга, а обитали на сравнительно коротком историческом отрезке, разве что время от времени меняя свои *названия*!

Кстати, Переяславско-Суздальская летопись преспокойно утверждает, что скифы – это всего-навсего *хазары*...

Ну что поделать: русские летописи сплошь и рядом – источник совершенно еретических с точки зрения скалигеровщины фактов. Лаврентьевская как ни в чем не бывало утверждает, что Александр Невский в 1250 году, после победы над шведами, устроил некое «празднование памяти князя Владимира», причем среди торжественных мероприятий числится и церковная служба в «великом граде Киеве» – который вроде бы до основания разрушен татарами и совершенно обезлюдел...

Новгородская летопись старшего извода отчего-то считает, что храм Святой Софии в Киеве закладывался *дважды* – в 1017 и 1037 годах.

Еще о скифах. Автор «Славянской хроники» священник Гельмольд (1171 г.) причисляет к скифам не только славян, но и скандинавов.

Но вернемся в Золотую Орду, где татарская армия вновь собирается в поход – на сей раз в Европу...

Глава двенадцатая. Сияние и закат

В начале 1241 года, зимой, татарские тумены перешли Вислу, и начались события, известные как «монгольское вторжение в Европу». Этот поход тоже таит немало загадок. Судя по всем последующим событиям, сам Батый особенного желания вторгаться в Европу не испытывал, ему было неплохо и в золотой юрте на Волге. По версии Ипатьевской летописи, на эту кампанию Батыею подбил тот самый пленный тысяцкий Дмитрий, которого татары приняли на службу в Киеве. Предположение сомнительное: слишком масштабным был поход, чтобы начинать его единственно по совету едва принятого «в ряды» чужестранца, которого еще не проверили в деле...

Более правдоподобен вариант, по которому татары вторглись в Европу, преследуя своего старого «кровника», половецкого хана Котяна, бежавшего к венграм. За ханом числился весьма серьезный грешок – он в свое время убил татарских послов. Достоверно известно, что великий хан Угедэй писал венгерскому королю Беле, требуя выдать Котяна и обещая в случае неподчинения много неприятных сюрпризов. Как пишет современный отечественный историк, «Бела проявил враждебность к монголам». Подобные уклончивые фразы в устах европейского человека всегдастораживают. Уж не убил ли и Бела послов, по рыцарским правилам старушки Европы?

А вы знаете, так и оказалось! Только в 1920 г. в архивах Ватикана обнаружили письмо сменившего Угедэя великого хана Гуюка, где он в упрек мадьярам поминает именно что об уничтожении ими посольства...

Правое крыло татарского войска вошло в Польшу. Впрочем, это уже было не «татарское» войско, а *имперское*. Поляки моментально опознали среди наступающих смоленские и галицкие дружины. Глупо думать, что русских туда погнали силой – дружинник того времени, профессиональный вояка, жил исключительно военной добычей, так что вряд ли смолян и галичан пришлось долго уговаривать, как стеснительных девочек. А король Бела в письмах европейским монархам жалуется, что его обложили, как волки овчарню, всевозможные славянские «еретики», среди которых упоминает и бродников.

Татары захватили Сандомир и Краков, без особого труда разгромили парочку местных князей средней руки. В Силезии, у городка Лигнице им навстречу вышел человек посерьезнее – Генрих Силезский из польского королевского рода Пястов, к которому примкнули моравский владетель Владислав, тамплиеры и рыцари Тевтонского ордена...

Их тоже разбили быстро и качественно. Генрих и Владислав погибли в бою (причем неутешные родственники Генриха поставили над ним художественно выполненное надгробие, где вопреки очевидным фактам именно Генрих попирает ногами и щекочет мечом злого татарина, причем у татарина, вот диво, внешность совершенно русская...). Чешский король Вацлав, узнав об этом афронте, решил с татарами не связываться (правда, некоторые источники уверяют, что какое-то мелкое сражение между чехами и татарами все же состоялось).

Тем временем левое крыло татар вторглось в Венгрию. К тому времени выяснилось, что хана Котяна недавно прирезали сами же венгры, но останавливаться уже никто не горел желанием.

В битве на равнине Мохи венгров расколошматили подчистую. При этом погиб татарский военачальник, чье имя до сих пор не удается определить точно. «Юань би-ши» именует его «Бахадуром», но о ком именно идет речь, непонятно. Эта смерть стала основой для устойчивой легенды, что в Венгрии погиб сам Батый, имевшей некоторое хождение и угодившей даже в отдельные русские летописи.

Король Бела бежал в Австрию. Вот тут Европу *затрясло* по-настоящему. По невежеству своему европейцы были нисколько не осведомлены о том, что лежит за пределами их крохотного «континента», а потому терялись в догадках. Тут еще случилось полное солнечное затмение, и «цивилизованная» Европа, усмотрев в этом недобрый знак, ополоумела окончательно. Сохранилась масса свидетельств о невероятной панике, охватившей не то что континентальные страны, но и островную Англию. Со всех сторон

неслись уверения, что настал конец света.

Священники из тех, кто питал пристрастие к мистике, стали лихорадочно перелистывать Библию в поисках подходящего места. И накопили-таки упоминание о некоей «стране Фарсис», чей царь «будет обладать от моря до моря и от реки до концов земли». В одном из псалмов тоже значилось: «падут пред ним жители пустынь, и враги его будут лизать прах, цари Фарсиса и островов принесут ему дань». Творчески развивая эту мысль, кто-то из патеров связал царя Фарсиса с тремя волхвами, привезшими приношения младенцу Иисусу. А поскольку мощи трех волхвов покоились в Кельнском соборе, то дальше рассуждалось уже совсем просто: «неведомые пришельцы» идут на Кёльн, чтобы забрать мощи своих предков...

Легко представить, что поднялось в Кёльне, когда там прослышали об этих теоретических изысканиях... Но переполох быстро утих – татары свернули из Польши и Венгрии на юг, на Балканы, так что теперь было совершенно ясно, что на Кёльн они не пойдут.

Тогда не желавшие останавливаться на достигнутом патеры выдвинули новую гипотезу: пришельцы и есть то самое неведомо где потерявшееся «тринадцатое колено Израилево». Кто-то самый грамотный тут же вспомнил, что 1241 год соответствует 5000 году по еврейскому календарю, и в этот год многие евреи ждут прихода Мессии или хотя бы возвращения царя Давида.

Тут к делу подключился епископ Матье Парижский и довел изыскания до логического конца: бей жидов, спасай Европу! И огласил неизвестно как к нему попавшую сенсационную информацию: ворвавшиеся в Европу «дикари» и в самом деле – пропавшее «тринадцатое колено», о чем европейские евреи прекрасно знали заранее, а потому, «собравшись на совет в тайном месте», составили коварный план изничтожения христианского мира. Для чего собрали уйму золота и драгоценных камней, накупили массу оружия и доспехов, спрятали в бочки и поджидают теперь татар, чтобы все это им отдать...

К сожалению, шуткой тут и не пахло. Под воздействием сенсационных откровений епископа Матье по всей Западной Европе, от Англии до Рима, начались обширнейшие еврейские погромы...

Тем временем татары появились под Веной. Во время схватки с их передовым отрядом рыцари герцога Габсбургского взяли в плен командира отряда, который оказался... английским дворянином на службе у великого хана! Более точных сведений о нем уже не доискаться – австрийцы его сгоряча убили, так что все подернуто туманом неизвестности...

Отступив от Вены, татарские отряды двинулись по Хорватии вдоль Адриатического моря (о возможных причинах этого марша я уже писал в «России, которой не было», и повторяться не буду. Скажу лишь, что в отличие от других гипотез *эту* я пересматривать не намерен). Король Бела, укрывшись где-то на островке посреди Адриатики, посылал отчаянные письма европейским монархам и папе Римскому, прося помощи.

Папа Григорий IX призвал европейских королей выступить в крестовый поход против «неверных». Но те вели себя совершенно так же, как совсем недавно русские князья, не проявляя ни малейшего желания объединиться и вообще идти в поход. В Европе в это время бушевали свои усобицы – меж теми, кто поддерживал папу, и теми, кто выступал против него. Сами же папские приближенные поддавали жару, обвиняя германского короля Фридриха II, что это именно он втихомолку договорился с татарами, «организуя заговор против монархии во всем мире, ведущий к окончательному крушению христианской веры». При этом означенного Фридриха непринужденно сравнивали с Люцифером и Антихристом.

Шум по всей Европе стоял страшный. Срочно распространились «свидетельства» о нравах татар, вроде, например, следующего: «Их вожди питаются трупами, как будто это хлеб, и оставляют ястребам только кости... Старых и некрасивых женщин отдавали этим каннибалам, и они их ели в течение дня, красивых женщин воздерживались есть, но, несмотря на их крики и слезы, они их душили, многократно подвергнув изнасилованию... Они оскверняли девушек, пока те не умирали, затем отрезали им груди, которые они

подносили своим начальникам как деликатесную еду, и те их с жадностью поедали...»

Неизвестно, кто больше трясся от ужаса после таких «фронтовых сводок» – старушки или молодые красотки. Правда, сочинил эту страшилку некий аббат Ион из французского города Нарбонна, который в жизни не видывал ни одного татарина и за пределы Франции не выезжал...

В общем, крестовый поход откровенно застопорился – Европа сочиняла страшные сказки и взапуски уничтожала незащитных евреев. Матье Парижский срочно сочинил трактат об обычаях татар, где подробно живописал, как они лопают вшей горстями и пьют кровь пленников (самое смешное, что его бред до сих пор кое-где фигурирует в качестве «исторического источника»).

Французский король Людовик IX, когда его матушка попыталась намекнуть насчет крестового похода на безбожных татар, отписал в ответ следующее: «Мать моя, пусть правит нами покой небесный. И если эти люди, которых мы называем татарами, должны прийти к нам, то или мы закинем их назад в район Тартара, откуда они вышли, или же они всех нас отправят на небо».

Известный историк Г. В. Вернадский отчего-то назвал это «глубоким религиозным чувством и покорностью судьбе». Вашему покорному слуге скорее уж представляется, что Людовик отличался здоровым цинизмом – роман Вальтера Скотта «Квентин Дорвард», основанный на строгих исторических фактах, дает кое-какое представление об этой весьма характерной персоне, далекой от христианских добродетелей...

Шведы с тевтонцами вскоре переключились на более выгодное и традиционное занятие, нежели война с татарами, – вылазки против Новгорода и Пскова. Европейское единство решительно не вытанцовывалось. Наоборот, как и в других местах, знатные господа, мажарские и немецкие, не особенно и ломаясь, переходили к татарам. Сохранилось свидетельство европейского хрониста, что после неудачной для венгров битвы у Шайон на службе у ордынского военачальника Кадана моментально оказалось шестьсот немцев из числа капитулировавших.

Европа друженько отстукивала зубами от ужаса, но объединяться для крестового похода все равно не собиралась, хоть ты тресни; бродячие проповедники кричали на перекрестках о Гоге и Магоге, о грядущем и скором пришествии Антихриста; по всей Европе увлеченно истребляли евреев, поскольку это предприятие было выгодным и совершенно безопасным; где-то в глуши отсиживался венгерский король Бела – все, казалось, рушится...

И тут Батый уводит свои тумены из Европы!

Это до сих пор кажется настолько ошеломительным, нелогичным, непонятным и загадочным, что в версиях по сей день нет недостатка.

Русские с легкой руки Александра Сергеевича Пушкина привыкли считать, что татары-де «забоялись» оставить в тылу разбитую, но не покоренную Русь, нестигаемо строившую планы всенародного отпора захватчикам.

Как это ни оскорбительно для национального самолюбия и патриотической восторженности, но с глубоким прискорбием приходится констатировать, что ничего даже отдаленно похожего в реальности не существовало. Русь, по причине разобщенности и откровенно враждебного отношения княжеств друг к другу, ни малейшей опасности не представляла – и никаких таких планов «православного крестового похода» не существовало и существовать не могло. Галичане и смоляне с превеликой охотой принимали участие в набегах на Европу (за что последние были освобождены от всей и всяческой дани), русские поселенцы по приказу Батые обосновывались на венгерских землях, на Дону и Волгу (на Дону и Волге?) (потом историки это назовут «бегством от татарского нашествия», что на правду ничуть не похоже – еще можно с грехом пополам считать таковым уход русских на север и северо-восток, но вот как быть с тем, что они не менее охотно селились на южных, находящихся под контролем ордынцев, территориях? Археологические данные подтверждают, что в XIII веке появились целые поселения русских в Крыму, причем речь идет не о каких-то там жалких рабских лачугах. Империя, что греха таить – вещь

привлекательная, а хороший мастерской мог у татар неплохо устроиться – как описанный западноевропейцами русский золотых дел искусник Кузьма, сделавший великому хану великолепный трон и большую золотую государственную печать...)

Ну а сами князья объединиться в некое отдаленное подобие антитатарской коалиции были решительно неспособны, им представлялось гораздо более выгодным и важным собачиться друг с другом. Вот классический пример: знаменитый «княжеский съезд» 1295–1296 гг. во Владимире. Речь там шла о самом насущном и наиболее болезненном: кому владеть Переяславлем? Обсуждение проходило настолько бурно, что князья похватили мечи и приготовились драться: с одной стороны – Андрей Владимирович, Федор Черный и Константин Ростовский, с другой – Данила Московский и Михайло Тверской.

Смертоубийство с превеликим трудом предотвратили ордынский посол Олекса Неврюй и два епископа – сараевский Исмаил и владимирский Симеон. Пикантная деталь: трое из тех князей потом были произведены в святые. А чуть погодя отдельные участники съезда нарушили его «исторические решения», и вновь началась междоусобица, довольно быстро, впрочем, затихшая – татары ни одной из сторон не стали помогать войсками, несмотря на слезные просьбы, а без татарской подмоги крушить соперников было как-то неподручно... Вообще, русские источники битком набиты примерами, когда ордынские послы этаким пожарной командой мечутся по Руси, крестом и пестом уговаривая русских князей не резать друг друга хотя бы по выходным и праздникам. А пресловутые «восстания горожан против татарского ига» сплошь и рядом напоминают обычные базарные драки на национальной почве. Классический пример: шел суздальский дьякон, вел кобылу на водопой. Прельстившиеся ею татары стали у дьякона животину отнимать, тот во всю глотку скликал соседей, завязалась кутерьма, к обеим сторонам подоспела подмога...

Поляки любят вспоминать, что это их гордая шляхта остановила вторжение Батыя – на что у них не больше прав, чем у русских. Тевтонские рыцари, едва оправившись от разгрома, тоже любили надувать щеки и хвастать, что это они отогнали басурмана. Даже чехи, имевшие с татарами парочку мелких стычек, стали в свое время твердить, что это их славный король Вацлав избавил Европу от татарской напасти. Да что там, даже баварского герцога пытались выставить спасителем Европы, сочинив историю, как татары, опустошив Польшу и Венгрию, стали переправляться через Дунай, чтобы лавиной разлиться по германским землям – но доблестный баварский герцог Оттон IV со своей ратью перестрелял их из луков и потопил. Вот только *единственный* источник, сообщающий об этом славном подвиге принадлежит борзому перу даже не баварского, а флорентийского книжника, писавшего к тому же через сотню лет после Батыева похода...

Поскольку предположения о том, что Батый «заболелся» и далее воевать со славными витязями (графу «национальность витязей» каждый заполняет сам, согласно своим предпочтениям) годятся разве что для «настоящих историков», у людей более трезвых родилась другая гипотеза: Батый увел войска, узнав о внезапной смерти великого хана Угедэя – ибо для него жизненно необходимым было участвовать в выборах нового владыки.

Это уже больше похоже на правду, но... существует немало достоверных свидетельств тому, что Батый оставался в Европе еще долгое время, даже получив известие о смерти Угедэя. Тверская летопись пишет – три года, Рашид ад-Дин – полтора.

А ведь существует самый простой вариант объяснения причины решительного и бесповоротного ухода Батыя: татарам, привыкшим к огромным и богатым городам Азии, Европа показалась слишком убогой и нищей, чтобы тратить на нее силы всерьез. Татарам попросту никак не улыбалось проливать кровь и тратить силы, чтобы в конце концов стать повелителями крохотных городишек, утонувших по колена в навозе. Косвенным образом это подтверждается тем, что *никогда* более, даже во времена своего расцвета и нешуточного могущества, они даже не пробовали вторгнуться в Европу (хотя вроде бы, как мы помним, существовало категорически того требовавшее «завещание Чингисхана»). На Ближний Восток ходили походами, в Китай – ходили, в Индию вторглись и основали там династию Великих Моголов. А вот в Европу больше – ни ногой. Всерьез предполагать, что они боялись

европейских чудо-богатырей, никак не тянет...

А теперь перейдем к чисто внутренним делам татарской империи. Речь пойдет о череде событий интереснейших и загадочных, способных стать сюжетами множества приключенческих романов и фильмов...

То, что происходило там на протяжении многих лет, даже превосходит европейские хитросплетения интриг – читатель вскоре сам в этом убедится...

Великий хан (каган) Угедэй, судя по тому, что нам о нем известно, был человеком в принципе весьма даже неплохим – не тиран, не сатрап, не любитель войны и казней (сам признавался, что пороков у него только два – вино и доступные красотки). О народе пекся, зерно раздавал в голодные годы...

Вот только его смерть до сих пор остается загадкой. Вроде бы великий хан, всего-то пятидесяти лет от роду, скончался от неумеренного пьянства – но, согласно сохранившимся свидетельствам, сразу после его кончины широко распространились слухи, что дело ох как нечисто...

И последующее десятилетие с полным на то правом можно назвать *бабьим царством*...

Еще при жизни Угедэя большую часть своих властных полномочий и государственных дел он вполне официально передал своей жене Туракине (Туркан-хатун) – не татарке, а бывшей пленнице, на которой он когда-то женился во время одного из походов. Сохранились документы, свидетельствующие, что Тураки-на вполне серьезно управляла государственными делами и внешней политикой, религией и образованием, строительством и прочими административными вопросами.

Угедэй еще до кончины назначил официального наследника – своего внука Ширамуна, однако Туракина этому категорически воспротивилась и стала «продвигать» на престол своего сына Гуюка, субъекта вздорного, злого и никакими особенными талантами не блещущего.

Началось нечто вроде *безвременья*. Юный Ширамун не располагал влиятельными сторонниками – но и Гуюка великим ханом не выбрали, в буквальном смысле слова не собрав кворума. Великого хана избирала Золотая Семья – потомки и родственники Чингисхана, а большинство из них Гуюка терпеть не могли, да и он со всеми успел перессориться...

Так что белая кошма оставалась пустой... целых пять лет! Великого хана на престоле не было – но госпожа Туракина этому, в общем, не огорчалась, поскольку правила сама. Разогнала министров покойного мужа, немало высших чиновников – и, как легко догадаться, повсюду расставила своих. Самое интересное, что «премьер-министром» у нее тоже стала женщина – некая Фатима, то ли персиянка, то ли хорезмийка, захваченная в плен еще в Хорезме. Джувайни (как истинный мусульманин, относившийся к происходящему крайне неодобрительно: виданное ли дело – бабы правят?!) оставил подробное описание деятельности Фатимы, которая всем и заправляла от лица Тураки-ны (впрочем, властная Туракина и сама была отнюдь не марионеткой в руках фаворитки).

Нужно непременно уточнить, что татарская империя была, собственно, *федерацией* из крупных улусов, принадлежавших сыновьям Чингисхана и их потомкам: области со своими правителями и «федеральный центр» – столица великого кагана. Так вот, из четырех правителей мужчиной оказался только один – Батый, который решил на имперский трон не претендовать и, обосновавшись в Поволжье, строил то государство, которое вскоре стало известно как Золотая Орда.

В «федеральном центре» сидела Туракина с премьершей Фатимой. Двумя остальными регионами управляли две вдовы Чингизидов, Соркокхани и Эргэнэ (опять-таки не татарки, а бывшие пленницы). Надо полагать, дамы были решительные и незаурядные, если смогли отодвинуть в сторонку жаждавших власти мужчин – а их в роду Чингисхана насчитывалось немало...

Туракина разогнала практически всех, кто занимал высшие государственные посты при Чингисхане – правда, никто из них не лишился головы, время было еще, можно сказать,

вегетарианское.

Но вскоре оно пришло к концу. В 1246 году Туракина *продавила* наконец кандидатуру любимого сыночка Гуюка на пост великого хана – правда, и сама при этом не собиралась устраняться от государственных дел, крепко держа в руках *бразды*. Батый, кстати, на курултай не приехал, отговорившись ревматизмом – через своих людей в столице успел прознать, что ему, очень возможно, в два счета там устроят отравление грибами или неудачное падение с коня.

Естественно, очень быстро отношения матери и сына испортились совершенно. Гуюк прямо-таки метался, пытаясь выдумать что-нибудь популистское: то, по примеру Угедэя, начинал раздавать народу деньги и товары, то демонстративно стал покровительствовать христианам в ущерб всем остальным религиям (но, поскольку христиане эти были несторианами, то на Гуюка затаили неприязнь православные, к которым принадлежал – или, по крайней мере, покровительствовал им, – и сын Батыя Сартак)... Особой любви к нему все эти ужимки и прыжки не прибавили. Становилось ясно, что следует что-то предпринять в смысле «кровопролитиев».

И началось... Гвардейцы Гуюка силой захватили Фатиму. Низложенную госпожу премьер-министра обвинили в колдовстве и стали при большом стечении народа пытаться раскаленным железом – что прямо противоречило «Ясе» Чингисхана, запрещающей всякое мучительство даже в отношении приговоренных к смерти, которых следовало казнить быстро и без издевательств. Гуюк с невинным видом цеплялся за букву закона, объявив, что «Яса» касается только *урожденных* татар, а Фатима, если покопаться в родословной – всего лишь военнопленная, даже не жена татарина.

Разумеется, после многих дней лишения пищи и воды, плетей и раскаленного железа Фатима «чистосердечно призналась», что и в самом деле колдовала вовсю, чародейскими штучками добилась расположения Туракины и хотела наслать порчу на всю Золотую Семью... «Убедились?!» – орал торжествующий Гуюк, потрясая письменными показаниями. Народ безмолвствовал, косясь на конных гвардейцев...

Фатиму казнили самым зверским образом. Детали описывать не стоит – они чересчур мерзкие даже для того жестокого века (и опять-таки стали совершеннейшим нарушением «Ясы»). Тут же началась кампания по выкорчевыванию «врагов народа» – без всяких законов и судебных установлений хватали и убивали всех, кого объявляли «приспешником Фатимы». По закону репрессий дело очень быстро дошло до единственного оставшегося в живых родного брата Чингисхана Отчигина – его схватили, припомнили неудавшуюся попытку во времена «бескаганья» захватить власть и казнили, что было уже форменным беспределом, не лезшим ни в какие ворота.

А что же властная матушка Гуюка Туракина? А она как-то очень кстати умерла через три месяца после того, как сынок стал каганом, сразу после казни Фатимы. Обстоятельства ее смерти покрыты совершеннейшим мраком, нет ни малейших деталей. Персидский историк Джузджани оставил многозначительную фразу: «Но Всевышний знает всю правду». Поневоле задумаешься...

Затем что-то произошло с Эргэнгэ – подробностей опять-таки практически не сохранилось, но нет никаких сомнений в том, что она покинула этот мир вряд ли естественным образом...

Гуюк взялся за Соркоктани, предложив ей выйти за него замуж. Когда она отказалась, он разоружил ее войска, собрал немалую армию и двинулся якобы на «большую охоту» – вот только маршрут этой «охоты», если его проложить, упирался прямехонько во владения Батыя...

Соркоктани, судя по всему, находившаяся в прекрасных отношениях со своим племянником Батыем, послала к нему гонцов...

В общем, посреди затеянного им похода Гуюк отчего-то скоропостижно скончался, успев побыть великим каганом всего полтора года. От роду ему едва исполнилось сорок три года, здоров был, как бык, так что с учетом всего вышеизложенного в естественную смерть

абсолютно не верится.

Вдова Гуюка Оглу-Гаймыш, продолжая традиции «бабьего царства», попыталась было сама созвать курултай и, судя по сохранившимся свидетельствам, хотела править империей в гордом одиночестве – но поскольку, когда речь идет о троне, следует опасаться даже самых близких родственников, ее не поддержали и родные сыновья. А Батый с тетушкой обыграли вдову весьма даже изящно: именно Соркоктани владела той священной для татар землей, где Чингисхан родился, был избран и похоронен. И с невинным видом предложила провести курултай именно там. Ну кто тут мог отказаться?

Когда все собрались (знать без сильных воинских отрядов), по какому-то странному совпадению объявились тридцать тысяч конников под командой брата Батыя Берке – обеспечивать безопасность столь важного мероприятия, как они объяснили.

Ну а дальше было совсем просто. Окруженный тремя конными туменами курултай быстренько избрал великим ханом старшего сына Соркоктани Мункэ. Уже после избрания прискакали сыновья Угедэ и Гуюка и на скорую руку попытались организовать переворот с убийством Мункэ – но проделано все было наспех, топорно, Мункэ с этим горе-путчем без труда справился. И, не обладая ангельской кротостью, вынес семьдесят семь смертных приговоров. Поскольку, согласно «Ясе», пытать потомков Чингисхана или проливать их кровь законом запрещалось, кое-кому из пугачистов, не мудрствуя, набивали рот камнями и землей, пока они не умерли. Соркоктани тем временем распорядилась схватить не унимавшуюся Оглу-Гаймыш, которую без особых издевательств утопили в ближайшей речке...

Со смертью Соркоктани и закончилось десятилетнее «бабье царство», – причем никак не следует вкладывать в это понятие какой-либо насмешливый или уничижительный смысл. Все перечисленные здесь женщины были по-настоящему крупными фигурами, государственными делами занимались всерьез, старательно и с несомненной пользой. Как легко догадаться, в Европе ни о чем подобном не следовало и мечтать – прошли столетия, прежде чем женщины перестали быть в большой политике и управлении государством редким исключением. Ну а женщин в роли премьер-министра Европа узрела только в конце двадцатого века.

При великом хане (или великом кагане, татары употребляли оба этих титула одновременно) Мункэ империя Чингисхана, пожалуй, достигла вершины могущества и величия. Все четыре сына Соркоктани, один за другим, стали великими каганами – Мункэ, Арик-Буга, Хубилай и Хулагу. Они покорили Персию, Багдад, Сирию и Турцию, разгромили китайскую династию Сун и покончили с жутким тайным обществом ассасинов, с которым пару сотен лет ничего не могли поделать ни крестоносцы, ни багдадские халифы.

Эта история сама по себе достаточно примечательна. Исмаи-литы – причудливая помесь секты с тайным обществом убийц – по современным меркам были натуральной террористической организацией, действовавшей во всем мусульманском мире. Грубо говоря, они, как водится, хотели, чтобы победили именно их идеи – ну а все остальное из этого проистекало. Программа их главаря Хасана ибн Саббаха была довольно простой. Вождь один знает истину, а остальные должны ему слепо подчиняться, любыми средствами добиваясь его прихода к власти. Человечество делится на людей и нелюдей. Приверженцы Вождя – единственные настоящие люди. Христиане и евреи – нелюди. Тюрки – порождение джиннов. Мусульмане, что сунниты, что шииты... в общем, тоже почти что нелюди, которых ради их же блага нужно привести к единственно правильному учению Вождя. Примерно так, без всякого преувеличения.

Хасан ибн Саббах хитростью захватил неприступнейшую крепость Аламут на вершине отвесной двухсотметровой скалы – а потом добавил к ним еще несколько. Его прозвали Старцем Горы...

«Пророк» собственного учения, не исключено, первым в истории создал *школу* террористов. Тщательно отобранных юношей учили мастерски прикидываться кем угодно, от нищего до вельможи, выслеживать, подсматривать и подслушивать, убивать и скрываться

незамеченными. Учили на совесть, и выпускники потом наводили ужас на весь мусульманский мир. Согласно легенде (а может быть, и не легенде вовсе), Старец Горы устроил у себя в крепости «рай». Молодым «стажерам» подсыпали в пищу снотворного, а потом они, проснувшись, оказывались в прекрасном саду: красивые деревья, фонтаны, яства и питья, очаровательные девушки, выполнявшие любое желание. Ну а назавтра прекрасно отдохнувший юнец вновь просыпался в скромной келье. Приходил Старец и ласково объяснял: сын мой, ты провел денек в самом что ни на есть доподлинном раю – и, коли уж случится так, что ты героически погибнешь в борьбе за торжество идеалов, именно туда и вернешься на вечные времена...

Черт его знает, возможно, это и не легенда. Как бы там ни было, фидаи, террористы-смертники Старца Горы, долго наводили ужас на исламские страны. Список их жертв впечатляет: восемь мусульманских государей (в том числе два багдадских халифа), шесть визирей, наместники областей, правители городов, духовные лица и даже два европейских владетеля, князь Раймунд Триполийский и маркграф Конрад Монферратский. Полководцы, эмиры, султаны... Простых горожан, чиновников и офицеров никто не считал, такое их было множество...

Единственная промашка случилась со знаменитым султаном Саладином – как ни охотились на него исмаилиты, все покушения окончились провалом. Но это – уникальный пример. Обычно намеченная жертва рано или поздно расставалась с жизнью.

За исмаилитами гонялись все тогдашние секретные службы мусульманских государей, крестоносцы и простые горожане, их крепости пытались взять штурмом – но не получалось. Дело тут не только в совершенстве террористических методов, но еще и в том, что ассасины порой оказывались очень полезными: те же самые мусульманские государи частенько нанимали их, «заказывая» соперника, а потом так же стали поступать и крестоносцы, устроившие в Палестине свои крохотные королевства...

Ну а в середине XIII века в тех местах появились татарские армии – и татары, познакомившись с исмаилитами поближе, решили эту заразу истребить, чего очень быстро и достигли. Большинство крепостей было взято, последние продержались еще лет двадцать, но в конце концов сдались...

Татарские войска взяли Багдад, Иерусалим, Дамаск – и вышли к границам Египта. Там им нанесли поражение мамлюки, личная гвардия египетских султанов. Ирония истории в том, что мамлюки были по происхождению частично тюрки, частично славяне, проданные из Крыма в рабство...

Поскольку рассказывать все время о войнах, интригах и убийствах чуточку утомительно, непременно стоит вспомнить о знаменитом диспуте, который великий каган Мункэ как-то устроил меж представителями разных религий. Мероприятие было серьезное: христианин, мусульманин и буддист, каждый с «группой поддержки», должны были обсудить основы веры, поговорить о природе добра и зла, о душе, о том, правда или ложь – реинкарнация, создавал ли Бог зло, или оно – от дьявола. Судя по всему, Мункэ, старательно соблюдавший изложенные в «Ясе» принципы веротерпимости, и в самом деле рассчитывал получить ответы на какие-то глубинные вопросы бытия...

Он сам установил правила, по которым малейшее оскорбление оппонента каралось смертью, а дискутировать следовало спокойно и чинно, ни в коем случае не переходя на личности.

К сожалению, чинной дискуссии о загадках бытия и Бога так и не получилось. Участники стали сбиваться на демагогию, согласиём и не пахло, благожелательностью тоже, да вдобавок у татар было принято, чтобы борцы, поэты и ученые на своих состязаниях в перерывах невозбранно потребляли алкоголь, сколько душа пожелает...

В конце концов христианские монахи, исчерпав логические аргументы, принялись хором петь псалмы. Муллы, чья религия псалмов не знает, попросту стали во всю мощь легких декламировать Коран. Самыми тихими оказались буддисты: они сели на корточки и старательно принялись медитировать. Мункэ посмотрел-посмотрел на все это, да и махнул

рукой, сообразив, что никаких высших истин с такой компанией не постигнет...

В «цивилизованной» Европе подобную дискуссию в то время представить себе решительно невозможно: обстановочка не та. Европа если и дискутировала о вере, то непременно посредством костров и приспособлений вроде дыбы и «испанского сапога»...

Всего через несколько десятков лет Великий Татарский Каганат двинулся к растянувшемуся на несколько столетий закату. Все в конце концов *обрушилось* – богатые города, почтовые тракты, библиотеки, ярмарки, поэтические состязания и веротерпимость, военные победы и мирные свершения. Империя понемногу распадалась на совершенно независимые государства. Некоторые из них, вроде державы Железного Хромца Тамерлана, на короткое время достигали могущества, но это уже ничего не могло изменить...

Почему так произошло? Да попросту оттого, что татары, создав огромное государство, своими же руками запустили в него *вирусы*, свойственные всякой городской цивилизации. Независимо от своего желания, они вынуждены были теперь подчиняться совершенно другим законам, о которых и представления не имели.

Я вовсе не хочу сказать, будто старинные обычаи Великой Степи приводили к созданию царства Божьего на земле – всего лишь пытаюсь доказать, что степные законы были неизмеримо более благородными, чем европейские. Но вот что до остального...

Зачатки сепаратизма, братоубийственных интриг, грязных политических игр, безусловно, существовали и в Великой Степи – но в том-то и печаль, что городская цивилизация в сочетании с широким общением с представителями *иных* культур послужила той чашкой с питательным бульоном, в которой с невероятной быстротой и размножаются лабораторные микробы. Создав великую империю, турки независимо от собственной воли перестали быть *собой*. Это уже была какая-то *другая* цивилизация. Усугублявшая пороки и подавлявшая прежнее степное рыцарское благородство. Не зря же поется в одном музыкальном спектакле:

От Бога на земле все чудеса – Холмы, поля, леса, И радуга, и солнце, и вода – Но создал дьявол города...

Тюркам только *показалось*, что это они завоевывают мир. На самом деле это их незаметно завоевывали и покоряли невидимые и неосязаемые, как радиация, но столь же смертоносные *чужие* установления, витавшие над занятыми городами...

И очень быстро все стало *меняться*. Первые ростки сепаратизма расцвели пышным цветом. Уже в 1267 году вспыхивает так называемая Великая Смута, растянувшаяся на сорок лет. Чингизиды разделяются на несколько ожесточенно воюющих лагерей, и начинается та же самая свара, которая не так давно сотрясала Русь – разве что в неизмеримо большем масштабе. В 1269 году *два* курултая избирают *двух* великих каганов – причем ни то, ни другое избрание не соответствует правилам, четко изложенным в «Ясе». И начинается – войны, интриги, претенденты на Белую Кошму посылают тумены друг на друга, знать примыкает то к одному претенденту, то к другому, предает, нарушает клятвы, убивает. Дядя подсыпает яд племяннику, а брат отправляет убийцу к брату. Никто уже не соблюдает «Ясу», близкие родственники хрипят в лицо друг другу: «Мусульманин проклятый!», «Христианин мерзкий!», «Язычник поганый!»

Начинает распадаться и основанная Батыем Золотая Орда. Хан Узбек в качестве государственной религии вводит ислам – и те, кто не в силах отказаться от своей веры и не способен смириться с нарушением «Ясы», бегут, в том числе и в превеликом множестве на Русь.

На территории нынешней России воюют меж собой *осколки* Золотой Орды – Казанское ханство, Астраханское ханство, Крым, Московское царство. Правда, никакой особой *непримиримости* не существует. Московский царь поддерживает того или иного кандидата на казанский престол, казанцы и астраханцы, не меняя ни веры, ни подданства, участвуют в военных походах московского царя, то же происходит и с Крымом. В конце концов московские войска берут Казань (причем войска эти в значительной степени состоят из татар), Крым окончательно уходит в вассалы Османской империи...

Вот *теперь* только и начинается непримиримое противостояние Севера-Московии и Юга-Крыма. Меж Севером и Югом пролегает незримая черта, по обе стороны которой обитают, с точки зрения и москвитов, и крымчан, совершеннейшие *чужаки*. Да и жители других бывших провинций Татарского Каганата, хотя и помнят о былом единстве, становятся друг другу злейшими врагами.

А Европа тем временем переживает «промышленную революцию» – и начинает сначала робко, затем все решительнее провозглашать себя светочем цивилизации посреди необозримого моря «диких азиатов». И в мусульманских странах, и в Китае, и в Индии, и в Московии все больше суетливых, высокомерных, позвякивающих монетами в кармане европейцев, презрительно взирающих на «варваров».

Да легенды злые...

Однако еще какое-то время Азия весьма резко противостояла Европе. Достаточно долго Турция вполне успешно вела экспансию в Европу (именно потому, что турецкая веротерпимость, как уже не раз говорилось, превосходила европейскую, а турецкие налоги были настолько меньше европейских, что к туркам европейские крестьяне бежали, прямо скажем, массами...)

Собственно говоря, следовало бы рассматривать мятежи Разина и Пугачева именно как последние, *затухающие* войны Азии против Европы: уклад на уклад, менталитет на менталитет, можно даже, пожалуй, сказать, цивилизация на цивилизацию. Ну а последнее противостояние Азии и Европы, если вдуматься, произошло уже в двадцатом столетии, когда армия адмирала Колчака двигалась на запад. Тут нет ни малейшей натяжки. Сибирь, то есть Азия, европейских, то есть большевистских новшеств не приняла совершенно. Поскольку жила абсолютно не по Марксу и не по Ульянову-Ленину. Специфика, знаете ли. Пролетариат был представлен главным образом рабочими железнодорожных мастерских вдоль Транссибирской магистрали, а крестьяне, по причине полного отсутствия помещиков, не нуждались в земле. Своей хватало. Оттого-то красные по всей Сибири были восприняты (свидетельств достаточно) вовсе не как новая власть, а попросту как бандиты, вынырнувшие на поверхность по причине смутного времени и безвластия. Их в свое время скинули без особых усилий (даже официозные труды признают, что Советская власть в Сибири «пала»). *Поначалу* заявившая о своей независимости Сибирь подняла бело-зеленое знамя и собиралась строить собственное государство. В окружении Колчака главными сторонниками этой линии были братья Пепеляевы, два молодых генерала, по своим политическим симпатиям близкие к эсерам. Однако сухопутный адмирал, наркоман и, есть стойкие подозрения, вульгарный английский агент *эту* карту разыгрывать отказался – то ли по скудости ума, то ли исполняя инструкции британских хозяев. Хотя... Сохранилось огромное количество донесений красных командиров, в которых наступающий противник, вопреки обычным клише, не именуется ни «белогвардейцами», ни даже «колчаковцами». Документы эти пестрят термином «сибиряки»: сибиряки атакуют, сибиряки продвинулись, сибиряки нажимают... Так что и у красных многие прекрасно понимали *суть* войны. Никакие «измы» сибиряков не интересовали – им просто хотелось освободиться наконец от Москвы, от Европы, столетиями эксплуатировавших Сибирь как колонию.

Но адмирал все испортил. Расстрелы, реквизиции, карательные отряды уничтожают деревни дотла, в Поволжье восстанавливаются права помещиков на землю... Сибиряки от Колчака *отошли* – именно потому он и проиграл. А вместе с ним свою последнюю крупную войну против Европы проиграла и Азия. Японскую войну против «белых дьяволов» я в расчет не беру – это с самого начала смотрелось авантюрой, печально и закончилось.

Глава тринадцатая. Черные легенды

Обязательно нужно еще добавить, что в решении Чингисхана поделить свою империю на улусы меж сыновьями нет ничего специфического, никакой такой «азиатчины». В Европе происходило то же самое. Карл Великий разделил империю между любимыми сыновьями –

после чего от нее очень быстро осталось одно воспоминание. Польский король Болеслав Кривоустый, чтобы не обидеть никого из чадушек, поступил так же – и сто пятьдесят лет на месте бывшего королевства творилось черт-те что, причем соединилась Польша вовсе не в результате усилий кого-то из своих государственных мужей, а благодаря чешским королям. Ярослав Мудрый (!) точно так же поделил единое Киевское государство и завещал сыновьям жить в любви и согласии – детки кое-как продержались в дружбе десять лет, но потом началось такое, что хоть святых вон выноси.

Увы, есть болезни, общие для всего человечества. Зулусского короля Чаку, создателя могучего государства, убили собственные братья в точности так, как это проделывалось в европейских владетельных домах...

Собственно говоря, и на примере Чингисхана мы сталкиваемся с печально известным всему человечеству процессом – когда после кончины по-настоящему великого государственного деятеля его наследники (вовсе не обязательно родственники) в краткие сроки ухитряются развалить все, до чего могут дотянуться. Достаточно вспомнить тех бабуинов, что пришли на смену Сталину, или панов генералов, буквально через четыре года после смерти Юзефа Пилсудского угробивших Польшу. После Ришелье во Франции, пожалуй, не было ни одного по-настоящему крупного правителя, неважно, коронованного или нет – нельзя же считать великим человеком Наполеона, который, словно спятивший робот, воевал со своей Европой двадцать лет непонятно зачем...

Как же случилось, что татары стали чуть ли не олицетворением ада, воплощением дикости?

Ну разумеется, в первую очередь виной тому пресловутый европейский «двойной стандарт». Когда считается хорошим все, что делают сами просвещенные европейцы, – а вот «инородцы» при попытке учинить хотя бы слабое подобие европейских «достижений» на ниве кровопролития и зверства объявляются исчадиями ада.

Самое примечательное, что средневековые татары времен Чингисхана и его сыновей были, полное впечатление, *единственным* народом, который не практиковал издевательств над пленниками и жителями захваченных городов. Убивать – убивали, что греха таить. А вот какого бы то ни было мучительства избегали, разве что речь шла о преступниках вроде убийц послов.

Вот с татарами поступали совершенно иначе. Хорезмийский султан Джелал ад-Дин, захватив в плен четыреста человек, велел привязать их к лошадиным хвостам и таскать по улицам на потеху горожанам, пока не умрут. Персы однажды убивали татарских пленников, вколачивая им гвозди в головы. Делийский султан в 1305 году велел положить пленных татар связанными на площади и при большом стечении народа давил слонами, а потом приказал отрубить у трупов головы и соорудить башню.

Византийский император Василий в 1014 году, разбив болгар, приказал ослепить пятнадцать тысяч пленных – причем одному из сотни оставили один глаз, чтобы смог довести остальных домой.

Ну а уж Западная Европа, как водится, испокон веков показывала пример. Ричард Львиное Сердце перебил в Палестине три тысячи пленных сарацин, после чего победители распарывали им животы и старательно копались в желудках в поисках проглоченных драгоценностей.

Вот вам еще один насквозь исторический факт: будни осады войсками Фридриха Барбароссы, императора Священной Римской империи, итальянского города Кремона. Сначала солдаты Фридриха обезглавили пленных на виду у осажденных и играли их головами в нечто напоминавшее футбол. Тогда кремонцы вывели на стену пленных немцев и принялись отрезать им половые члены. Немцы устроили облаву на местное население в прилегающих деревнях и всех схваченных повесили. Кремонцы в ответ повесили на стене оставшихся у них пленников. Немцы вновь прошлись по округе, наловили детей и стали швырять их из катапульта таким образом, чтобы те разбивались о городские стены.

И подобными забавами европейская история битком набита...

Ученые, умеющие мыслить логически, давным-давно подвергли сомнению фантастическое число «татарских жертв». Американский историк Д. Уэзерфорд подсчитал: если верить арабским и персидским летописям касаясь количества «изничтоженных горожан», то выходит, что каждый татарин должен был убить... триста пятьдесят человек. Но при таком численном перевесе горожане, вооружившись даже простыми оглоблями, без труда покончили бы с татарским войском прямо-таки играючи...

Нужно еще добавить, что доля вины лежит и на Тамерлане. Вот он точно зверствовал над побежденными самым лютым образом. А поскольку он упорно именовал себя родственником Чингисхана, понемногу, с течением времени, его методы стали ассоциироваться и с *прежними* татарскими полководцами. Хотя, насколько сегодня известно, к Чингизидам Тамерлан не имел никакого отношения – его отец был мелким князьком, а Чингизидом Тамерлан себя объявил в обстановке смутного времени, когда решил, что промышлять кражей скота стало небезопасно и пора уходить в большую политику. Ну а поскольку Бог шельму метит, быть может, и не случайно короткое и насквозь лютое владычество Тамерлана закончилось прямо-таки анекдотически. Перед смертью он велел выбить на фронтоне построенной по его приказу в Самарканде мечети Биби-Ханым: «Тимур есть тень Бога на земле». Архитектор что-то не рассчитал, не хватило места... В общем, мечеть стоит до сих пор, и на фронтоне в самом деле красуется надпись: «Тимур есть тень»...

Ну а с тех времен, когда стала крепнуть и набирать силу наука история, европейцы выработали стройную концепцию, по которой, как уже не раз упоминалось, светочем цивилизации была лишь Европа, а все остальные – сущие дикари. Ну а азиаты, согласно этой концепции – не более чем примитивные кочевники, не способные создать ничего хотя бы отдаленно напоминающего европейскую культуру.

И этот поганый принцип настолько въелся, что историки попросту не замечают, что пишут. Подробно повествуют, как завоевавшие Малую Азию и Ближний Восток тюрки-сельджуки строили прекрасные города, развивали науки, искусства, ремесла – и привычно повторяют определение «дикие кочевники». Как и в случае с Золотой Ордой и другими областями империи Чингисхана. Ну а поскольку русские всегда из кожи вон лезли, чтобы выглядеть стопроцентными европейцами, они прилежно перепевают те же байки. Чтобы увидеть несообразность, право же, не обязательно носить жреческое звание, то бишь быть «дипломированным историком». Вот, скажем, в первые века после Р. Х. в Иссык-Кульской котловине обитал тюркский народ усуней. Считается, что их столица Чи-Гу была, «как положено», примитивной «ставкой кочевников», состоявшей исключительно из юрт, кибиток и прочих шатров. Но в то же время в летописях указывается, что жена усуньского правителя, китайская царевна Си Гюнь, *три месяца* держала осаду в Чи-Гу от неприятельского войска. Элементарный здравый смысл подсказывает, что в этом случае Чи-Гу обязательно должен был быть не кочевым табором, а настоящим городом с мощными укреплениями...

И еще один многозначительный нюанс...

Сто раз говорилось – и не мною, таким умным, придумано, – что всякий народ стремится иметь персонального супостата, выделяемого из всех прочих соседей. Супостат несет несколько весьма важных функций. Во-первых, существованием особо вредного и опасного супостата легко объяснять очень многое, от повышения налогов до урезания прав и свобод. Зачем? Да потому что супостат у ворот! Вон-вон-вон из-за угла уши показались!

Во-вторых, максимально очерняя супостата, тем самым как бы возвышаешь собственный народ – что ему, народу, чего уж там, очень даже нравится. Братцы, кто мы? Святая Русь! Цивилизованная Англия! Великая Польша! А эти? А они – дикари, людоеды, с собственными бабушками блудят и кошек жрут!

Англия давным-давно выбрала себе супостатом испанцев. Французы – немцев (хотя, согласно исторической правде, именно французы сплошь и рядом выступали агрессорами, а не наоборот). Поляки обожают винить во всех своих бедах русских. Таежные эвенки –

якутов, играющих в эвенкийском фольклоре практически ту же роль, что в писаниях национал-патриотов жидомасоны. Судя по рассказам моих бывавших в Шотландии знакомых, там встречаются индивидуумы, склонные уверять, что это именно англичане развратили чистых душой горцев, заразив их разнообразными пороками от скотокрадства до пьянства. И так далее, и тому подобное. Если копнуть глубоко, обязательно окажется, что нет на Земле хотя бы крохотного народа, который бы не назначил себе супостата...

В России эту малопочтенную обязанность возложили на татар.

До XVIII столетия «злых татаровеи» просто поносили, так сказать, мимоходом, по любому поводу и в особенности без повода, создавая, как честно признался кто-то из историков, «собираетельный образ» извечного супостата. Цену этой агитации прекрасно знали уже тогда. Не зря, когда в 1735 году российская Академия наук решила напечатать русские летописи, то моментально воспротивился Святейший Синод и пытался это дело запретить – поскольку, честно признали синодские чины, в летописях «не малое число лжей и басен»...

А потом пришел ученый историограф Карамзин и накатаи могучий труд, где не просто изобразил татар лютыми зверями, а подвел уже совершенно другую основу, насквозь идейную...

Не угодно ли? «Сень варваров, омрачив горизонт России, скрыла от нас Европу в то самое время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножились... Возникали университеты... В сие время Россия, терзаемая монголами, направляла силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть... Забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства... Свойства народа объясняются всегда обстоятельствами... самый нынешний характер россиян еще являет пятна, возложенные на него варварством монголов».

Прекрасное объяснение. До татарского нашествия русские люди были святыми праведниками – но пришли «злы татаровья» и научили лгать, нарушать клятвы, подличать, пресмыкаться перед властью имущими. Они и виноваты, а Святая Русь совершенно ни при чем. Правда, остается непонятным, отчего же Русь и до прихода татар жила весьма даже несправедливо, и брат шел на брата, крещеный люд обдираи оклады с икон при разгроме городов и продавал единоверцев в рабство. Но это, должно быть, снова инородцы виноваты: хазары, половцы и прочие печенеги...

Именно Карамзин, кстати, и пустил в обиход сказочку о полумиллионной татарской орде, нахлынувшей на Русь – ну понятно, будь татар хоть самую чуточку меньше, тыщ всего четыреста, наши богатыри их оглоблею победили бы.

Что странно, сам же Карамзин в другом месте своего труда преспокойно пишет нечто совершенно иное: «Не татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах (что некоторые называют азиатским обыкновением): мы все то видели у россиян гораздо прежде. Татары не вступались в наши судные дела гражданские». И еще: «Одним из достопамятных следствий татарского нашествия было еще возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений... Владения церковные, свободные от налогов ордынских и княжеских, благоденствовали».

А еще Карамзин мимоходом упоминает о нравах древних летописцев: если какой-то князь не имел привычки делать щедрые подарки церквям и монастырям, летописцы упоминали о нем вскользь (они ведь все были особами духовного звания), а если князь засыпал дарами, то и книжные люди, соответственно, писали о нем немало лестного... Современные историки, склонные слепо верить каждой букве, этой тенденции, похоже, не учитывают совершенно...

Легко догадаться, что нашлось немало народу, которому объяснения Карамзина пришлись крайне по вкусу: все скверное, что встречалось в жизни государства и отдельно взятого индивидуума, крайне приятно было объяснить дурным влиянием татар. Дороги мостить не торопимся? Тяжкое наследие ига! К наукам ленивы? Татары виноваты!

Губернатор – хам и сатрап? Пережитки татарщины-с! Коллежский регистратор Пупкин взятки дерет с просителей? Последствия ига в гены впечатались, что вы сразу к прокурору тянуть бедолагу собрались?

Да, к слову. Европейская привычка окунать супостата в дерьмо по самую маковку, опробованная на татарах, самым беззастенчивым образом применялась и в двадцатом столетии. Во время Первой мировой войны английская пропаганда на полном серьезе уверяла – и люди ей верили – что «проклятые тевтоны» понастроили фабрику, где варят мыло из героически павших союзных солдат. После войны британские джентльмены, нимало не смущаясь, бровью не поведя, признались: они, конечно, ввали как сивые мерины, но исключительно для пользы дела, а не по врожденной гнусности характера. Ну а немцы из тех же сиюминутных политических надобностей живописали в газетах, как косматые и зубастые русские казаки, вломившись в Восточную Пруссию, выхватывали младенцев из колыбелей и тут же их пожирали, кровожадно урча...

Вернемся к татарам. Карамзин указал направление и наметил ориентиры – а дальше было совсем просто. Машина уже работала по инерции. Новые и новые ученые мужи помаленьку расцветывали страшные сказки о «нашествии извергов» и «татарском иге» деталями, живописными подробностями и уточнениями, высосанными главным образом из пальца по принципу «я так думаю». Разве что с наступлением Советской власти пришлось чуточку поправить формулировки: татары теперь были равноправными членами братской семьи советских народов, строящих коммунизм, обижать их не следовало, а потому «татаро-монгольское иго» как-то незаметно оборотилось в «монголо-татарское» – поскольку Монголия была маленькая и дохленькая, считалось, что она перетерпит и не обидится на старшего брата...

Что касаясь современности, то теперь, как уже упоминалось, наследниками Чингисхана себя с превеликой охотой числят и монголы, и китайцы – хотя их одновременные притязания на «славного предка Чингисхана» противоречат элементарной логике... Чингисхан, конечно, был великим человеком, но даже он не мог одновременно быть и китайцем, и монголом, хоть ты тресни!

И, как обычно случается, дошло до полной... до полного... в общем, судите сами. Ничего не буду пересказывать своими словами, а попросту процитирую того самого американского историка Д. Уэзерфорда, рассказавшего о монгольских ученых, с которыми он общался, работая над книгой о Чингисхане.

«Вскоре я понял, что Сухбатор – буквалист, крайний эмпирик, для которого каждое слово "Сокровенного сказания" было истинной правдой»...

Впрочем, на фоне своего коллеги этот самый Сухбатор смотрится белым и пушистым...

«С другой стороны, Пурев полагал, что в истории ничего нельзя воспринимать буквально. По его мнению, Чингисхан был самым могучим шаманом в истории, а текст на самом деле представляет собой мистический трактат, который в символической форме описывал его путь к вершинам власти. Если разгадать этот язык символов, то будет вновь обретен шаманский рецепт по завоеванию и управлению миром». Прониклись? Пурев, между прочим, настоящий профессор – впрочем, и наш Мулдашев не зубной техник... Ну что ж, финал закономерный: код да Винчи, цифровая мистика египетских пирамид, теперь еще и шаманский код Чингисхана... Вот только профессор Пурев, по моему глубокому убеждению, повторяет ту же ошибку, что и наши доморощенные толкователи Нострадамуса, лихо перетолмачивающие катрены исключительно по *русскому* переводу. Возможно, имело бы смысл искать «мистический язык символов» в *оригинале* «Сокровенного сказания» – но его-то, как известно, не существует. На монгольский оно переведено только во второй половине *двадцатого* века, а рукопись семнадцатого столетия написана, строго говоря, неизвестно на каком наречии – то ли монгольские слова записаны китайскими иероглифами, то ли еще запутаннее дело обстоит...

Ну а поскольку «Сокровенное сказание» в приложениях дано целиком, то всякий

любопытный читатель вправе последовать примеру профессора Пурева и искать шаманский рецепт завоевания мира – авось да повезет. Только, я вас умоляю, не увлекайтесь. Если что – я не виноват...

Теперь самым решительным образом отвлечемся от татар и перейдем к тем самым славянам, чьи благородные, чистые и высокоморальные души были грубо искалечены татарским игом.

Интриговать читателя не буду и вопрос поставлю в лоб. Мы уже столько узнали о многочисленных тюркских народах, что самое время изречь крамолу...

Быть может, славяне попросту – тюрки?

Глава четырнадцатая. Но кто мы и откуда, когда от этих лет...

Сначала сделаем лирическое отступление о предмете, в общем не особенно и лирическом: о деньгах. На которых, нравится это нам или нет, и держится современный мир, причем одни деньги зарабатывают, а другие получают долю, взятую у первых.

Некоторая моя агрессивность, проявляемая в отношении представителей нашей славной исторической науки, как раз и проистекает из того неопровержимого факта, что я – налогоплательщик, а означенные товарищи – бюджетники, сиречь персоны, живущие на мои денежки. Внимательный зритель, постоянно смотрящий американские фильмы, наверняка вспомнит регулярно повторяющиеся сцены: при столкновении с полицейским, фэбээровцем, шерифом или иным бюджетником вроде государственного чиновника, американец сплошь и рядом довольно жестко начинает качать права: мол, как стоишь, как свистишь, как летаешь? Почему рубишь или волокитишь? Перед тобой – Налогоплательщик! Ты, трах-тарарах, на мои деньги живешь, на мои кровные баксы! Это я тебе зарплату плачу!

Что характерно, бюджетник, какие бы эмоции он ни испытывал, никогда не вступает в дискуссии – стоит себе и сердито помалкивает. Поскольку он прекрасно понимает: вот он лично живет не на денежки данного Джона Смита, но какая разница, если зарплату ему и в самом деле платят из тех налогов, что собраны с миллионов таких вот Смитов? Против фактов не попрешь...

Так вот, я – налогоплательщик. Вкупе с миллионами других сограждан. Поскольку экономика нынче большей частью не государственная, то доходы в казну идут в основном от налогов, собираемых с миллионов таких, как я. И никак нельзя исключить, согласно строгим законам точной науки математики, в частности теории вероятности, что именно на мои деньги сейчас какой-нибудь историк ладит себе бутерброд с колбаской или покупает цветочки любовнице. А коли так, то давайте уж жить на американский манер. Вульгарно выражаясь, кто девушку ужинает в ресторане, тот ее и танцует в койку...

Как налогоплательщик, я вправе знать, на что мои денежки уходят – хотя бы в общих чертах. В применении к данному конкретному случаю это означает, что товарищи историки, доценты с кандидатами, обязаны... ну, конечно, не отрываясь посреди рабочего дня ради того, чтобы отвечать на мои вопросы лично... Но по крайней мере обязаны *сво* ей *работой* отвечать на те вопросы, которые у меня возникают. Если я, скажем, хочу знать, «откуда есть пошла Русская земля», историки обязаны давным-давно предоставить книги, содержащие четкие и недвусмысленные ответы.

Но ведь не дожدهшься! Сплошь и рядом вместо точной информации – догадки, домыслы, фантазии, узаконенные некими *договоренностями* меж собой мифы.

Причем в точных науках – в той же физике, которую проще всего использовать для сравнения и примера, все обстоит наоборот. Если у меня возникает такая потребность, я рано или поздно, *продравшись* сквозь сложнейшую терминологию и формулы, в конце концов из имеющейся литературы смогу все же получить пусть и приблизительное, но верное представление о свершениях нынешних физиков. Это будет адски трудно – но старательно подготовленная и изложенная *точная* информация все же имеется. И никто не станет отговариваться некой «тайной научного знания», якобы непостижимой для людей с улицы.

Вот они, стопки книг, а дальше уж твое дело – если есть желание, терпение и настойчивость, есть с чем работать.

В истории – совершенно наоборот, как уже сто раз отмечалось. В ответ на любые недоуменные вопросы обычно следует разжижающая мозги шаманская болтовня о том, что профанам следует принимать на веру объяснения историков – поскольку будто бы историей «имеют право» заниматься только «дипломированные историки», вооруженные тем самым полумистическим «научным методом», недоступным непосвященным в жреческие ритуалы...

А это глубоко неправильно, хорошие мои. Скатываясь в неизбежную здесь легкую вульгарность, представим себе разговор какого-нибудь небедного мужичка с красоткой, которую он содержит:

– Ты где трое суток каталась на автомобиле, который я тебе подарил?

– Не твое дело!

– А почему я вчера весь вечер не мог попасть в квартиру, которую тебе снимаю, потому что дверь была на задвижке?

– Тебе это знать не обязательно!

– Я сегодня русским языком сказал, что приеду, и чтоб постелька была постелена. А тебя не было. Где болталась?

– Не твое дело! Вот, кстати, дай-ка мне баксов пятьсот, а лучше – тысячу...

Легко догадаться, что очень быстро после таких ответов финансирование будет обрезано решительно и бесповоротно... Так вот: нравится ли это господам интеллигентным историкам с их неповторимым внутренним миром и творческими исканиями, или же не нравится, но коль уж так карта легла, коли уж они живут на денежки налогоплательщика, то обязаны вести себя так, чтобы налогоплательщик был доволен, а не заниматься за закрытыми изнутри дверями некими загадочными шаманскими ритуалами, суть коих категорически не хотят объяснять тому, кто старательно оплачивает помещение, в котором эти жрецы собираются. Это, пардон, общемировая практика. Коли уж я содержу девочку с ногами от ушей, она обязана по моему звонку приходить в полную боевую готовность. Коли уж я содержу милиционера, он обязан «со свистком и пистолетом на посту зимой и летом...» Коли уж я содержу врача, он обязан в рабочее время сидеть в поликлинике, а не дуть пиво в скверике. Коли уж я содержу историка, таковой обязан предоставлять мне ответы на вопросы, которые меня интересуют. Поскольку вопросы эти, смею думать, вполне здравые и продиктованы искренним недоумением по поводу многочисленных логических нестыковок и откровенных «лжей и басней», переполняющих ученые писания...

Ну а если товарищам историкам это не нравится... Ребята, не вопрос! Отключите свою область высокой науки от бюджетного финансирования, то есть от денег моих и тех, кто их платит наравне со мной, заработайте где-нибудь сами «несколько денег» – и уж на *эти* бабки, капусту, лавэ стройте свою науку так, как вам будет угодно. Тогда при любой попытке постороннего приставать со скользкими вопросами вы вправе, гордо запахнувшись в древнеримскую тогу, объяснять всем и каждому: не ваше собачье дело, чем мы тут занимаемся, мы, знаете ли, вовсе не обязаны объяснять каждому с улицы, отчего в наших книгах уйма противоречий и нелепостей, мы занимаемся любимым делом за свой собственный счет, а потому работаем исключительно для самих себя – а если кому охота получать ответы, устройте на свои денежки такую же контору и доискивайтесь до требующихся вам истин!

Ну а пока вы, стервецы, существуете на денежки налогоплательщика, извольте не воротить нос и стелить свежее постельное белье, коли спонсор требует. Простите за хамство, но именно так во всем цивилизованном мире и обстоит: тот, кто платит деньги, имеет полное право задавать вопросы и требовать разъяснений...

И, повторяю в который раз, все «еретические», «крамольные», «лженаучные» теории, абсолютно все, вызваны к жизни в первую очередь тем, что современная историческая наука по тому или иному поводу не способна дать четких, ясных, логически непротиворечивых

объяснений. И происходит естественный процесс: пытливый человеческий ум, наткнувшись на обширные прорехи в представленной ему картине мироздания, обязательно начнет их заполнять уже по своему разумению.

Так вот: мне, человеку любопытному и въедливому, всерьез и давно хочется получить наконец ответ на не самый сложный вопрос бытия: *откуда* русские появились на белом свете и *кто* они такие? В частности, объясните вы мне: где обитали предки русских веке во втором-третьем до Р. Х. и *как* они тогда звались? Ведь должны были они где-то обитать и как-то зваться!

Если они – смешение каких-то древних племен и народов, объясните *которых*. Меня совершенно не устраивают туманные фразы типа: «русские, как этнос, сформировались к V в. н. э. в Северном Поднепровье».

Никакое это не объяснение, а примитивная попытка увильнуть от ответа. Как это «сформировались»? Солнышко светит, травка зеленеет, на берегу ручья суслик добивается взаимности от сусличихи, птички щебечут – и вдруг в воздухе начинают мутными силуэтами проступать фигуры босых мужиков с топорами и кольями... Улепетывают не достигшие консенсуса суслик с сусличихой, разлетаются всполошившиеся пичуги – а призрачные силуэты на глазах обретают плоть и кровь, становятся вполне материальными объектами. Сплюнув на песок, сшибив топором с ветки некстати подвернувшуюся белку, переглядываются, ухмыляясь:

– Фу-у... Сформировались! Произошли! Ну что, мужики, самое время это дело обмыть.

И наполняются глиняные чары пенной брагой, и летит над рекой, к ужасу лесных обитателей, задорная частушка:

– Мимо долбаного Рима я без шуток не хожу,
То копьё в окошко суну, то секиру покажу!

Нет, ну вы уж, пожалуйста, давайте конкретику! Что-нибудь вроде: предки славян произошли от «культуры битых горшков», а та, в свою очередь, произошла от «культуры соломенных хижин», каковая пришла в эти места от днепровских порогов, будучи уцелевшим племенем «культуры медных грабель», каковую в значительной степени истребил по пьянке, принявши за алкогольную галлюцинацию, римский заезжий центурион Поллюций Септик, про которого еще великий Тацит упоминал в сорок пятой главе «Анналов»: «Означенный Поллюций Септик в 534 г. от основания Рима во время мартовских ид принял смерть от этрусского кувшина, каковым его огрела матрона Юлия Лямблия, застав со своей несовершеннолетней дочкой в предосудительнейшей позе».

Шутки шутками, но в данном примере как раз и наличествуют две необходимейших вещи: временная привязка к конкретной точке хронологии и генеалогическая цепочка. Нет?

Увы, увы... Ни привязок, ни генеалогии. Конкретики старательно избегают. В противоположность всем прочим народам, славяне в одночасье «произошли» или «сформировались» без всяких указаний на то, как именно происходил этот, надо полагать, небезынтересный процесс.

Одно время, и довольно долго, принято было считать, что славяне происходят от неких антов – загадочного народа, в свою очередь «возникшего» неизвестно откуда, а потом, как это в скалигеровской истории водится, «исчезнувшего» напрочь и поголовно. *Вроде бы* анты – предки славян, а по другим «вроде бы» – смесь славян с иранцами, этикие дедушки самим себе. Нет никакой ясности, кого же именно византийские и римские книжники под «антами» подразумевали (то ли аланов, то ли полян), и славяне ли они вообще... Поскольку сами анты мемуаров не оставили и в начале VII века очень предусмотрительно «исчезли из средневековых текстов». Ну а поскольку вскоре после того в тех же примерно местах и «сформировались» славяне – следовательно, делают вывод историки, раз анты славянам предшествовали, то анты, ясен пень, и есть славянские прародители (что, между прочим, вовсе не очевидно).

Но мы, помнится, собирались поговорить о том, что славяне – это один из многочисленных *тюркских* народов? Извольте. Особо хочу подчеркнуть: книги Мурада Аджи (кто сей?) при работе над данной главой практически не использовались. К Мураду Аджи я отношусь с большим интересом и уважением (хотя, по моему глубокому убеждению, он, как всякий увлеченный человек, порой перехлестывает), но ради чистоты эксперимента я пользовался только результатами самостоятельных скромных изысканий – а выводы пусть делает сам читатель и сам ответит, убедил я его или нет...

Так вот, современная наука предполагает, что во времена гуннских походов на запад славяне (не имевшие, естественно, никакого отношения к гуннам), «отсиживались» где-то на безопасном удалении, то ли в селах, то ли в болотах. А уж потом, когда стало вдоволь свободного места, когда ушли в Европу готы, сарматы и гунны, славяне, насквозь самобытные, облегченно вздохнув, выбрались из чащоб и широко расселились по Дунаю и Днепру...

А так ли уж они «не имели никакого отношения» к гуннам? Гораздо позже, в X веке, арабские путешественники отмечают обычай славян при похоронах знатного человека класть ему в могилу убитых лошадей и слуг – *гуннский* обычай. Заимствование? Но отчего оно продержалось столько лет? Пятьсот лет как сгинули гунны, а заимствованные у них обряды остались.

Что совсем уже интересно, от всего гуннского языка сохранилось в европейских хрониках всего три слова – и одно из них тюркско-славянское, а два других – *чисто* славянские. Китайские летописи, говоря о гуннах, называют их колчаны гуннским словом «сагайдак», которое использовали и тюрки, и славяне. Приск Панийский упоминает гуннский напиток под названием *мёд*, а готский историк Иордан, рассказывая о погребении Аттилы, называет справленную по нем погребальную тризну словом «страва», которое употреблялось *исключительно* славянами, в том числе поляками и чехами...

А потому еще во второй половине XIX века российские писатели и историки стали выдвигать гипотезы о славянском происхождении Аттилы и гуннов. Причем это были не какие-нибудь маргиналы, а личности достаточно серьезные и вполне вменяемые: Вельтман, Хомяков, Венелин-Гуца, Нечволодов, Забелин, Иловайский и «примкнувший к ним» чех Шафарик. Гипотезу эту они не из пальца высосали, а взяли из сочинений западных средневековых историков – и Саксон Грамматик, и Гельмольд, и Адам Бременский считали гуннов и славян одним и тем же народом...

Вот только мало кто задумывался о том, что от перестановки слагаемых сумма не меняется. Гунны, насколько известно – несомненные тюрки, пришедшие из Центральной Азии. А следовательно, можно слагаемые преспокойнейшим образом поменять: если имеются веские основания считать, что гунны-тюрки – это славяне, то остается всего один шаг до логического завершения: славяне – это тюрки. Один из тюркских народов, не из прозрачного синего воздуха «сформировавшийся» на берегу Днепра, а пришедший из Великой Степи, когда масса тюркских народов пустилась в многотысячекилометровый путь, пока не достигла Европы.

Любопытно, что возражения, которые мне приходилось по этому поводу слышать, как правило, чистейшей воды всплеск эмоций тех ревнителей славянской самобытности, кто просто-напросто не желает происходить от тюрков, не желает узреть свои корни в Азии. Ну хочется людям быть европейцами, и все тут! Хочется «присоединиться» к великому «светочу цивилизации», а не от «диких кочевников» брать свое начало во тьме времен. Хотя, как я старался доказать в меру сил и возможностей, и «кочевники» – вовсе не дикие (а то и сплошь и рядом – никакие не кочевники), и Европа как-то не тянет на роль светоча цивилизации и маяка культуры. Но вот поди ж ты: хотим быть европейцами, и баста! Азия ведь – синоним отсталости и дикости! Пустите Дуньку в Европу!

И невдомек отечественным поклонникам «цивилизованной Европы», что надуваться спесью и задирать нос перед «отсталой Азией» Европа начала только в восемнадцатом веке, и не столько по той причине, что раньше Азии открыла электрический ток и научилась

сочинять энциклопедии. В науках и изящной словесности, а также прочих видах искусства Азия и Ближний Восток вкупе с арабским миром как раз очень долго шли впереди, не говоря уж о гигиене и массе других передовых придумок, которые у «дикарей» переняли крестоносцы – вшивые и неграмотные субъекты в грубом домотканом сукне...

Европа задрала нос исключительно оттого, что это ее державы поделили меж собой большую часть земного шара и устроили повсюду свои колонии, а не наоборот... В восемнадцатом веке у Европы было больше военных кораблей и пушек, оттого-то и началось...

А чуточку раньше сами же европейские мыслители смотрели на свой «континент» не в пример скептичнее, а идеал государственного устройства и образцы высокой морали искали как раз за пределами Европы...

Чтобы не быть голословным, приведу обширную цитату из сочинения польского книжника Михалона Литвина.

«Татары превосходят нас не только воздержанием и благоразумием, но и любовью к ближнему. Ибо между собой они сохраняют дружеские и добрые отношения. С рабами, которых они имеют только из чужих стран, они обходятся справедливо. И хотя они или добыты в сражении, или приобретены за деньги, однако более семи лет их не держат в неволе. Так предначертано в Священном Писании (Исход, 21). А мы держим в вечном рабстве не добытых в сражении или за деньги, не чужеземцев, но нашего рода и веры сирот, бедняков, состоящих в браке с невольницами. И мы злоупотребляем нашей властью над ними, ибо мы истязаем, увечим, казним их без законного суда, по любому подозрению. Напротив, у татар и москвитян ни один чиновник не может казнить человека, пусть и уличенного в преступлении, кроме столичных судей, и то в столице. А у нас по всем деревням и городам выносятся приговоры людям. До сих пор мы берем налоги на защиту государства от одних лишь подвластных нам бедных горожан и беднейших земледельцев, обходя владельцев земель, тогда как они многое получают от своих латифундий, пашен, лугов, пастбищ, садов, огородов, плодовых насаждений, лесов, рощ, пасек, ловов, кабаков, мастерских, торгов, таможен, морских поборов, пристаней, озер, рек, прудов, рыбных ловов, мельниц, стад, труда рабов и рабынь».

Писалось это в середине XVI столетия, и Михалон Литвин вовсе не был прекраснодушным мечтателем, интеллигентом из провинции. Настоящее его имя было Венцеслав Миколаевич, и он много лет служил на серьезных постах: секретарь канцелярии великого князя литовского, дипломат, администратор. Свое сочинение он опубликовал под псевдонимом, потому что хватало и сторонников противоположного мнения – об «исконной азиатской дикости», и они были достаточно влиятельны, их следовало всерьез опасаться...

Но в том-то и дело, что Миколаевич-Михалон вовсе не был каким-то любителем эксцентричных теорий. В те времена в Европе хватало книжных людей, которые видели идеал как раз в султанской Турции и советовали реформировать европейские страны по турецким порядкам. Многих привлекала система правосудия, единого для всех слоев общества, отсутствие сословных барьеров – в Турции «господами не рождаются», писал шляхтич Отвинвоский, насмотревшись турецких нравов и делая сравнения не в пользу своей родины. Только во Франции с 1480 по 1609 год было напечатано более 800 книг, посвященных Турции – и сплошь и рядом сравнение выходило опять-таки не в пользу Европы. Среди тех, кто призывал брать с турок пример, были такие крупные фигуры, как Жан Боден, Ульрих фон Гутtren, Кампанелла, Лютер. Что интересно, и в Московском царстве появилось сочинение И. Пересветова, где он опять-таки видит в Турции образец...

Кстати, о Польше. Там среди шляхты столетиями отчего-то держалось стойкое убеждение, что поляки происходят непосредственно от сарматов – а в качестве прародителей фигурировали еще аланы и готы. Только после XV века эти взгляды стали помаленьку заменяться на чувство принадлежности к семье европейских народов...

Но давайте рассматривать вопрос о возможном тождестве славян и тюрков по порядку, начиная с времен примерно тысячелетней давности. Средневековые арабские энциклопедии

возводили всех жителей земного шара к трем сыновьям праотца Ноя: Симу, Хаму и Иафету. Согласно арабским представлениям, состав потомков Иафета достаточно любопытен: славяне, хазары, тюрки, дунайские болгары – к которым на каком-то основании причисляли еще жителей Испании мавров.

Что вовсе уж интересно, в бурятском фольклоре настойчиво повторяется, что русские и буряты – близкородственные народы.

А вот как выглядит список тюркских народов арабской школы Джайхани: гузы, киргизы, карлуки, кимаки, печенеги, хазары, бургасы, болгары, мадьяры, славяне, русы. (Славяне и русы испокон веков считались *разными* народами, но это настолько запутанная и загадочная тема, что здесь мы ее касаться не будем.)

Араб ат-Табари: «Жители этих стран все неверные, из хазар, русов и алан. Они смешались с тюрками и взаимно соединились с ними посредством бракосочетаний». Многие другие арабские и персидские источники опять-таки отмечают родство русов и аланов... Великий поэт Насими, описывая войско русов, уточняет, что состояло оно из хазар, бургасов и алан.

Ибн-Фадлан, побывавший в Булгаре в X веке, описывает ру-сов так: «И от края ногтей кого-либо из них до его шеи имеется собрание деревьев и изображений и тому подобное». Эти татуировки русов моментально вызывают в памяти обычаи древнего населения Алтая – там как раз было принято «расписывать» все тело сходными изображениями.

Арабский ученый XII века Шараф аз-Заман Тахир Марвази прямо относит русских к тюркам. Хотите знать, что пишет о киевлянах его земляк Абу Хамид ибн Ар-Рахим ал-Гарнати ал-Ан-далузи, бывавший в Киеве несколько раз в 1131–1153 гг.? «И прибыл я в город страны славян, который называется Киев. А в нем тысячи магрибинцев, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке. А известны они в той стране под именем печенеги».

Согласно современной истории, печенеги в те времена не в стольном граде Киеве культурно обитали, а кочевали по степи самым диким образом. Но араб-путешественник отчего-то не упоминает киевских славян, зато усматривает там «многие тысячи» тюрков. Так кем же были тогдашние киевляне?

Более того, по сообщению историка X века ал-Масуди, основатель Киева Кий был... выходцем из Хорезма, а настоящее имя его – Куяя (потому арабы и называли Киев Куяба). К этому можно добавить, что согласно *русской* летописи славная княгиня Ольга – дочь *половецкого* властителя. А в *русской* же Радзивилловской летописи свекор Ольги, великий киевский князь Олег, как недвусмысленно следует из помещенного там рисунка, воюет со своей ратью на Балканах под знаменем, на котором начертана *арабская* надпись «Дин», то есть – «вера».

Так кто же такие киевские русские?

А что до «диких» печенегов, то они внезапно оказываются вполне грамотными, располагающими какой-то своей письменностью. В XVI в. австрийский посол С. Герберштейн написал «Записки о Московии», которые современные историки признают ценнейшим источником. Об убитых князя Святослава печенегах сказано следующее: «Куря, государь печенегов, убил его (Святослава. -А. Б.) из засады, а из его черепа сделал себе чашу в золотой оправе, *написав* на ней так: «Ища чужое, потерял свое». Герберштейн пользовался не слухами и сплетнями: он общался с людьми знатными, с книжниками, которые ему переводили старинные русские летописи...

Англичанин Джером Горсей, побывавший в Московии самую чуточку позже, упорно именует крымских татар *скифами*. В чем он совершенно солидарен с превеликим множеством современных ему авторов, которые, как не раз упоминалось, совершенно не замечают «исчезновения» скифов, сарматов, готов, считая с завидным единодушием, что эти народы по-прежнему обитают в Причерноморье...

У Андрея Лызлова татары – опять-таки скифы.

«Синописис», русский учебник истории XVII века, производит от сарматов славян, россов, аланов, поляков и литовцев. В общем, большинство старых источников совершенно

не замечает этой длинной череды старательно «вытеснявших» друг друга, а потом «бесследно исчезающих» народов: все они, в изложении и наших предков, и арабов, и европейских историков, находятся меж собой в самом близком родстве и обитают примерно в одном и том же временном отрезке...

Ученый немец Шлецер, работавший в Академии наук вскоре после смерти Ломоносова, на основании каких-то не дошедших до нас данных четко делил «русов» на две части: одна – скандинавский народ из Прибалтики, другая – *азиатский*, обосновавшийся в конце концов в Северном Причерноморье. Эти идеи развивал ректор Дерптского университета Эверс, связывая южных, азиатских русов с хазарами. В первой трети уже XIX столетия в том же направлении работал глава «скептической школы» Каченовский, выводя южных русов от хазар. Что любопытно, вся критика Каченовского, какую мне удалось найти в отечественной историографии, сводится всего к двум пунктам: во-первых, Каченовский, вот ужас, был сыном обрусевшего грека, а во-вторых, у него было мало учеников. Каким образом эти два аргумента опровергают труды Каченовского, лично мне решительно не понятно...

Вплоть до конца XIX века появлялись работы, в которых русов объявляли родственниками готов – Лызлов, кстати, тоже считал, что половцы – это и есть готы.

Византийцы, в свою очередь, старательно именуют славян «скифами»: «Этот скифский, и грубый, и варварский народ» (Константинопольский патриарх Фотий). «Народ скифский, около Северного Тавра обитающий, лютый и свирепый» (Георгий Кедрин).

Древнегрузинская хроника: «Осаждавшие в 626 г. Константинополь скифы были русские».

Принято считать, будто такова была «традиция» – якобы летописцы в возвышенном стиле античности именовали русских «скифами» для пущей красоты. Однако для «традиции» эта привычка чересчур уж устойчива и повсеместно распространена...

Мухаммад ал-Ауфи писал о русах интереснейшие вещи: они сделались христианами в 300 году хиджры (что еще не дает точной даты, поскольку, кроме нынешнего «первого года хиджры» как 622 года от Р. Х., в старые времена существовали и другие датировки), а потом... «они все сделались мусульманами».

Стоит только предположить, что речь идет о волжских булгарах, все моментально становится на свои места. Но это означает, что болгары – родственник славянам народ, те и другие – тюрки.

А впрочем, абсолютно неясно, какую веру *на самом деле* исповедовали в Киевской Руси. Арабская надпись на штандарте князя Олега, многочисленная утварь с арабскими надписями, найденная в культурных слоях XI века...

Могут сказать: мол, эти предметы принадлежали обосновавшимся в Киеве заезжим мусульманам.

Однако есть масса примеров того, как *русские* на протяжении многих столетий подозрительно часто и много пользовались арабским письмом.

Татарским, впрочем, столь же часто и охотно – причем в случаях, которые объяснить с точки зрения «традиционной» истории попросту невозможно. Монеты Дмитрия Донского с одной стороны носят надпись по-татарски. Это еще можно попытаться объяснить «вассальными отношениями» – но и на некоторых монетах Ивана III встречается то же самое: надпись на татарском «москов акчасы будыр» («это московская монета»), и даже имя царя написано на татарский манер – «Ибан». Во времена Ивана III никакого «ига» не могло существовать даже теоретически. Как и при Иване Грозном – но на одной из монет того времени рядом с русской надписью красуется и арабская, Иван Васильевич опять-таки именуется «по-басурмански»: «Ибан».

К слову сказать, опять-таки из татарского заимствовано и прочно вошедшее в русский язык слово «алтын». Да и само слово «деньги» – тюркского происхождения. Как можно узнать из солидных книг по нумизматике, написанных без малейших «ересей», название русской монеты «денга» происходит от древне-татарского «денке» (только в XVIII веке стали писать с мягким знаком – «деньга»...)

На русском оружии и доспехах масса надписей на арабском – это странное обыкновение держалось вплоть до начала XVII века. Шлем Александра Невского – с арабской надписью, шлем Ивана Грозного – тоже. Не счесть сабель с подобными «украшениями». Существует малоубедительное объяснение: якобы клинки эти поступали с Востока, из арабских стран. Но, во-первых, известны сабли стопроцентно русской работы (а надписи на них – арабские), во-вторых, трудно представить, чтобы русские пользовались оружием с совершенно непонятными для них надписями – мало ли что «басурмане» могли понаписать... Значит, арабские надписи были *нужны*. Значит, их без особого труда читали.

Что вовсе уж интересно, от Великого Княжества Литовского осталась масса документов, написанных на старобелорусском (собственно, старорусском) языке, но... *арабскими* буквами. Есть подобные тексты, написанные и русскими на Руси...

(И вовсе уж любопытным предстает упоминание о том, что в том же Великом Княжестве Литовском еще в XVI веке не в каких-то хранилищах древностей, а в действующих, магистратских и судебных архивах хранилась масса документов на *печенежском* языке. Отсюда автоматически вытекает, что еще в те времена печенегов среди славян обитало много, и их язык, их письменность были вполне «рабочими», употреблявшимися для разных насущных потребностей.)

Коли уж зашла речь о языке, рассмотрим подробно знаменитое «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, четыре года странствовавшего по Индии...

Никитин прямо-таки *вызывающе* двуязычен. «В Индейской земле купцы останавливаются на подворьях, еду для них варят хозяйки, они и постель гостям стелют, и спят с ними, сикиш илересен ду шитель бересин, сикиш илимесь екъжителъ берсен достур аврат чектур, а сикиш муфут, а любят белых людей».

На тюркском Никитин привел некоторые деликатные подробности, в переводе звучащие следующим образом: «хочешь с хозяйкой иметь близкую связь – даешь два шителя, не хочешь – даешь один».

«Князья да бояре надевают портки, сорочку, кафтан, одна фата на плечах, другою опоясываются, а третьей обертывают голову, а се оло, оло, абрь оло ак, олло керем, олло рагим».

Здесь уже на тюркском дано обращение к богу: «Боже, Боже великий, истинный, благий и милосердный!»

И снова, когда речь идет о божественном, тверитянин совершенно непринужденно пользуется двумя языками: «Да молился есми Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никоторого именем, бог олло, бог керим, бог рагим, бог ходо, бог акъ беръ, бог царь славы, олло варено, олло рагимельно сеньсень олло ты».

Как видим, православный христианин не видит ничего неудобного в том, чтобы славить бога на тюркском языке. Все подобные примеры не стоит и приводить, «Хождение» ими буквально битком набито – то после нескольких фраз на русском Никитин раздражается длинной тирадой на тюркском, то непринужденно вплетает короткие тюркские фразы меж русских. Что, за четыре года подзабыл русский настолько, что и писать на нем разучился? Совершенно не верится...

Давайте уж о языке, коли затронули эту тему. Я уже писал о нешуточной странности во время нашествия печенегов на Киев – вроде бы вообще впервые на русской земле, но тут же, откуда ни возмись, выныривает шустрый парнишка, который так хорошо болтает по-печенежски, что его все принимают за своего (к тому же, надо полагать, ни одеждой, ни внешностью не отличается).

То же самое мы наблюдаем, когда к Киеву, опять-таки впервые в русской истории, подступает татарская рать. Карамзин: «Димитрий бодрствовал и распоряжался хладнокровно. Ему представили одного взятого в плен татарина, который объявил, что сам Батый стоит под стенами Киева...»

Интересно, а как они вообще объяснились меж собой – пленный татарин и русский воевода? Как-то общались, без малейших затруднений, прекрасно понимали друг друга...

Зловредный Фоменко, кстати, в одной из своих книг приводит фотографии иноческого наряда допетровской эпохи, покрытого опять-таки предельно странными надписями: вообще-то они на русском, но слово «Бог», как и в «Хождении», начертано как «олло»... Во многом Фоменко подозревают и обвиняют, вот только ни разу не уличали в прямой подделке...

Англичанин Джером Горсей, много раз бывавший на Руси в конце XVI – начале XVII в., оставил загадочную строку касаясь славянского языка: «Он может служить также в Турции, Персии, даже в известных ныне частях Индии и т. д.» Стоит предположить, что «славянский» и «тюркский» – одно и то же, как все становится на свои места: в самом деле, с тюркским ни в Турции, ни в Персии, ни даже в Индии, где в то время правили турки Великие Моголы, не пропадешь...

Не угодно ли краткий список заимствований из тюркского языка в русском? Извольте.

Алтын, деньги, башмак, караул, базар, туман, колпак, лачуга, изюм, сундук, карий, алый, дорога, атаман, казак, курень, колчан, есаул, булат, улан, ковыль, сапог, епанча, телега, хоругвь, богатырь, сабля, жемчуг, товар, безмен, амбар, аршин, кирпич, фитиль, ковер, тюфяк, диван, карандаш, кафтан, сарафан, халат, доха, армяк, башлык...

Это, напоминаю, очень краткий список. Тюркских слов, которыми мы пользуемся и по сей день, гораздо больше. А ономастика, наука о названиях, спокойно утверждает, что в России не менее трети географических названий происходит от тюркских слов, причем и в тех местностях, что вроде бы испокон веков считаются исконно русскими.

Впрочем, «заимствование» – весьма неподходящее слово. Как оказались «заимствованными» столь обиходные слова, как «сапог» и «башмак»? Что, у русских не было своих удачных названий, и оттого пришлось перенимать татарские? Странновато... Гораздо логичнее будет предположить, что эти слова существовали в русском с самого начала. А следовательно, русский... Ну, вы поняли.

Вот, кстати! Коли уж речь зашла о сапогах и башмаках, давайте уж подробно посмотрим, как обстоит с «исконно русской» одеждой, какую носили в допетровские времена.

Сорочка. Слово вроде бы русское, но, согласно археологическим находкам, как раз сорочка составляла основу одежды скифов и сарматов.

Сарафан. От тюркского «сарапай».

Сукман. Под этим названием известны две разновидности одежды: просторная верхняя одежда и вариант сарафана. В любом случае, слово это произошло от тюркского «чикман», «чекмень» – просторная верхняя одежда.

Юбка – от арабского «джубба» (кстати, отсюда же и слово «шуба»).

Ферезь (ферязь) – верхняя одежда, как мужская, так и женская. Либо от арабского «фареджия», либо от турецкого (то есть тюркского) «ферандже», что опять-таки означало верхнюю одежду с просторными рукавами.

Охабень – верхняя мужская одежда, широкая, с очень длинными рукавами и отложным воротником до половины спины. Из готского.

Терлик – мужская одежда для знати, длинный, до пят, кафтан с короткими рукавами. Заимствовано из тюркского.

Абаб – нечто вроде кафтана. От турецкого «аба».

Азям – очень длинный мужской кафтан. Из тюркского.

Армяк. То же самое.

Чекмень – мужской кафтан. Из тюркского.

Зипун – мужская верхняя одежда. Из тюркского.

Чуга – узкий кафтан с рукавами по локоть, для путешествий и верховой езды. Из турецкого.

Шабур – верхняя мужская одежда. Из чувашского.

Епанча – очень древняя верхняя одежда типа плаща или накидки. От тюркского «япинета», где это слово как раз и означает «плащ».

Емурлук – еще один вид плаща. Пряником из турецкого («ямур» – «дождь»).

Тулуп – в объяснениях не нуждается. От тюркского.

«Кушак» по-тюркски как раз и означает «пояс».

Кокошник, женский головной убор. Опять-таки от скифов.

Мягкие сафьяновые сапоги-чедыги – от татар.

ОСОБО УТОЧНЯЮ: во всех без исключения случаях «заимствовалось» не просто название, но и *сам* вид одежды.

Что-то чертовски интересное получается: полное впечатление, что *своего* у русских как бы и нет: ни слова для обозначения самых расхожих предметов, ни самих этих предметов. За редким исключением все «заимствовано» от тюрков. Пред нами – некий народ, который одевается, как тюрки, да вдобавок разговаривает на языке, где большой процент слов – тюркские. Остается лишь сделать один-единственный крохотный шаг до закономерного вывода: так ведь это и *есть* тюрки!

Только в семнадцатом столетии «отшатнувшиеся» в славянство...

Сами по себе, повторяю, «заимствования» выглядят как-то нелепо. Отчего-то в *других* случаях русские, живя бок о бок с другими народами, заимствовали от них крайне мало. От поляков – разве что кунтуш. От шведов... Как минимум пятьсот лет новгородцы и псковичи поддерживали самые тесные отношения со шведами, немцами и вообще западноевропейцами. Но почему-то никаких таких массовых «заимствований» – что в языке, что в одежде, что в названиях предметов, – так и не произошло. А ведь Новгород и Псков никакого такого татарского влияния испытывать не могли. Кстати, и жившим «под игом» обитателям других регионов было, собственно говоря, *не от кого* эти «заимствования» совершать в массовом порядке. Татарских гарнизонов в русских княжествах не имелось – одни только одиночки-баскаки, да и то продержавшиеся не более тридцати лет. И тем не менее «заимствования» выхлестывают за все мыслимые пределы! Объяснить это можно лишь тем, что русские – либо целиком тюркский народ, либо формировавшийся с самым широким участием тюркского элемента.

Да и с поляками не все ясно. Еще в XIV веке татары стали селиться в Великом Княжестве Литовском довольно большими группами. Во-первых, они моментально переходили к оседлому образу жизни, совершенно, такое впечатление, «забыв», что им положено быть кочевниками, а во-вторых, они как-то очень уж быстро, практически на протяжении пары столетий... отказались от родного татарского языка. Сей странный факт давно привлекает внимание ученых: «Поселившись в Литовском княжестве, татары подверглись необычайно быстрой социальной и культурной ассимиляции, в том числе и языковой, однако сохранили свое религиозное отличие и связанное с этим чувство национальной особенности».

Чувство национальной особенности, между прочим, дает в первую очередь язык, а не религия. Тем более что вместе с татарами в Великом Княжестве осела и другая этническая группа – караимы. Так вот, они-то как раз никоим образом не ассимилировались в языковом плане, сохранив язык в неприкосновенности на протяжении долгих столетий...

В чем тут загадка? Быть может, в том, что поляки с татарами и до того были *родственными* народами? Оттого-то татары так легко поменяли язык – на родственный?

Караимы, конечно, тоже тюрки – но, вероятно, находившиеся с поляками в гораздо более дальнем родстве, чем татары...

Наша древняя история полна самыми неожиданными связями и ассоциациями. Взять, например, легендарного новгородского князя Гостомысла, якобы правившего незадолго до прихода варягов: «В скором времени ему приснился чудесный сон. Он увидел, что из чрева его средней дочери Умилы выросло великое и плодовитое дерево; оно укрыло под своей кровлей весь Великий град... Гостомysl призвал волхвов, чтобы они истолковали его сон, и услышал от них, что Умила произведет на свет его наследника».

Это – *буквально* повторение древней персидской легенды о вещем сне мидийского царя Астиага: он увидел, что «из чрева» его дочери прорастает «великое дерево», и срочно

вызванные волхвы вмиг объяснили царю, что вскоре родится тот, кто станет хозяином царства Астиага...

Вообще пора сделать совсем несложное умственное усилие и понять наконец: то, что нам известно из ученых трудов, научно-популярных книжек и учебников, – не подлинная история Руси тысячелетней давности, а лишь одна из версий, которую ее создатели тем не менее с совершенно неуместным апломбом представили как полную и окончательную истину. Ну а все, что этой канонизированной версии противоречило или попросту не укладывалось в некие шаблоны, потихонечку отправлялось в пыльные дебри запасников.

В этом плане крайне интересна история с так называемым «памятником Бусу». Этот гранитный монумент величиной под два с половиной метра изображает человеческую фигуру по пояс, определенно европейского типа, а нижняя половина покрыта письменами. Он с незапамятных времен стоял на кургане в 30 километрах от Пятигорска, и тамошние черкесы весьма его почитали, именуя «Дука Бех» – хотя и не могли объяснить, кем памятник поставлен и когда.

В конце концов за него взялись сформировавшиеся как класс ученые – но особой ясности не внесли, разве что выдвинули версию, что монумент поставлен в честь вождя антов Буса. В 1847 году вроде бы определен возраст памятника: IV в. от Р. Х. Именно что «вроде бы»: сделавший это открытие человек ученым не был, да и тогдашнее развитие исторической науки оставляло желать лучшего. С надписью тоже сплошные непонятности: одни источники именуют ее «рунической», другие пишут более пространно: «Начертана на неизвестном языке буквами, составленными частью из греческих, частью из славянских». Из *которых* славянских? Что здесь имеется в виду – кириллица или глаголица? Ответа нет. Попыток расшифровки надписи тоже не наблюдалось на протяжении последних полутора столетий. Сначала монумент трудами члена Одесского общества любителей древности Авраама Фирковича (караима-тюрка) был перенесен в Пятигорск, но несколько лет спустя его перевезли в Москву, в Исторический музей, и после нескольких вялых попыток «изучения» отправили в запасники, где памятник пребывает и поныне, совершенно забытый ученым миром.

Ученый мир, надобно вам открыть секрет, страшно не любит всевозможных «надписей на неизвестных языках», которые как-то очень уж быстро объявляются «нечитаемыми» и отправляются следом за «памятником Бусу». И только время от времени вспыхивают камерные скандалчики, когда кому-нибудь все же удастся «нечитаемую» надпись прочитать – но всякий раз, что характерно, результат идет вразрез с каноническими теориями, а потому предается анафеме.

То же самое касается и древних тюркских рун. Считается, что они делятся на две части: азиатскую группу, распространенную от Лены до Семиречья, и европейскую, известную от Енисея до Дона. А вот на Дону, такое впечатление, поставлен некий незримый шлагбаум. Многочисленные попытки прочитать те европейские руны, что находятся западнее Дона, на тюркский манер всякий раз объявляются ересью – хотя результаты порой бывают весьма интересными. Ну, что поделать – как я уже говорил, не только Россия, но и западноевропейские народы с негодованием сметают все попытки как-то связать свою древнюю историю с «дикими кочевниками из азиатских степей». Европа предпочитает горделиво считать, что она произошла, если можно так выразиться, «сама от себя»: на европейских просторах благоухали цветы, пели птички и шелестела листва, светило солнышко – и вдруг, как гром с ясного неба, стала «формироваться» европейская цивилизация. Сама по себе. Из синего прозрачного воздуха. Боже упаси, без малейшей связи с дикой Азией... А потому запасники забиты «нечитаемыми» надписями – а публикации «Хождения за три моря», исключая изданные мизерным тиражом суперакадемические, переводятся на современный русский язык *сплошь*, в том числе и те самые многочисленные тюркские вставки...

Меж тем нет никаких сомнений, что в незапамятные времена все было гораздо интереснее и сложнее, чем гласят нынешние каноны. Классический пример – крещение Руси.

То его описание, которое нам сегодня преподносит официальная наука, – опять-таки одна из версий, основанная исключительно на домыслах. Хотя сегодня уже нет никаких сомнений, что рассказ о том, как князь Владимир призвал представителей разных религий и долго слушал их доводы – не более чем *содранный* с хазарских источников эпизод о выборе веры тамошним царем Буланом...

Неизвестно, *откуда* пришло крещение: из Рима? из Константинополя? из Болгарии? В пользу каждой из этих гипотез можно подобрать немало убедительных аргументов, что давно уже и продельвается. Мало того, существует целый *блок* извлечений из старинных рукописей, позволяющих предполагать, что в раннее Средневековье на Руси исповедовали вовсе не христианство, а... магометанство. И иные сохранившиеся с древности храмы подозрительно похожи по своей архитектуре на мечети, и иные религиозные запреты как две капли воды напоминают магометанские. Заезжий персидский книжник страшно негодует по поводу обычая русских есть свинину – причем негодует так, как будто речь идет о его *единоверцах*. А на старинном рисунке, изображающем русское кладбище, прилежный западноевропейский художник, вот странность, изобразил часовню и надгробия, не имеющие ничего общего с христианскими. С исламскими, впрочем, тоже...

Стоит лишь, как мы это уже делали прежде, допустить, что европейская история искусственно удлинена на добрую тысячу лет, многие странные факты получают объяснение.

К примеру, очень уж широко и повсеместно распространено язычество – причем в те времена, когда и Русь, и Западная Европа вроде бы уже не одну сотню лет пребывают в лоне христианской церкви. Что до Руси, то не только в отдаленных селах, но и в крупных городах прямо-таки *бушевало* самое неприкрытое язычество: «лесть идольская и празднование кумирное». В XVI веке знаменитый Стоглавый собор, созванный Иоанном Грозным, приложил массу сил для борьбы с «бесовскими потехами» – причем общая тональность такова, что можно подумать, будто христианство на Руси стало распространяться совсем *недавно*, и редкие христианские храмы еще тонут в море разливанном язычества. Даже в XVIII веке понадобилось включать в Духовный регламент специальные статьи против языческого «моления под дубом». И в массовом порядке «подчищать» старые летописи, где простодушно описывается, как якобы давным-давно крещенные князья (с совершенно нехристианскими именами вроде Изяслава, Святослава и Всеволода) то и дело, заключая какое-либо соглашение, приносят сугубо языческую клятву «фоту». Приходилось повсюду эту «фоту» заменять на «крестное целование» – о котором означенные князья, очень может статься, и представления не имели...

В фундаменте церкви на московской Швивой горке лежит огромный валун, которому москвичи устраивали языческие поклонения еще в *восемнадцатом* столетии. Как недвусмысленно явствует из географических названий, летописей и свидетельств современников, там же, поблизости от Швивой горки, на Красном холме, долго стояли некие «идолы», которых православные церкви сменили только в конце *шестнадцатого* века. Автор так называемого Каталанского атласа (1375 г.) называет Владимир и Тверь их нынешними именами – а вот Москву отчего-то обозначил как... «Перун»! И это не единственная карта, где Москва так именуется...

В Западной Европе, якобы уже много сотен лет как крещеной – та же картина. Язычества не просто много – *очень* много. «Христианский» английский книжник, составивший в 1073 году «Кентерберийское заклинание против болезни», недрогнувшей рукой вписал туда: «Да благословит тебя Тор». Исландский медицинский трактат XIII века опять-таки пестрит именами скандинавских языческих богов: тут и Тор, и Один, и Фригг, и Фрейя, и Фьолнир...

В 1331 году, когда вся Европа вроде бы давным-давно христианизирована, римская церковь объявляет крестовый поход против язычников-славян, обитающих, собственно, под боком – на границе Италии и Словении. Что тут удивительного, если еще в конце Второй мировой войны румынская «глубинка» молилась не Христу, а Илеане Санзиане, богине

Луны...

Да что там, в самой Италии, цитадели католической церкви, царит форменный разгул язычества. В Римини в 1450 году некий Леон Альберти строит храмы, набитые статуями языческих богов – это принимает такой размах, что княжество Римини предстает вроде бы и не христианским вовсе. Современники тех событий писали, что в Римини «вернулись к языческим богам»...

И не только в Римини. К 1570 году старшина гильдии мастеров бронзового литья Джованни ди Болонья буквально *заполнил* статуями языческих богов Болонью и Флоренцию. Да и в самом Ватикане работает «Афинская школа» Рафаэля, живописующая сплошь языческие темы.

Англия тем временем не в церкви ходит по воскресеньям, а с большим энтузиазмом пляшет вокруг насквозь языческих «майских деревьев» – середь бела дня. Только во второй половине *семнадцатого* столетия в Англии и Уэльсе ретивые пуритане уничтожают большую часть языческих святилищ.

В Англии вообще творится что-то странное. Много лет в первой половине XIII века христианских священников там не было вообще. *Вообще*. Якобы король Иоанн поссорился с папой Римским, и тот отозвал из Англии всех до единого священнослужителей...

А может, их попросту и не было ранее того периода? Зато во второй половине того же XIII века в Англии, не особенно и скрываясь, совершают свои обряды те самые друиды, которых якобы истребил еще Юлий Цезарь. И не где-нибудь в глуши – в известном своей ученостью городе Оксфорде, и руководит друидами не пастух какой-нибудь, а барон Бриддод. И гораздо позже, в 1374 году, фаворитка короля Эдуарда III Алиса Перрейс устраивает в Лондоне пышное шествие в честь богини Солнца. И не допускает к королю христианских священников, когда он умирает – так и отошел Эдуард в мир иной без христианского духовного напутствия.

Не только в Англии, но и по всей Европе вплоть до двадцатого (!) столетия совершают типично языческие жертвоприношения заклания лошадей – на похоронах полководцев и королей, в честь окончания войн и даже... при закладке христианских церквей!

Считается, что в те времена давным-давно изничтоженное язычество вдруг «возродилось», да так, что волны этого «возрождения» захлестнули всю Европу. Любопытно, что инквизиция (чья деятельность неимоверно оболгана, а достаточно малое число ее жертв без зазрения совести увеличено в тысячи раз) начинает действовать только в 1230 году. Быть может, не было никакого «возрождения», а попросту христианство в трудной борьбе только *начинало* распространяться в Европе? *Лишь* в 1480 году колдовство начинает рассматриваться как ересь и подлежит суду инквизиции – раньше, надо полагать, сделать это было невозможно, потому что Европа была *сплошь* языческой...

Да, кстати, о «миллионных» жертвах инквизиции. Эту сказочку запустил в оборот один-единственный человек, некто Сесил Уильямсон, заведовавший на острове Мэн интересным учреждением под названием «Музей ведьм». Он-то, глядя в потолок, и сочинил, что за двести лет, с 1480 года, инквизиция изничтожила аж девять миллионов безвинных жертв. Вот только современные западные исследователи, сколько ни рылись в архивах, больше сорока тысяч «пострадавших» не насчитали. Ну а в том, что языческие колдовские практики и, следовательно, тайные общества колдунов имели в Европе огромное распространение, современные западные исследователи уже практически и не сомневаются, и написано на эту тему немало...

Но мы, кажется, отвлеклись, углубившись в интересную саму по себе, но не имеющую прямого отношения к данной книге тему...

Итак, настала пора подвести некоторые итоги. Европа и Азия... Мне представляется, что я привел достаточно убедительные аргументы в пользу той версии, что русские – одно из многочисленных тюркских племен, пришедших некогда из Азии. Все возражения, с которыми мне приходилось сталкиваться в ходе работы над этой книгой, были чисто эмоциональными. Вновь то же самое: многим кажется неприличным, неправильным,

прямо-таки позорным происходить от «диких степных кочевников» – хотя я, смею думать, доказал, что эти «дикие кочевники» создавали могучие государства в те времена, когда Европа, раздробленная на сотни лоскутных феодальных владений, пребывала в самой пошлой нищете и отсталости. Лишь после крестовых походов Европа начала чуточку цивилизовываться – крохотными шажками, во всем: в искусстве, строительстве государства, военном деле, законотворчестве, науках – лишь *повторяя* то, что было давным-давно достигнуто в других местах, в том числе и в «дикой» Азии. Один-единственный пример: сравните уровень художников средневековой Европы и их коллег из Азии, живших за *тысячи* лет до европейцев...

Вообще, а велика ли честь происходить от Европы, судари мои? И есть ли это вообще *честь!* Позвольте усомниться. Если отбросить всю напыщенную болтовню об исконном «превосходстве белого человека» и «европейской цивилизаторской миссии», если взглянуть холодно и непредвзято, откуда-нибудь из верхних слоев атмосферы, что мы увидим, изучив несколько сот лет европейской цивилизации?

Называя вещи своими именами, Европа – не более чем крохотный полуостров на западе великого Азиатского континента. Убогий, тесный полуостров, населенный ордой примитивных племен, чьим главным занятием на протяжении долгих лет было резать друг друга. Просто-напросто сложилось так, что именно на этом фитюлочном полуострове придумали всевозможные станки-мануфактуры, отлили много пушек, построили много-много кораблей и пустились по всему белу свету – не из страсти к познанию, а попросту от перенаселения и с голодухи. Пользуясь преимуществом в вооружении, европейские страны захватили и поделили меж собой едва ли не весь мир – именно в этом, *только* в этом и заключается хваленое европейское «превосходство». Ну а стоило после Второй мировой рухнуть колониальной системе, как Европа очень быстро превратилась во что-то вроде сытой богадельни...

Весьма важное уточнение: Европа – еще и распространительница на все остальное человечество всевозможной духовной отравы. Нет спору, во всем остальном мире за пределами Европы тоже существовали религиозные войны, угнетение, террор тиранов и сатрапов – но, если разобраться вдумчиво и последовательно, с цифрами в руках, приходишь к печальному выводу: именно Европа держит безусловное первенство во всевозможных войнах, репрессиях, погромах, зверствах и прочих малоаппетитных забавах.

Именно Европа одарила мир двумя мировыми войнами. И Холокостом. И нацизмом, наконец. Не было никакого «бесноватого фюрера», который, стервец, самостоятельно измыслил нечто людоедское. Основу нацистской идеологии положил (пусть и ненамеренно) милый и добродушный церковный староста Чарльз Дарвин, а вскоре, уже вполне умышленно и с превеликим азартом, учение об «арийской расе» и «белокуроем сверхчеловеке» стали конструировать француз Гобино и англичанин Чемберлен – и лишь гораздо позже отставной ефрейтор герр Гитлер их труды старательно изучил, обобщил, дополнил и творчески развил – так что останавливать его пришлось чуть ли не всем человечеством, и тянулось это долгие годы, и обошлось в миллионы жизней обитателей всех континентов...

А еще даже раньше в Европе стал писать толстенные книги бородатый эмигрант по имени Карл Маркс – последствия чего мы видим по сей день. Именно Европа с завидным постоянством заражает весь остальной мир, словно сифилисом, насквозь гнусными, антигуманными, гнилыми идеями и теориями.

И не надо, я вас умоляю, напоминать мне про Пол Пота! Это уже оскомину набило – когда, дабы противопоставить европейским зверствам что-нибудь «типично азиатское», вспоминают за неимением лучшего как раз о Пол Поте.

Вроде бы все правильно, Пол Пот и в самом деле оставил в процветающей некогда Камбодже груды в несколько миллионов человеческих черепов. Вот только никаким таким «типичным азиатом» он не был. Поскольку людоедских идей нахватался не у себя дома, не из азиатской философии, и даже не у российских большевиков, а именно что в славном парижском университете Сорбонна, каковой и сформировал идейно-духовно как Пол Пота,

так и вурдалаков из его ближайшего окружения...

И следующий вопрос, который прямо-таки напрашивается: а есть ли, господа мои, у Европы *будущее!*

Глава пятнадцатая. Играем в Кассандру

Вообще-то вопрос с самого начала должен быть поставлен чуточку шире: есть ли будущее у европейской цивилизации? Ведь значительная часть современного мира, географически лежащая за пределами Европы, все же является плодом *европейской* цивилизации, столь старательно насаждавшейся старушкой Европой повсюду – в точности так, как насаждали кукурузу за Полярным кругом при Хрущеве.

Вот мы и ставим вопрос шире: если ли будущее у цивилизации европейского типа?

Что-то не просматривается...

Наличествуется вполне реальный парадокс: самые разные страны мира заимствуют и заимствовали исключительно европейские *второстепенности*. Чисто бытовые детали, вроде зубных щеток, консервных банок и мини-юбок. При попытках перенять европейские *идеи* дело оборачивается сплошным безобразием, крайним выражением которого как раз и служит Пол Пот. А вот достижения как раз и происходят, когда европейские идеи отбрасывают к чертовой матери.

Великолепнейший пример – Соединенные Штаты Америки. В свое время американцы, поголовно потомки европейцев, как раз и смогли сделать несомненный рывок вперед оттого, что их революция и все последующие события были, по сути, *отторжением* перенесенных на американскую землю европейских идей, традиций, установлений, укладов. Потом, правда, Америка обзавелась своими собственными болячками, но это уже другая история...

А Европа... В том, что потерпели крах все ее идеи, теории, интеллектуальные наработки и тому подобные высокие материи, сомневаться не приходится. Не стану многословно рассуждать на эту тему, просто порекомендую читателю книгу умного немца Шпенглера с многозначительным названием «Закат Европы». Там все описано гораздо подробнее и талантливее, чем способен сделать ваш покорный слуга.

Вслед за идеями стала явственно пробуксовывать и порожденная Европой техническая цивилизация. Вот уже тридцать-сорок лет в науке и технике господствует самый неприкрытый *застой*.

Вот, скажем, авиация. 1910 год – в небе стрекочут уморительные сооружения из досточек и проволочек, которые без церемоний так и называли: «этажерки». 1930 год – по небосклону проносятся цельнометаллические аэропланы, по скорости и высоте превосходящие «этажерки» многократно. 1950 год – авиация переходит на реактивную тягу, из Европы в Америку летят пассажирские гиганты...

А дальше – *тупик!* Самолеты становятся чуточку побольше, в них напихано больше мудреной электроники, пассажирские салоны стали гораздо комфортнее... но ведь это лишь развитие каких-то мелких частных, и не более того. Нет ничего *принципиально* нового, нет *революционных* прорывов. Все сводится к фокусничанью дизайнеров... *Принципиально* любой сегодняшней самолет мало чем отличается от своего дедушки 60-х годов прошлого столетия.

С автомобилями – та же петрушка. Больше хитрой электроники, больше комфорта – и только. *Прорывов* на качественно иные уровни нет – хотя субъекты с неприличным названием «футурологи» обещали много хорошего вроде экологически чистых, принципиально новых двигателей...

То же самое – в энергетике. *Иных*, качественно новых технологий не видно. В котельных по-прежнему, как сто лет назад, горит уголь и мазут, атомные реакторы работают в точности так, как лет тридцать назад, вода все так же вертит турбины ГЭС. Принципиально новых технологий, несмотря на все обещания, не дождалось.

Компьютеры становятся всего лишь *быстрее*, и не более того, да еще проникают туда,

где прежде не было – в детские игрушки, в унитазы... *Революционных* прорывов нет.

Судостроение... Промолчим из жалости.

А ведь столько интересного, нового, удивительного нам обещали лет сорок назад – подводные дома и подводные плантации, качественно новые источники энергии, «лифты на орбиту», управление климатом, ет цетера, ет цетера...

И как-то тихонечко, скорбно, без особых причитаний загибается на наших глазах пилотируемая космонавтика – поскольку при *нынешних* космических аппаратах, работающих на тех же принципах, что и сорок лет назад, она, скажем откровенно, представляет собой пустой перевод денег...

Так называемый «технический прогресс», навязанный человечеству в первую очередь стараниями Европы, на деле напоминает скучное прозябание в болоте. Учитывая, что этот «прогресс» на наших глазах уничтожает невозполнимые энергоносители, прозябание из скучного, того и гляди, обернется трагическим.

И наконец, проблемы исключительно плотские: примитивное воспроизводство популяции. Европа и на это уже не способна. Рождаемость катится вниз, как тыква с горки, в некоторых европейских столицах уже есть районы, где «потомственный» европеец смотрится экзотической диковинкой, и над европейскими мегаполисами давненько уже разносится бодрая переключка муэдзинов. Те футурологи, что не померли по дряхлости и не спились, прогнозы свои оформляют уже исключительно в виде гаданий над датами: одни твердят, что Европа станет мусульманской, вообще «инородческой», годичку к 2050-му; другие держатся бодрее: ну что вы, мы еще до конца двадцать первого столетия продержимся... но там уж, правдочка ваша, вымрем окончательно...

Загибается Европа на наших глазах. И главный вопрос бытия, на мой взгляд, таков: оптимистический прогноз – это если Европа *крякнет* одна, сама по себе, пессимистический – если она по своей дурной привычке и остальной мир за собой потащит... Первый вариант, понятное дело, предпочтительнее.

Давайте, перекрестясь и ахнув чарочку, решимся задать себе не самый приятный вопрос: а что, если однажды и в самом деле все к чертовой матери *обрушится!* Без пресловутой ядерной зимы и вообще войны. Естественным ходом вещей обрушится. Крякнет, квакнет, накроется медным тазом, нае... в общем, обвалится в мелкие дребезги привычная нам Европа и вообще привычная нам цивилизация?

И всюду воцарится нечто напоминающее книгу Уиндэма «Хризалиды» или, чего уж там скромничать, роман некоего А. Бушкова «Анастасия»? Если техническая цивилизация а-ля Европа обрушится и выживет достаточно много народу, которому предстоит как-то выживать?

В США – хоть святых вон выноси, понятное дело. Нам, сирым, у себя в России, думается, не понять, какой ад кромешный наступит в первую очередь для тех толстопузых миллионов, которые целыми *поколениями* привыкли жить на пособие и пребывать под защитой политкорректности. Ну и все прочие проблемы, которые прекрасно просматриваются уже сейчас.

Африка? Прогноз неутешительный и несложный: они там, завидев бесславленную кончину европейской цивилизации, примутся увлеченно резать друг друга и воевать все против всех, так что через энное количество лет Африка станет, в общем, довольно приятным и тихим местечком, раем для непуганых шимпанзе и жирафов...

Латинская Америка – континент слишком интересный и непредсказуемый, чтобы браться за прогноз. Есть в тамошних людях какой-то *задел*, который вселяет оптимизм.

Так вот, Европа... Принято строить апокалиптические картины ее поголовного омусульманывания, полного замещения европейцев инородцами. Но, сдается мне, глубоко заблуждается тот, кто решит, что для мусульман и прочих инородцев в этом случае наступит в Европе рай Божий.

Что-то я по их поводу пессимистически настроен... Понимаете, ведь получится так, что они просто-напросто *заместят* собой европейцев. И не более того. Сами станут Европой, а

это означает, что теперь они, в свою очередь, вдохнут полными легкими той неошутимой и невидимой отравы, что рассеяна над всей Европой и зовется «европейской цивилизацией» – а это штука пострашнее проникающей радиации. «Заместившие» собой европейцев мусульмане, сердце мне вещует, станут *другими*. Перестанут быть марокканцами, ливанцами, турками – потому что, как ни крути, дети их родятся не в Марокко, не в Ливане, не в Турции. Хотят они того или нет, но они обречены стать «новыми европейцами» – с упором на второе слово... И многовековые духовные традиции мусульманского мира в *данном* случае из тупика могут и не вывести. Мусульманский-то мир останется на прежнем месте, у себя дома, а что получится из «новых европейцев», решительно непонятно. Почему-то те страны, где мусульмане пытались *сосуществовать* с европейцами, с завидным постоянством кончали печально. Доколумбова Испания с ее мавританской цивилизацией... Где архитектура этой цивилизации, ее наука, культура, искусство, наконец, где они сами, блестящие, великолепные испанские мавры? Их нет. Совсем нет. Вообще. Где сейчас Ливан? В месте, для которого цензурного слова ни за что не подберешь, как ни извращай. Мусульманский мир крепок, духовно чист и исполнен веры в единого Бога лишь у себя дома. И да хранит его Аллах. Но вот что случится с *заместившей* европейцев мусульманской массой, глотнувшей *отравы*... Говорю же, я пессимистичен. Как ни крути, а получается что-то унылое.

И остается Азия. Великий континент, который просто невозможно угробить в силу как его необозримости, так и того трудноопределимого словами многотысячелетнего азиатского духа, что недоступен пониманию европейцев. Азия видела слишком многое, чтобы опускать руки даже при всеобщем катаклизме. Даже сегодня все эти ГЭС, леспромхозы, ядовитые химические комбинаты, города и прочие сомнительные достижения европейской цивилизации занимают чересчур ничтожную площадь Великого Континента, чтобы причинить ему вред. Все это сдохнет, Азия останется. Над ней за тысячелетия пронеслось слишком много, и потому *коренная* философия проста, переключаясь с убеждениями премудрого царя Соломона: все проходит, и это пройдет...

Немаловажное уточнение: Азия точно так же большей своей частью населена *белыми*. Европейцы любят шулерскую подмену понятий: свою кончину они без всякого на то права отождествляют с кончиной *всей* белой расы. А это, простите, чушь собачья. Европейцы – всего лишь одно из племен белой расы, не самое честное, не самое умное, не самое лучшее. И не более того. Вообще, деление человечества на «белую» и «желтую» расы придумал сотни полторы лет назад какой-то очередной европейский ученый придурок (мне лень разыскивать по книгам его фамилию). Придумал «белых», «желтых», а заодно и американских «краснокожих», хотя ничего подобного нет и не было. Так-то.

А посему, что бы там в Европе ни творилось, что бы ни делалось во всех других местах, судьбу Азии предсказать легко. Она просто вернется к своим истокам, к той дороге, откуда ее увела Европа. Тысячелетние традиции великих каганатов, выверенные и благородные законы Великой Степи – неплохое подспорье. Жизнь вновь станет неспешной, незатейливой, но честной, гораздо честнее той, что кипела в Европе. Потому что Тенгри, великое небо – та единственная вещь, что существует, пока существует Вселенная. В отличие от всего остального. Неизменное, вечное, недоступное земной грязи Вечное Небо над головой. Уткнувшейся рылом в землю Европе этого никогда не было дано понять.

И по степям вновь поскачут батыры, и будут красивые песни, и украшения, и будут любить девушек, и мериться силой, и соблюдать степные законы, собранные Чингисханом в «Ясе». Европа исчезнет, как дурной сон. Степные всадники будут веселы и счастливы.

Если только не примутся строить города.

Вы ведь помните, кто придумал города?

Красноярск, август 2006

Библиография

1. *Азбулов М.* Путешествие в загадочную Скифию. М.: Наука, 1989.
2. *Айвазян С.* История России: армянский след. М: Крон-пресс, 2000.
3. *Алексеев А.* Скромный кондотьер. М.: Политиздат, 1991.
4. *Алексеев С.* Славянская Европа V–VI веков. М.: Вече, 2005.
5. Александрия. Жизнеописание Александра Македонского. М.: Айрис-пресс, 2005.
6. *Амальрик А., Монгайт А.* В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука, 1966.
7. *Аптекер Г.* Колониальная эра. М: Изд. иностр. лит., 1961.
8. *Артамонов М.* История хазар. СПб.: Лань, 2001.
9. *Ахметшин Н.* Тайны великой пустыни. М.: Вече, 2003.
10. *Багров Л.* История картографии. М: Центрполиграф, 2004.
11. *Баймухаметов С.* Ложь и правда русской истории. М.: Яуза, 2006.
12. *Бацалев В.* Тайны городов-призраков. М.: Вече, 2006.
13. *Болье М. – А – П.* Средневековая Франция. М: Вече, 2006.
14. *Брашинский И.* В поисках скифских сокровищ. Л.: Наука, 1979.
15. *Булычев К.* Тайны Руси. М.: Дрофа, 2003.
16. *Бушков А.* Россия, которой не было – 3. М.: Олма-Пресс, 2004.
17. *Быков А., Кузьмина О.* Эпоха Куликовской битвы. М.: Вече. 2004.
18. *Бычков А.* Киевская Русь: страна, которой никогда не было. М.: Астрель, 2005.
19. *Бычков А.* Московия, легенды и мифы. М.: Астрель, 2005.
20. *Валянский С, Калюжный Д.* Другая история Руси. М. Вече. 2001.
21. *Вачянский С, Калюжный Д.* Другая история Средневековья. М.: Вече, 2001.
22. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. М.: Изд-во МГУ, 1987.
23. *Великовский И.* Миры в столкновении. М.: Новая планета, 2002.
24. *Вернадский Г.* Монголы и Русь. Тверь.: Леан, 1997.
25. *Волков А.* Тайны открытий XX века. М.: Вече, 2006.
26. Всемирная история. Крестonosцы и монголы. М.: АСТ, 2001.
27. *Галкина Е.* Тайны русского каганата. М.: Вече, 2002.
28. *Гаскойн Б.* Великие монголы. М.: Центрполиграф, 2003.
29. *Герберштейн.* Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988.
30. *Геродот.* История. М.: АСТ, 2006.
31. *Гимбутас М.* Славяне. М. Центрополиграф. 2005.
32. *Голыденков И., Пархаев О.* Армия императорского Рима. М.: АСТ, 2000.
33. *Горелик М.* Армия монголо-татар. X–XI вв. М., 2002.
34. *Горненский И.* Тайны империи Чингисхана. М.: Вече, 2004.
35. *Дафтари Ф.* Краткая история исмаилизма. М.: АСТ, 2004.
36. *Горсей Д.* Записки о России. Изд-во МГУ, 1990.
37. *Греков Б.* Киевская Русь. Политиздат, 1953.
38. *Гришин Я.* Польско-литовские татары: взгляд через века. Казань, Татарское кн. изд-во, 2000.
39. *Громов Д., Бычков А.* Славянская урническая письменность. М.: София, 2005.
40. *Гумилев Л.* Черная легенда. М.: Айрис-Пресс, 2000.
41. *Гумилев Л.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: АСТ, 2004.
42. *Гумилев Л.* Конец и вновь начало. М.: АСТ, 2004.
43. *Гумтев Л.* Древние тюрки. СПб.: Кристалл, 2003.
44. *Данзан.* Алтан тобчи. М.: Наука, 1973.
45. *Даврижеци А.* Книга историй. М.: Наука, 1973.
46. *Даркевич В,* Аргонавты Средневековья. М.: Университет – книжный дом, 2005.
47. *Деген И.* Иммануил Великовский. Ростов-на-Дону: Феникс, 1979.
48. *Делюмо Д.* Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994.
49. *Демин В.* Тайны Евразии. М.: Вече, 2006.
50. *Демин В.* Русь нордическая. М.: Вече, 2005.

51. *Демин В.* Тайник русского Севера. М.: Вече, 2006.
52. *Демин В.* Северная прародина Руси. М.: Вече, 2006.
53. *Демин В.* Русь летописная. М.: Вече, 2003.
54. *Демин В., Лазарев С, Слатин Н.* Древнее древности. М.: АиФ-Принт, 2004.
55. *Диллон М-, Чедвик Н. К.* Кельтские королевства. СПб.: Евразия, 2002.
56. *Джуэтт С. О.* Завоевание Англии норманнами. Минск: Харвест, 2003.
57. *Бычков А., Низовский А., Черносивтов П.* Загадки Древней Руси. М.: Вече, 2000.
58. *Доманин А.* Монгольская империя Чингизидов. М.: Центрополиграф, 2005.
59. *Доронин Б.* Историография императорского Китая. XVII–XVIII вв. СПб.: Изд-во СПб университета, 2002.
60. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М.: Логос, 1999.
61. *Дуглас Д.* Вильгельм Завоеватель. М.: Центрполиграф, 2005.
62. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М.: Наука, 1990.
63. *Жио П.-Р.* Бретонцы. М.: Центрполиграф, 2005.
64. *Зюков Б.* Под волнами Иссык-Куля. М.: Географгиз, 1962.
65. Из глубины столетий. Казань: Татарское кн. изд-во, 2004.
66. *Иловайский Д.* Становление Руси. М.: Алгоритм, 1996.
67. История Киева, тт. 1–2. Киев: Изд-во Украинской Академии наук, 1963.
68. История Испании и Португалии. М.: Монолит, 2002.
69. История СССР, тт. 1–5. М.: Наука. 1966.
70. История монголов. М.: АСТ, 2005.
71. История Китая. М.: МГУ, 2002.
72. *Калюжный Д., Кеслер Я.* Другая история Московского царства. М.: Вече, 2003.
73. *Карамзин Н.* История государства Российского. Кн. 1–3. СПб.: Кристалл, 2003.
74. *Каргачов В.* Русь и кочевники. М.: Вече, 2004.
75. Карманная энциклопедия Хатчинсон. М.: Внешсигма, 1995.
76. *Кестлер А.* Тринадцатое колено. СПб.: Евразия, 2006.
77. *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993.
78. *Класен Е.* Древнейшая история славян и славяно-русов. М.: Белые альвы, 2005.
79. *Кеслер Я., Давиденко И.* Мифы цивилизации. М.: Эксмо, 2005.
80. *Кеслер Я.* Русская цивилизация вчера и завтра. М.: Олма-Пресс, 2005.
81. Книга для чтения по истории Средних веков под редакцией проф. Виноградова. М.: Т-во Сытина, 1912.
82. *Князьков С.* Допетровская Русь. М.: Вече, 2005.
83. *Кожин В.* Правда против кривды. М.: Алгоритм, 2006.
84. *Коломищев И.* Тайны великой Скифии. М.: Олма-Пресс, 2005.
85. *Конан Дойль.* А. Т. 5. М.: Правда, 1966.
86. *Королев А.* Загадки первых русских князей. М.: Вече, 2002.
87. Краткий энциклопедический словарь. М.: Внешсигма, 2001.
88. *Кузьмин А.* Начало Руси. М.: Вече, 2003.
88. *Кузьмин А.* Крещение Руси. М.: Эксмо, 2004.
89. *Кычанов Е.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М.: «Восточная литература» РАН, 1995.
90. *Ларионов В.* Витязи Святой Руси. М.: Эксмо, 2004.
91. *Ларионов В.* Сокровенный путь в Беловодье. М.: Яуза, 2005.
92. *Михачон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: МГУ, 1994.
93. *Лызлов А.* Скифская история. М.: Наука. 1990.
95. *Малиничев Г.* Археология по следам мифов и легенд. М.: Вече, 2006.
96. Манас. М.: Огиз, 1946.
97. *Мартынов А.* Археология. М.: Высшая школа, 2005.
98. *Мензис Г.* 1421 – год, когда Китай открыл мир. М.: Яуза, 2004..

99. *Мизун Ю. В., Мизун Ю. Г.* Ханы и князья. М.: Вече, 2005.
100. *Можейко И.* 1185 год. М.: Наука, 1989.
101. *Мол ев Е.* Эллины и варвары. М.: Центрполиграф, 2003.
102. *Морозова Л.* Русские княгини. М.: АСТ, 2004.
103. *Мыльников А.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996.
104. *Мэн Д.* Чингисхан. М.: Эксмо, 2006.
105. *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб.: Евразия, 2006.
106. *Шихаб ан-Насиви.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дин Манкбурны. М.: «Восточная литература» РАН, 1996.
107. *Никитин А.* Хождение за три моря. Калининград: Янтарный сказ, 2004.
108. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. СПб.: Типография Безобразова и К°, тт. 1–3, 1864.
109. *Нидерле Л.* Славянские древности. М.: Алетейа, 2001.
110. *Николаев В.* История предков чувашей. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2005.
111. *Никольский Н.* История русской церкви. Минск, 1990.
112. *Низовский А.* Неразгаданные тайны Австралии и Океании. М.: Вече, 2005.
113. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань: Александрия, 2001.
114. *Осокин Н.* История Средних веков. Минск: Харвест, 2003.
115. *Пенник Н., Джонс П.* История языческой Европы. СПб.: Евразия, 2000.
116. *Перхавко В., Сухарев Ю.* Воители Руси IX–XI вв. М.: Вече, 2006.
117. *Пинегин М.* Казань в ее прошлом и настоящем. Казань, 2005.
118. *Политковская Е.* Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI–XVIII веках. М.: Флинта, 2005.
119. *Покровский М.* Русская история, т. 1. СПб.: Полигон, 2002.
120. *Попова А.* Ритмы истории. Русь и славяне в поисках прародины. М.: Яуза, 2003.
121. *Почекаев Р.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ, 2006.
122. *Плутарх.* Сочинения. М.: Худ. лит., 1983.
123. Поэзия Золотой Орды. М.: Наталис, 2005.
124. *Прозоров Л.* Времена русских богатырей. М.: Яуза, 2006.
125. *Путенихин В.* Тайны Аркаима. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006.
126. *Райс Т.* Сельджуки. М.: Центрполиграф, 2004.
127. *Райс Т.* Скифы. М.: Центрполиграф, 2004.
128. *Райт Дж.* Географические представления в эпоху крестовых походов. М.: Наука, 1988.
129. Рассказы начальной русской летописи. Новосибирск: Кн. изд-во, 1991.
130. *Ру Ж.-П.* Тамерлан. М.: Молодая гвардия, 2006.
131. *Ру Ж.-П.* Чингисхан и история монголов. М.: Астрель, 2005.
132. *Рубцов С.* Легионы Рима на нижнем Дунае. СПб. – М., 2003.
133. *Рыбаков Б.* Рождение Руси. М.: АиФ-Принт, 2003.
134. *Рябцевич В.* О чем рассказывают монеты. Минск: Народная асвета, 1977.
135. *Саггс Х.* Вавилон и Ассирия. М.: Центрполиграф, 2004.
136. *Серяков М.* Любовь и власть в Древней Руси. М.: Яуза, 2005.
137. *Сидихменов В.* Маньчжурские правители Китая. Минск: Миринда, 2004.
138. *Скрынников Р.* Иван III. М.: АСТ, 2006.
139. *Соловцов П.* История Сибири. М.: Вече, 2006.
140. *Соловьев С.* Наблюдения над исторической жизнью народов. М.: АСТ, 2003.
141. *Султанов Т.* Чингиз-хан и чингизиды: судьба и власть. М.: АСТ, 2006.
142. *Сычев Н.* Книга династий. М.: АСТ, 2005.

143. *Татищев В.* История Российская, тт. 1–2. М.: АСТ, 2003.
144. *Тацит.* Анналы. Малые произведения. История. М.: АСТ, 2001.
145. *Тевено Э.* История галлов. М.: Весь мир, 2002.
146. Типографская летопись. Рязань: Александрия, 2001.
147. *Todd M.* Варвары. М.: Центрполиграф, 2005.
148. Три еврейских путешественника. Иерусалим. Гешарим. М.: Мосты культуры, 2004.
149. *Троцкий М.* Учебник логики. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886.
150. *Успенский Д., Шнейдер К.* За семью печатями. М.: Молодая Гвардия, 1963.
151. *Уэзерфорд Д.* Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005.
152. *Файзрахметов Г.* История сибирских татар с древнейших времен до начала XX века. Казань: ФЭН, 2002.
153. *Федоров-Давыдов Г.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.
154. *Федосеев Ю.* Русь и Золотая Орда. М. 2006.
155. *Фенел Д.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М.: Прогресс, 1989.
156. *Феофан Византиец, Приск Панийский.* Рязань: Александрия, 2005.
157. *Филлис Э.* Монголы. М.: Центрполиграф, 2004.
158. *Фишман О.* Китай в Европе: миф и реальность. XII–XVIII вв. СПб., 2003.
159. *Фицджералд Ч.* История Китая. М.: Центрполиграф, 2005.
160. *Хачил Г.* Куда исчезла Волжская Болгария? Казань, 2004.
161. *Хаттон Э.* Аттила. М.: Центрполиграф, 2005.
162. *Уэллес-Хедрикл Дж-М.* Варварский Запад. СПб.: Евразия, 2002.
163. *Хенниг Р.* Неведомые земли. Т. 2. М.: Иностран. лит-ра, 1961.
164. *Ходжсон М. Дж. С.* Орден ассасинов. М.: Вече, 2006.
165. Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука, 1986.
166. *Храпачевский Р.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, 2004.
167. Хрестоматия по истории Средних веков, т. 2. М.: Соцэкономиздат, 1963.
168. *Худяков Ю.* Сабля багыра. СПб. – М., 2003.
169. *Цветков С.* Русская история. Кн. 1–2. М.: Центрполиграф, 2004.
170. *Цезарь.* Записки о галльской войне. Крисп. Сочинения. М.: АСТ, 2001.
171. *Ципоруха М.* Покорение Сибири. М.: Вече, 2004.
172. *Ципоруха М.* Российские мореходы. М.: Познавательная книга плюс, 2003.
173. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Политиздат, 1950.
174. *Чудинов В.* Загадки славянской письменности. М.: Вече, 2002.